

СТАРШИЙ КАМЕРЫ №75

Часть первая ДЕТИ В ТЮРЬМЕ

Глава 1

Гуманизм - хорошее слово. Оно и звучит как-то приятно, и содержит в себе много такого, от чего наш брат, заключенный, трепещет словно лист на ветру.

В нашей тюрьме, рассчитанной на три тысячи человек, сидят восемь тысяч заключенных. Добрая половина среди них - так называемые малолетние преступники. Каждый божий день за решетку, с левой или правой корпусной стены, со стороны камеры, тоненькими хилыми руками цепляется заключенный и кричит: «ПАЦАНЫ!.. ГУМАНКА ВЫШЛА!.. ГУМАНКА!.. УРА!»

Через пять минут тюрьма дрожит от надрывных детских голосов, ликующих по поводу прибытия в тюрьму «Летучего голландца». «Летучий голландец» грезится сломленным морально и физически детям в образе гуманного акта, якобы возвестившего заключенным свободу.

Тюремные надзиратели всячески поддерживают эту версию.

Они хорошо знают: вера - это порядок, а порядок всегда нелишний в таком заведении, как тюрьма.

Массивная черная дверь открылась, и надзиратель втолкнул меня в камеру № 75.

В тусклом электрическом освещении увидел я бледно-землистые лица. Их было много. Они смотрели на меня сверху с нар, со среднего яруса, с пола и даже из-под нар.

В углу, возле параша, лежали несколько детских тел в изорванной одежде. Ткань матрасов тускло лоснилась от вековой грязи.

Почему меня бросили к несовершеннолетним? Опять медвежьё услугу оказали биографические данные - упоминание об учебе в университете.

Как я уже написал, детей было много. В камере, рассчитанной на десять человек, нас было тридцать три.

Наверное, такую же картину можно было наблюдать в средневековье в трюмах испанских каравелл, перевозящих рабов на новое место жительства. Я стоял со своим матрасом, не зная, в какую сторону ступить ногой, чтоб не наступить на чью-то голову.

- Мужик, ты чё, старшаком к нам поставлен? - спросил меня оголенный до половины подросток. Видимо, он был на положении камерного короля, смотрел нагло и вызывающе.

- Каким старшаком? - спросил я, в то время еще толком не зная о своей миссии в камере № 75.

- Не гони¹, мужик, - тонкие губы передернула злая улыбка, - захотел масло хватать², так и скажи. Был тут до тебя один старшак, вчера ломанулся³ из камеры. Если бы не ломанулся, посадили бы на четыре кости и «манечка»⁴...

Блатной жаргон был мне известен. В КПЗ я видел несколько человек из касты отверженных. Они, как и здесь, в камере, там ютились на рваных фуфайках. К ним не подходили, с ними почти не разговаривали. Даже пнуть ногой педераста не разрешал «кодекс» заключенных. Впрочем, как я увидел потом, время от времени их зверски избивали. Просто так, от камерной злобной тоски.

- Ну и чего он ломанулся? Вы хоть узнали? - спросил я.

- Цинканули⁵ с другой хаты⁶, что был стукачом⁷, пацанов вкладывал⁸. Базар⁹ такой, — продолжал мой собеседник, - если чё узнаем - сам знаешь, и многозначительно на меня посмотрел.

Мне ужасно хотелось спать. После перехода из КПЗ в тюрьму нас подвергали множеству процедур. Где-то в нижних подвалах, уже не помню, в который раз, снимали отпечатки пальцев. Тюремный фотограф запечатлевал наши физиономии. Верзилы - надзиратели из вольнонаемных ошупывали нашу обувь в поисках супинаторов.

Расспросы и угрозы мне начали надоедать.

- Я пришел с воли, в других хатах не сидел.

- С воли тоже приходят менты¹, - вставил маленький заключенный лет 12-13 на вид.

- Давайте, пацаны, добазаримся, - я перешел на блатной жаргон. - Дайте мне любую нару, завтра на решетке все про меня узнаете.

Матрос, так звали камерного заправилу, подошел к одной из нар. В камере воцарилась тишина. Распределение места является одним из наиболее торжественных камерных ритуалов. Наверху сваренной двухъярусной нары, под тряпьем, сжался живой комочек.

Матрос безжалостно сорвал с подростка рваную фуфайку и со всего размаху ударил кулаком по спине.

- Ну, Мороз, сваливай² под нару. Ты миф³, а мифу нара не положена.

В камере раздался смех. Смеялись в основном те, у кого были свои спальные места.

Среди камерной элиты встречались настоящие верзилы, с крепкими бицепсами, высокие и стройные. Но были здесь и подростки, похожие на карликов, с вялыми злобными лицами, у этих физическая сила в удерживании авторитета роли не играла. Они хорошо уяснили, что жестокость и злоба - здесь лучшее оружие. Их рассуждения в камерных спорах сводились только к одному: отнять личные вещи, принудить к мужеложству, стравить в драке.

Малыш, которого сгоняли с обжитого места, жалобно захныкал:

- Матро-о-ос, я больше не буду мифовать.

Это занятие оказалось бесполезным. Малейшее проявление слабости усугубляло положение вещей.

- Я тебе чё сказал, ишак?! - Матрос ударил его кулаком по голове, затем несколько раз по спине. Удары были тяжелыми, отзывались неприятным звуком: дух! дух! дух! - Сваливай под нару.

Малыша, которого сгоняли с нары, звали Саша, фамилия Морозов. Круглая стриженная голова, пергаментной белизны кожа, круглые голубые глаза, тоненькие ручки и ножки. Суд вынес ему десять лет колонии усиленного режима. Позже я писал ему кассационные жалобы, соответственно был ознакомлен с его преступлением.

Оно заключалось в следующем: четырнадцатилетний Саша Морозов в компании с 30-летним рецидивистом Максимовым совершил несколько преступлений:

первое - рецидивист Максимов ограбил магазин, с ним был и Саша Морозов;

второе - рецидивист Максимов снял часы и избил женщину, Морозов при этом присутствовал; Максимов ударил человека ножом, и тот скончался.

Во время всех этих преступлений Саша был вместе с Максимовым. За это он получил десять лет колонии усиленного режима. Впрочем, для его здоровья это можно считать смертным приговором. Розовые воздушные пузыри его легких вряд ли вынесут отравленную камерную атмосферу. Хрупкий позвоночник тоже долго не выдержит под беспощадными кулаками Матроса или ему подобных.

Я долго думал впоследствии над судьбой Саши Морозова. Мои кассации и помилования, которые я для него писал, конечно же, дополнили закрома целлюлозно-перерабатывающих комбинатов, которые могут делать план на кассациях, от управляемых заключенными. Что можно сказать об этом преступлении?.. Если, к примеру, взять и к ремню наглого пьяного мужика привязать на веревке собачонку, вряд ли она помешает ему делать то, что он захочет, как бы ни визжала...

Заключенные удачно называли металлическую двухъярусную нару вертолетом. Когда шевелится человек внизу, а в тюрьме он шевелится в силу многих обстоятельств, человек на верхней наре чувствует себя, словно при испытаниях первых конструкций вертолетов. Меня долго мотало из стороны в сторону, но сон брал свое. Еще несколько мгновений я обалдело всматривался в землистые лица детей, затем окупился в омут бредового сна.

Наступило утро следующего дня. Собственно, о том, что наступило утро, известили удары в массивную черную дверь. Дневной свет в камеру почти не проникал. Лампочка низкой мощности круглосуточно освещала прокуренные стены. За дверью были слышны шаги тюремной obsługi.

- Подъем! Па-а-а-д-ём! - кричала в открытую кормушку заспанная надзирательница. Ей нравилось подолгу и часто заглядывать в камеру. Обнаженные подростки явно вызывали у нее сексуальный интерес. Иногда она отпускала в камеру эротичные замечания:

- Эй, ты! Тебе на свободе нужно находиться, баб трахать, а ты госпайку жрешь.

Подростки дружно грохнули. Это замечание относилось к здоровому парню, который рисовался своей мускулатурой.

Ты, солидолщица, - парень подбежал к открытой кормушке, картинно вихляя тазом, - выйду на свободу - тобой займусь.

Надзирательница осклабила рот, набитый золотыми зубами:

- С твоим членом у меня нечего делать. У меня муж - здоровый, как Петр I, - продолжала она сыпать "профессиональным" юмором.

Серегу, так звали заигрывающего с ней парня, подобное замечание начало злить. Он постепенно вводил в разговор блатные прибаутки.

- Да кто тебе поверит, солидолщица, а ну базарь, как тебе пацаны устроили на воле шутку с солидолом?

Камера надрывалась от смеха. Историю с надзирательницей, которую окрестили солидолщицей, знали все в тюрьме.

Несколько лет тому назад освободившиеся ребята поймали её в темном переулке, сняли платье, трусы и вымазали снизу солидолом. Говорили, что они сделали это так хорошо, что ей пришлось обратиться в больницу.

- Заткнись, ворина проклятый! - солидолщица завизжала. - Я тебе устрою! Посмотришь, сегодня будешь в камере у педерастов, они из тебя "машку" сделают!

Тут уже перепугался Сергей. Надсмотрщица знала, чего больше всего боятся подростки. Провинившегося в чем-либо подростка бросали в наказание в камеру к педерастам. В такой камере сидели несчастные, лишенные даже элементарных прав узников в рамках тюрьмы. Обозленные на остальную массу заключенных, по вине которых они попали в камеру «прокаженных», «обиженки», как их называли, незамедлительно совершали насилие над вновь попавшим к ним заключенным. Сергей, по всему было видно, перепугался.

- Дежуренькая, - заискивал он перед дверью, - я же пошутил. Врач на больного не обижается. Прости подлеца.

За черной металлической дверью послышалась возня. Кормушка вновь открылась. Показалась одутловатая физиономия разносчика пищи из заключенных. Подростки их ненавидели старинной ненавистью заключенных к тем же заключенным, но жившим в лучших условиях.

- Эй, хозбандит, кинут тебя к нам, жопу порвем на портянки, - крикнул кто-то из камеры.

- Ты! Рожка протокольная, вчера пайку недодал, давай сегодня больше, - крикнул еще кто-то.

Разносчик пищи дрожащими руками подавал сквозь кормушку половинки булок хлеба, дневную норму каждому заключенному. Изредка можно было увидеть его пугливые глаза и землистую физиономию. Затем дверь приоткрылась, и в пододвинутый к двери трехведерный бак было вылито полтора ведра желтой воды - так называемый чай. К «чаю» выдавалось по ложке сахара на брата и по кусочку масла размером с шашечный кругляш. Это была дневная норма для малолеток.

Возле камерного туалета - «торчка», скорчившись сидели несколько педерастов. Пайку, выделенную им, положили отдельно на пол. Несчастные взяли пищу и в углу на корточках стали есть. Остальные заключенные сели на скамейки за длинный деревянный стол и начали делить хлеб и сахар. С подоконника достали свертки передач родных и тоже стали делить между собой. Там были конфеты, сыр, вареное мясо, другие продукты. Те заключенные, которым все это было адресовано, получали по самому маленькому кусочку. Остальное забирала элита.

У меня права голоса еще не было. Было бы смешным диктовать свои правила скопищу покалеченных душ и характеров способных на все подростков. Кстати сказать, у многих малолеток было холодное оружие. Супинаторы все же просачивались в камеры. Эти тонкие кусочки хорошей стали часами затачивались о цементный пол. Затем из рабочих камер, куда выводили малолеток на работу, приносили кусочки дерева, и жгутами из материи заточенные супинаторы привязывались к деревяшкам в виде ручек. Получались острые ножи с короткими лезвиями. Ими была переполнена вся тюрьма. Позже я очень часто сквозь тюремное окно слышал стук молотков и визг пил из внутреннего дворика. Оказывается, это сколачивались гробы убитым в камерных стычках заключенным.

Заключенные камеры № 75 встали в один ряд у стены на утреннюю проверку. Такие проверки устраивались несколько раз на дню. Все сводилось к подсчету заключенных. За все время, что мне пришлось находиться в местах лишения свободы - в тюрьме и лагере, я убедился, что подсчет заключенных - излюбленное занятие администрации тюрем и лагерей.

Черная дверь во второй раз открылась за сегодняшнее утро. Вошли двое в военизированной форме. Глядя на них, я увидел готовые персонажи для юмористических рассказов. На прапорщике был мятый мундир, подпоясанный перекошенным ремнем. Фуражка сидела криво на узкой и длинной дегенеративной голове. Садистское лицо нервно дергалось. Дубак, как здесь удачно окрестили дежурных прапорщиков из вольнонаемных, в придачу был колченогий и походил на козла. По национальности он был или мордвин, или татарин, молил языком кривые, малопонятные слова. Женщина походила на грязную итальянскую кухарку, была непомерно толстой и с черными усиками на пористом лице.

- Кто дежурный? - затараторил “козел”. - Сколько тшеловек имеем налишие? Как шизнь?

В это утро дежурил по камере миниатюрный китайчонок Ван-Тун-Шан. Не лишенный юмора подросток вытянулся по стойке «смирно» и выпалил:

- В камере тридцать три человека, три педераста, все здоровы, покушали, дежурный по камере Ван, черточка, Тун, черточка, Шан, точка.

Утренняя проверка закончилась. Дежурные надсмотрщики в камере долго задерживаться не любили. После ухода дежурных наступали часы вынужденного безделья. Ложиться и сидеть после сна не разрешалось. Если кто-то из заключенных ложился или садился на нару, открывалась кормушка и раздавались угрожающие окрики охраны. Но все же камерные заправилы улучали минуты и ложились. Когда какой-либо малолетний получал несколько замечаний по этому поводу, открывалась черная дверь, заскакивали несколько охранников и уволкивали подростка в карцер. Из карцера подростки возвращались с багрово-красными подтеками на спине и ребрах.

На меня мало обращали внимание. Поначалу были расспросы о моем преступлении: что и как. Время работы «камерного телефона», каким являлась решетка, наступало ближе к вечеру.

Куриль в камере официально запрещалось. Но сигареты и папиросы висели в мешках, подвешенных к нарам. Куриль сигареты с фильтром имела право камерная элита, состоящая из 6-7 человек. Остальные курили махорку из картонной коробки с подоконника.

Разговоры в камере сводились к одному: кто за что сидит, рассказывались бесконечные истории о лагерных законах и о жизни в колониях, куда предстоит попасть. Но вот разговор принимал русло озлобленности друг к другу. Начинались придирки к слабым, затевались жестокие игры, где применялось прямое насилие. Особенно доставалось новичкам, а их ежедневно прибывало в камеру по несколько человек. Вот и сегодня так называемую камерную прописку должен был пройти подросток по кличке Одесса. Матрос, Боцман и Серый, камерные вожак, освободили посредине камеры место и поставили скамейку, которую здесь называли «трамвай».

- Садись, Одесса, будешь проходить прописку. Матрос взял толстую книгу, одну из взятых в тюремной библиотеке, встал возле сидящего Одессы:

- Будешь отгадывать загадки. Одну не отгадаешь - получаешь коц.

Коцами называли предмет для экзекуции. Обыкновенная металлическая ложка привязывалась к полотенцу. В конце прописки за неотгаданную загадку полагался один удар ложкой по ягодицам. От сильного удара коцом кожа не выдерживала, трескалась, как скорлупа ореха.

Одесса понимал, что от избияния он не отделается. Его давно не мытые руки с грязными ногтями заметно дрожали.

- Ну вот, Одесса, - Матрос ткнул ему книгу. - Перед собой ты видишь книгу Зака. С чего начинается и чем кончается книга Зака?

Одесса засуетился, глазки его забегали в поисках правильного решения. Минута промедления, и удар книгой по голове заставил его втянуть голову в плечи.

- Повторяю вопрос... С чего начинается и кончается книга Зака?..

Молчание - т-рах! Матрос бил его методически и без малейшей жалости. *Этот* подросток поражал меня своей бесчувственностью и прямыми садистскими наклонностями. Позже, когда он, сблизившись со мной, рассказывал о своих похождениях, я был потрясен.

Через некоторое время мозги Одессы, видимо, совсем затуманились. Он вращал глазами, в которых блуждала пелена частичного помешательства.

Я пошел на хитрость:

- Матрос, если он получит сотрясение мозга, тебя сразу же вложат. Зачем тебе еще одна статья за такого тупорылого, как Одесса?

Матросу это показалось существенным доводом. Он бросил книгу на скамейку и флегматично произнес:

- Эй, ты, Одесса, мерин висложопый, книга Зака ударами начинается и ударами кончается.

«Если это было только вступлением, - подумал я, - что же будет дальше?»

- Отгадай, Одесса, загадку, - продолжал Матрос. - Летела стая, совсем большая, сколько было сов?..

Одесса не знал этого идиотского каламбура. Слово «совсем» необходимо было разделить. Получалось «сов семь».

- Один коц заработал, - изрек судья. Прописка продолжалась. - Что отдашь: пайку, майку или кровное тело?

Полагалось ответить: майку, в крайнем случае пайку, но ни в коем случае не кровное тело. Это был намек на согласие к мужеложству.

Одесса оживился. В его хилых мозгах пронеслась мысль отвоевать свой авторитет через доказательство, что он свой парень и ему ничего не жалко.

- Пацаны, я отдаю кровное тело!

В камере воцарилось гробовое молчание.

- Ах, ты, пес паршивый! - к сбитому с толку Одессе подбежал Серый, подросток, который заигрывал с надсмотрщицей. - Ты чё гонишь?! Ты чё гонишь?!

Он подтянулся заброшенными за голову руками на решетке, выгнул тело и выброшенными ногами изо всех сил ударил Одессу в грудь. Тот свалился, затем встал, прикрывая руками самое уязвимое место ниже пояса.

- Еще один коц, Одесса, а ночью поговорим особо, - ухмыльнулся Матрос.

«Прописка» продолжалась. Подростки не знали пощады, как молодые волки. Единственное, чего они боялись в плане ответственности, - это быть брошенными в камеру к педерастам. Но в подобных случаях стражи порядка где-то отсутствовали. Кроме этого, за дверью следил «конь», то есть человек на посылках без лица и воли. Он ладонью прикрывал глазок.

Один из заключенных нарисовал что-то наподобие кошки. К стене подвели Одессу. Загадка, которую ему загадали на этот раз, дословному описанию не подлежит. Смысл ее заключается в следующем: Одессе предложили выбрать - или заниматься онанизмом, или (вторую часть можно привести дословно) «тигра мочить», то есть бить. Запуганный подросток выбрал второе. Он тыкал кулаком в стену, ничего не понимая и не видя вокруг.

Я спросил: - Сколько он так должен бить?

- Пока кровь на пальцах не покажется, - ответил мне один из заключенных.

Вот она, звериная злоба и ненавистничество друг к другу, которые воспитывает подобная система. Ужас происходящего мало поддается осмыслению, если его воспринимать только через написанные строки.

Наконец из косточек на пальцах Одессы потекла кровь. Все шло по «закону», все успокоились.

- Откуда ты такой ишак взялся, опять не угадал. Ну ладно, кровь потекла, скажу: отгадка очень простая - тебе надо было сказать: «А зачем мне его мочить, ведь он не живой, а нарисованный».

Оказывается, тигр был не живой! Интересно, что бы ответил я или вы, задай вам такую загадку?

Под конец прописки измотанный и частично избитый Одесса был почти готов для больничной койки. Но основного наслаждения подростки ждали от избиения коцами. Одесса проиграл пятнадцать ударов. Подошел «палач» по кличке «Терешок». Беспристрастное помятое лицо, напоминающее перезревший огурец, бугристая кожа. Руки у этого подростка напоминали рычаги. Я понял, какой силы будут удары.

Одесса был в драных спортивных штанах. Это было одно и то же, будь он голым. Одессу положили на скамейку, и Терешок стал отсчитывать удары. Заступиться не было возможным. Могу вас заверить, что в подобном случае заступиться - значит подвергнуть себя пожалуй, самому страшному - со временем оказаться в положении педераста. У меня впереди было три года колонии. Разнеси малолетки по тюрьме весть, что я ущемлял их «права», мне пришлось бы либо кричать по-петушину на параше, либо совершить преступление уже в рамках настоящего.

Удары были ужасными. После третьего-четвертого удара тонкое трико вспухло от крови. Одесса искусал губы, но все же приглушенные крики вырывались из его уст. Когда экзекуция закончилась, полуживой подросток на животе полез под нару. Эта картина до сих пор стоит у меня перед глазами - я ее никогда не забуду. По этому поводу можно сказать только одно. Будь камера рассчитана на четыре-пять человек, а это для малолетних правонарушителей сделать необходимо, подобное явление не имело бы места. Но администрация тюрем не видит различия между совсем юными людьми, имеющими возможность исправиться, и рецидивистами. Всех меряют под один аршин, тем самым губят тысячи и тысячи людей.

Во второй половине дня, ближе к вечеру, наступило время тюремного телефона, о котором я уже писал. Из каких-то камер нашего корпуса доносились самые разные новости. В основном, это были сведения о тюремных грешниках, в чем-либо виновных по тюремным законам.

Крики затрагивали не только интересы малолеток. Из камер, где сидели взрослые, также поступали различные указания и приказы. Обрывочные крики носили такой характер:

- Хата 75! Хата 75, слышишь меня? - неслось неизвестно откуда.

- Хата 75 на решетке, говори!

- У вас в хате сидит Асмус, есть такой?

Глаза малолеток опять загорелись звериным огнем. Я это видел хорошо. Все взоры обратились на хилого, изможденного подростка. До этого я его разглядеть не мог. Он прятался где-то под нарой, но сейчас явно перепуганный, забился в промежуток между нарами.

- Говори, есть такой Асмус! Хата 75 слушает.

- Долби Асмуса, он ломанушка и кругляк, - донеслись слова, которые для Асмуса значили мучения и гонения на весь срок тюремного заключения. После этих слов, не требуя объяснений, место его уже определялось обществом педерастов - возле камерной парашаи.

«Ломанулся» на тюремном жаргоне означает, что Асмус по какой-то причине сам попросился в другую камеру. Чаще всего это происходило трагично. Систематически избиваемый подросток вырывался из рук тех, кто его бил (стучал в дверь) и умолял перевести его в другую камеру. Но и на этом его мучения не кончались, в чем вам предстоит убедиться. Вынужденный уход расценивался как сотрудничество с администрацией тюрьмы, и его начинали избивать и в других камерах. Что касается слова «кругляк», оно переводится так же, как и педераст, но в придачу этого заключенного подвергают минету.

Злые карлики-мыслители многозначительно поморщили лбы, и я понял, что судьба Асмуса будет ужасна. Один из камерных заправил, карлик-мыслитель по кличке Калуга, уже начал развивать слух мысль, которую можно было ожидать.

- Ну рассказывай, чертило, кого вложил?! Ты когда пришел к нам в хату, почему не сказал, что твое место на параше?... А мы тебе место за столом дали, хавал с нами. Теперь всем в хате распомииваться надо из-за тебя, суки.

Я насторожился. Что такое распомииваться, я не знал. Понимал только, что поскольку все в камере физически соприкасались с Асмусом, значит - все как бы стали прокаженными.

- Ну чё с ним, Серый, будем делать? - карлик-мыслитель посмотрел на Серого, который при малейшей возможности пускал в ход кулаки.

Серый сузил глаза, расставил руки, как борец на ковре, и пошел на Асмуса. Тот ощерил зубы в зверином оскале, и я увидел натуральную картину, одну из тех, которые, видимо, происходили в каменных пещерах наших предков. Асмус не говорил ни слова, он только принял естественную позу затравленного зверя. Серый подошел ближе, размахнулся кулаком, но неожиданно ударил Асмуса длинной ногой прямо в лицо. Тот упал, обхватив голову руками и завыл. Из носа и расквашенных губ текла кровь. Администрации, как всегда в такие моменты, не оказалось. Серый, как тигр, почуявший добычу, прыгнул на распростертое тело, одной рукой зажал Асмусу рот, а второй методично стал бить по грудной клетке кулаком и ребром ладони по почкам и печени. Во мне проснулось бешенство. Я подбежал к Серому, схватил его за руку и потащил от Асмуса.

- Хорош! Завязывай - кричал я, - кого ты бьешь? У тебя силы в десять раз больше!

Серый на меня злобно уставился.

Заострять конфликт с первых же дней своего «интенсивного» пребывания в камере малолеток мне не хотелось.

- Серый, ты же не дурак, - начал я лавировать, - неужели тебе его совсем не жаль? - говорил я, зная, что подобные слова один раз могут смягчить подростка, жаждавшего крови.

- Посмотри, Серый, на него, у него же явно ТБЦ. Загнется в камере от кровохарканья, будет грех на душе.

Малолетки как-то заинтересованно на меня посмотрели. Я понял, что у них в душе есть еще человеческие струны, но они запятаны слишком далеко, иначе просто невозможно выжить.

Асмус, как и Одесса перед этим, всхлипывая, полез под нару. Камерный закон восторжествовал. Осталось только загнать Асмуса на парашу, но этого вопроса никто не касался.

Серый сел на нару и закурил. Затем закурили все. Мыслитель-карлик Хухря, сидя по-турецки на наре, наморщив лоб, решал новую для себя проблему. Наконец подошло время к заинтересовавшему меня распомииванию.

- Короче, так, пацаны, - изложил Хухря хитромудрую по замыслу задачу: - Асмус хавал на том конце стола, возле него сидел Хохол, Ван-Тун-Шан, Куцый, Одесса и Додя. Они там терлись меж собой, они и будут распомииваться.

Хитрый Хухря решил задачу элементарно просто. Камерная элита была ограждена от процедуры, которая заключалась в следующем: каждому, из названных Хухрей, в металлическую кружку, до половины заполненную водой, насыпали по пять ложек поваренной соли. Соль растворялась, и «запомненные» подростки выпивали содержимое своей кружки. Не знаю медицинских последствий от подобного употребления, но смотреть на лица пьющих было тяжело.

Как только конфликт разрешился, черная дверь открылась и в сопровождении специального воспитателя-офицера в камеру пришла учительница.

Общеобразовательная система распространяется в обязательном порядке и на заключенных малолеток.

Другой вопрос: необходима ли учеба в камерных условиях? За все время моего пребывания воспитателем малолетних правонарушителей я ни разу не убедился в необходимости учебы детей в камерных условиях.

Флегматичные, безэмоциональные учителя занимались с детьми только благодаря повышенной оплате за так называемую вредность. Приход учителя являлся всего лишь отдушиной для морально и физически измученных детей и в какой-то мере прерывал их истязания друг другом. Камерные заправилы продолжали гримасничать и вести глупые разговоры, а подавляющее большинство, не вникая в лекции учителя, отдыхали.

Учителя в своем большинстве были с убогой моралью и мало чем отличались от надзирательского состава. Мне запомнилась учительница русского языка Кира Сергеевна. Увидев селедку, которую выдавали малолеткам как вспомогательный паек, Кира Сергеевна воскликнула вполне искренне:

- Ого! Какую хорошую рыбу вам дают. Мы на свободе такую не видим, а вас такой жирной селедкой балуют. Вам хо-ро-шо...

В этих стенах ее слова звучали кощунственно.

Учебы, как таковой, не было. Отметки выставлялись просто так, за одно сказанное впопад слово, да и то кем-то подсказанное. Вместо затрат на подобных учителей, лучше увеличить паек того же, так необходимого организму детей, сахара. Ведь десятки и сотни тысяч этих детей страна захочет видеть полноценными тружениками. Какой же смысл калечить детские организмы, чтобы затем лечить от дистрофии, психических расстройств, туберкулеза и других болезней, которые считаются изжитыми в наше время?

Глава 2

В камере ко мне начали относиться несколько иначе. Я это почувствовал. За жестокостью и озлобленностью большинства подростков скрывались нежные детские души.

Каждый из ребят боялся тюремной клеветы, которая вела к унижению. То, что я пытался защитить некоторых из них от насилия, породило симпатию. Камерные заправилы, особенно карлики-мыслители, уже затаили на меня злобу.

Цинично иронизируя, они пытались по-своему трактовать преступление, за которое я находился здесь. Вскользь затрагивали мою личную жизнь на воле, ничего о ней, по существу, не зная. В камере находились несколько детей из интеллигентных семей. Один, по

фамилии Физик, - сын главного архитектора города, второй - из семьи управляющего трестом. Ребята постоянно ютились возле меня, было видно, что они боятся.

Вечером, когда все улеглись, начинались не менее отвратительные картины, чем днем. Весь цементный пол был устлан матрацами. Как я уже писал, камера до отказа была заполнена детьми. Один из заключенных, чечено-ингуш по национальности, перелез с нары на пол и стал что-то нашептывать одному из подростков. В камере стояла тишина, было ясно, что все прислушивается к происходящему. Подросток, к которому приставал чечено-ингуш, о чем-то его умолял, тот угрожал, настаивал. Я прислушался и постепенно стал вникать в разговор.

- Чего ты боишься, никто не узнает... Я тебе сказал - возьми!

- Не тронь меня, Хезыр, я тебе свою посылку отдам, только не тронь.

Я все понял и решил во что бы то ни стало помешать назревавшему насилию. Разговор продолжался.

- Ты мне сразу понравился. Придем в зону, я за тебя заступаться буду.

- Нет, Хезыр, оставь меня, прошу!!!

- Я же сказал, возьмешь! - раздался удар, ребенок заплакал. Нервы у меня напряглись до предела. На свободе - в другом мире - я слышал о подобном, но до меня по-настоящему не доходило, что человек способен на столь омерзительные поступки.

Витя, так звали подростка, продолжал отнекиваться и плакать, и я не выдержал:

- Слушай, Хезыр, Витек - мой земляк и сосед по дому. Давай его сюда, я сам с ним побазарю. Понимаешь, по старшинству...

Меня поняли так, как я хотел. Вокруг сдавленно захихикали. Малыш полез ко мне на верхнюю нару. Он был из семьи рабочих, сидел за кражу велосипеда. Сажать за подобное несовершеннолетнего человека в тюрьму - преступление. Мы долго разговаривали. Ждать «веселых» событий всем надоело. Незаметно интерес малолеток перешагнул из одной точки камеры в другую.

На этот раз кривоногий верзила, казах, подозвал к себе одного из касты «прокаженных». Бардасов, так звали малолетку, покорно подошел к наре казаха. Да, это была суровая тюремная реальность. Сломленный морально, симпатичный молодой парень, уже не мог сопротивляться. Он покорно полез под нару. Сердце у меня бешено колотилось, но сделать что-либо было невозможно. Под нарой происходила возня, камера оживилась. После казаха под нару полезли Серый, потом Матрос. Через некоторое время под нарой раздался плач, затем послышались удары, затем снова плач.

- Парни у вас совесть есть? - спросил я, зная, что за этим последует. Да и о какой совести могла идти речь?

Калуга высунул из-под нары свое старческое лицо:

- Пацаны, старшак до х... на себя берет. Может, завалим¹ его?..

Стечение обстоятельств пришло мне на помощь. Открылась черная дверь. В камеру заскочили два надзирателя. Они явно были пьяны. Наступая на лежащих, подошли к наре, где лежал Калуга, вывернули ему руки и потащили в карцер.

Калугу забрали за разговор в ночное время. Такие вещи в тюрьме строго наказывались.

В камере царил напряженный молчание. Я отправил своего соседа вниз. Попытка склонения его к мужеложству повториться уже не могла. Кроме того, за камерой следили. Глазок на двери время от времени пропускал луч света. Измотанная за день нервная система просила отдыха. Кошмарный день кончился. Как бы услышав мои мысли, китайчонок Ван-Тун-Шан изрек философскую мысль: «Еще один день прошел, а значит, ближе к свободе и ближе к смерти». Эти слова, сказанные совсем еще ребенком, были просты и правильны, словно сказаны самим Богом. Видимо, Бог вложил эти слова в уста Ван-Тун-Шана. День закончился. Камера засыпала.

Калугу привели только утром. Интуиция подростка подсказывала ему, что сводить со мной счеты после ночного отсутствия небезопасно. Власть в камерах в основном менялась во время отсутствия кого-либо из камерных королей. Подростки, сами того не осознавая, моделировали государственную власть: отсутствие королей никогда не было для них безопасным после возвращения из крестовых походов.

Впрочем, не только для королей. Что касается тюрьмы, здесь дела обстояли не менее жестоко.

Позже, когда мне пришлось побывать в других камерах, я столкнулся с этим явлением. Приведу один эпизод: в одной из камер, куда меня бросили после камеры малолеток, находился заключенный по фамилии Розембаум, полувеврей, полунемец. Используя свое долгое пребывание в камере, он установил среди взрослых порядки даже более жесткие, чем у малолеток. Пожилых заключенных подвергали избиению металлическими коцами. Отнимались хорошие вещи, золотые коронки насильно снимались раскаленными ложками и обменивались у надзирателей на чай. Розембаум - широкоскулый, с выпученными глазами - у меня сразу же вызвал неприязнь. Он долго выяснял кто я, из какой камеры явился, видно было, что он очень хотел меня уличить, но по тюремному телефону передавали про меня только хорошее.

Так вот, этот самый Розембаум долго собирался в суд. Камерные шефы старались на судебное заседание одеть лучшие вещи, по возможности произвести хорошее впечатление. Для этого отбирались вещи у вновь прибывших в камеру. Розембаум долго отбирал вещи и наконец выбрал подходящее пальто, костюм, обувь. Члены его «семьи», а их было трое, проводили своего шефа в лучшем виде. Через некоторое время после того, как его увели в суд, в камере началось брожение. Здоровенный бородатый мужик по кличке Жан-Маре вспомнил, как Розембаум издевался над его сыном, который ранее сидел в этой камере. Начали всплывать обиды. Заключенные раскопали, что один из приближенных Розембаума сидел за изнасилование, но об этом умалчал. Второй его «семьянин» сидел за растление собственной дочери. В общем, это даже для тюрьмы были подлые статьи. Их тут же начали избивать, сбросили под нары...

Вечером открылась черная дверь, и появился Розембаум. Он с порога уверенно направился к своей наре.

Кто-то его спросил:

- Сколько дали?

- Ништяк, - небрежно бросил Розембаум, - свой трояк получил.

Но тут перед ним вырос Жан-Маре:

- А теперь, Розембаум, ты от меня получишь, - он схватил ошалелого Розембаума за грудки и здоровенным кулачищем со всего размаха ударил по зубам. Удар был громадной силы. Розембаум кубарем полетел через всю камеру и, обливаясь кровью, грохнулся на пол. Зубов мы больше у него не увидели. Но это было только началом.

Заключенные, которых он тиранил, стали пинать его ногами. Затем по команде Жана-Маре выдвинули на середину камеры длинный стол, повалили на него Розембаума. Жан-Маре сорвал с него штаны и на наших глазах изнасиловал. Заслуженная кара восторжествовала. К вечеру избитый Розембаум подбежал к двери, начал колотить кулаками и головой в дверь, кричать:

- Режут! Убивают! Заберите меня отсюда... Ре-жут!

Заскочили охранники и, как говорится на тюремном жаргоне, выдернули Розембаума из хаты № 38.

На следующий день мы узнали, что его назначили старшим в камеру, где сидели педерасты. Для тюрьмы это было обычным концом обычного насильника. Моя жизнь проходила словно кошмарный сон. Порой реальность была настолько чудовищной, что я сомневался в правильности своих поступков. Ржавое колесо машины правосудия крутилось нехотя, медленно, оставляя обломки и кровь.

Общий язык с большинством малолеток я нашел. То, что я им писал кассационные жалобы, вскоре разнеслось по другим камерам.

Время от времени меня с разрешения администрации по просьбам малолеток выводили в другие камеры, где я изводил бумагу. Никогда ничьи жалобы в тюрьме не разбирались. Редкие случаи пересмотра дел и редчайшие случаи освобождения из тюрьмы происходили только благодаря хлопотам родственников, находящихся вне этой системы.

Вспоминаю один случай, когда камеры посещал прокурор по надзору. Нас, естественно, заранее подготовили, словно мы должны выступать в телепередаче. Открылась черная дверь. Вошел дряхлый казах с испитым лицом, в засаленном прокурорском мундире, с ним - начальник тюрьмы. Началось очередное состязание в показуху между органами юстиции и администрацией тюрьмы. Звучали избитые фразы: «На что жалуетесь?.. Учитесь хорошо?.. Га?.. Что?..» Прокурор в придачу был глухой. Он что-то записывал в свой драный блокнот, не дослушав первого подростка, обращался ко второму. Русский язык поборник закона знал крайне плохо. Говорю совершенно искренне: то, что я увидел, напоминало дрянной спектакль, где участвовали полупьяные актеры. Прокурор еще немного потоптался в камере и исчез в сопровождении охраны. После прокурорского обхода нас повели на прогулку. Обычно прогулка происходила в «каменных мешках» основного внутреннего двора. Дворики по размеру не превышали камеры. Вместо потолка - ряды колючей проволоки и густая решетка. Наверху по трапу разгуливали престарелые, но верные ветераны тюремной охраны.

За стеной, в смежных «каменных мешках», находились женщины. Мы с ними переговаривались. Но иногда прогулка для некоторых заканчивалась маленькой трагедией. В переключках с женщинами сыновья узнавали матерей, те в свою очередь узнавали своих детей. Не обходилось без истерических рыданий. В этой атмосфере я уже успел отупить, такие сцены терзали душу и сердце.

«Карлик-мыслитель» Калуга не простил мне вмешательства в камерные порядки. В углу, на своей наре, он шушукался со своими приближенными. Я знал, что речь идет обо мне.

Однажды, утомленный всем этим безумием, я лег на нару и забылся в свинцовой дремоте. Сквозь сон я почувствовал, что меня за полу пиджака пытаются стащить вниз. Я с силой рванул пиджак, но внизу его кто-то крепко держал. Тогда я повернулся на бок, свесил руку и схватил подростка за кисть руки. Он вскочил, вырывая руку. Это был высокий казах, чем-то похожий на атлета-африканца.

В камере его звали Мухан.

- Ну, что дальше? - спросил я.

Он молча нагло продолжал стаскивать меня с нары. Нетрудно было понять, что затевается драка. Я соскочил с нары и схватил его за руки ниже плеч. Тогда он нырком подхватил меня подмышки и начал валить на лежавших на полу подростков. Этот подлый прием меня разозлил, и резкой подсечкой правой ноги я легко повалил его на пол. Он выпустил мое тело, а же сел на него сверху. Но вдруг неожиданно я получил сильный удар в лицо. Мухан вновь применил очередной подлый прием, ударил меня снизу головой в лицо. На губах я почувствовал соленый привкус крови. Кулаком я резко ударил Мухана в челюсть и, оттолкнувшись от него, встал.

Дружки на помощь ему не пришли. До сих пор не пойму, или это была моя проверка на крепость, или обыкновенная трусость перед силой.

Вечером некоторые из камерных заправил демонстративно точили супинаторные ножи. Я понимал, на кого рассчитана вся эта показуха. Но страха не испытывал. Слабостью здоровья, в общем, я не отличался и даже в случае поножовщины решил стоять за себя до последнего. Но на этом все и закончилось.

Мухан больше драку не затевал, а старички вроде Калуги не привыкли подставлять свои лбы под удары.

День близился к концу. После вечернего кипятка, называемого чаем, с нар уже не гоняли так часто.

Иногда мой взгляд невольно останавливался в углу: там, возле параша, лежали камерные «прокаженные». Жестокое обращение тех же собратьев заключенных, казалось, не имело границ. Когда эти несчастные пытались уснуть, кто-то из основной массы направлялся к унитазу, умышленно наступая несчастным на головы, спины, животы. Среди обиженных далеко не все были педерасты. В угол загоняли за кражу, за донос, за изнасилование, но в основном страдали от клеветы, а значит, невинные. Я долго думал, как прекратить в камерах довольно частые акты мужеложства, но ничего путного мне в голову не приходило. Но все же поиск породил выход из положения. Я вспомнил одну знаменитую и простую поговорку: «Клин клином вышибают», именно клин клином... Перед сном, когда уши у всех были открыты для восприятия разных былей и небылей, как всегда была затронута излюбленная тема о мужеложстве и обиженных. Мой час настал.

- А вы знаете, пацаны, откуда пошло мужеложство? - спросил я, хотя особенных познаний у меня в этом вопросе не существовало.

- Так не знаете?.. Корни этого постыдного занятия уходят слишком далеко. Этого толком не знает никто. Одни источники утверждают, что мужеложство зародилось в монастырях среди монахов. Ближе к нашему времени в австро-венгерской армии это стало модным среди офицеров. Но везде и во все времена мужеложство вызывало у нормальных людей отвращение.

И тут я нанес свой самый главный удар. Знал, что этот удар оставит след в психологии этих запуганных существ, которым еще необходима ласка родителей, теплое молоко, сахар и зеленые лужайки.

- Пацаны, а вы знаете, в западном мире, между тем, кто хочет совершить акт мужеложства, и тем, кто соглашается, разницы не видят...

В камере воцарилась гробовая тишина...

- Как не видят? - прошелестели чьи-то сухие губы.

- Очень просто, - ответил я веселым голосом, - и тот, кто сверху, и тот, кто снизу, называются педерастами. Разделяют только педераста активного и пассивного. А слово применяется для обозначения одно.

Кому-то стало тесно, затрещали нары, у кого-то пересохло в горле, раздался сухой кашель, кто-то потянулся за махоркой, закурил. Я молчал. Знал, что сейчас с секунды на секунду обязательно поступят вопросы. И вопрос поступил. Грубый по своей прямоте, но поставленный в этих условиях правильно. К тому времени я уже успел получить в камере кличку. Основную роль в этом сыграли корни моей фамилии. Я не протестовал, да и в свою очередь это опять сближало меня с правонарушителями.

- Ну ты чё-то, Карабин, и сморозил, - раздался голос Матроса, - не по уму. Педерасты для того и существуют, чтоб с ними спать.

Он искал выход из создавшегося положения. Мой вывод затрагивал самые сокровенные стороны их жизни.

- Люди сидят по десять-пятнадцать лет, ты чё, хочешь сказать, им педерасты не нужны?..

- На это, Матрос, я тебе тоже отвечу.

Мне необходимо было его втянуть в разговор. Мне ничего не стоило выиграть в камере любой психологический спор. Я только опасался, как это часто бывало, что недостаток аргументации с их стороны заставит многих из них перейти на пошлую демагогию. В таком случае спорить было бесполезно.

- Вот вы здесь, в тюрьме, утверждаете: - «Кто жил на воле хорошо, тот живет хорошо и в тюрьме». Так вы говорите?

- Так, так, давай дальше, - послышалось откуда-то нетерпеливое.

- Это смотря как понимать «жил на воле хорошо». Нормальный мужчина, который хорошо живет на воле, живет хорошо, в моем понятии, исходя из следующего: у него есть деньги, хорошая квартира, женщина - одна или несколько - не знаю, у кого как. Так вот, Матрос, как же ты мог жить на воле хорошо, если уже за три месяца здесь в тюрьме лезешь на педераста. Значит, ты на воле жил плохо, женщин у тебя никогда не было, ты уже голодным пришел сюда. Да и срок у тебя не отсиженный, только начался. А может у тебя слишком кровь горячий? - поддел его шуткой в грузинском стиле.

В камере все захохотали. Матрос не нашел, что сказать, но выход из положения нашел самый элементарный - засмеялся вместе со всеми.

- Просто все вы здесь, - я завершал свою краткую лекцию, - занимаетесь самой настоящей чепухой. Корчите из себя бывалых уголовников, а сами торчите за ворованные велосипеды и конфеты из киосков.

Матрос продолжал смеяться. Мои доводы его, конечно, задел, но все же это был тип закоренелого уголовника, и виду он не подал.

После обеда освободились две нижние нары. Органически мне неприятный Калуга и еще один малолетка ушли по этапу в колонию. Мне предложили нижнюю нару. Я перетащил свой матрас вниз. Внизу было гораздо удобнее, можно было лежать, как старшему, в любое время. Но это относилось только к нижним нарам. Верхний ярус в глазах надзирателей, если днем был занят, портил камерный пейзаж. На моей наре постоянно сидели ребята. Потянулись бесконечные беседы, в которых раскрывались души и судьбы подростков.

- Ван-Тун-Шан, иди сюда, поговорим, - позвал я маленького симпатичного китайчонка. Он был одет в спелочный костюм, и мне стало смешно. В такие же костюмы в свое время был одет весь Китай. Правда, на Ван-Тун-Шане он болтался, как на вешалке.

- Ложись рядом, поболтаем, - он лег ко мне на нару, я обнял его рукой.

- Расскажи, за что тебе вцепили два года.

Ну и что вы думаете, я услышал?.. Люди, люди!.. Я услышал старую как мир историю, в которой цепь роковых обстоятельств завершилась звеном, которое сыграло правосудие.

Отец китайчонка, перебежчик из Китая, мать бросил, жил с другой женщиной. Мать запила, бродила по пивным, ночевала где попало. Тринадцатилетний Ван-Тун-Шан и его шестилетняя сестренка жили в полупустой квартирке, где единственной мебелью была старая кровать с металлическими шарами. Вечно голодные дети питались где попало, собирали по столовым объедки. В школу Ван-Тун-Шан не ходил, и, единственное, что для него сделало государство, его поставили на учет в милицию. С этого момента он стал трудным подростком. Он действительно был трудным, только в том смысле, что трудно добывал себе кусок хлеба. Впрочем, добывать приходилось на двоих. Сестренке тоже есть хотелось. И вот однажды в уличном киоске они увидели конфеты и лимонад, которого не пробовали давно.

Ночью Ван-Тун-Шан выбил стекло и утащил несколько бутылок лимонада и ящик конфет. Так и застали их работники уголовного розыска - лежавших на кровати и лакомящихся прямо из ящика. Следователем по этому «сложному» делу был назначен молодой казах. Не вникая в суть дела по-человечески, он квалифицировал это правонарушение как кражу со взломом.

В результате - два года колонии, грязь, мужеложство, опять голод и полная моральная деградация. Этот случай далеко не единичный. Здесь на таких преступлениях делают карьеру. Работая в милиции, эти люди оставляют за собой горы трупов, подобно смерти во время эпидемий чумы или холеры.

В камере раздалась взрывы смеха. Я убрал руку, попросил Ван-Тун-Шана встать. Перед глазами предстало новое изобретение садиста Матроса: на коленях, низко согнувшись, по-восточному, стоял Одесса. Штаны у него были спущены, остро торчал грязный зад. В анусе торчала вогнанная до половины ученическая ручка. Словно дрессировщик возле покоренного зверя, рядом стоял Матрос. Он повернулся лицом к камере и торжественно изрек:

- Граждане заключенные, - перед вами птица аист. Он вам счастье принесет.

Я не знал, что делать. Было смешно, но в то же время я осознал, что это типичное насилие. Матрос разрешил Одессе выдернуть «оперение». Морально сломленный Одесса хлюпал носом и поскуливал. Свой авторитет он потерял безвозвратно.

Одесса до этого в других камерах унижал себе подобных. Но, естественно, это не было причиной для издевательств над ним здесь, в камере.

- Ну ладно, Матрос, пошутил и хватит. Я вижу, ты не можешь жить спокойно. Если тебе дали маленький срок, так ты хочешь здесь добрать? - Я ему намекнул на то, о чем мне рассказывал во время наших личных бесед он сам. Однажды этот подросток поведал мне следующее:

- Вот я, Карабин, сижу тут за туфту, а не за дело. Ударил одного козла по пьянке ножом. Это по сравнению с тем, что мы делали, - пустяки. Если бы узнали, что мы творили в нашем городе-дикаре, мне бы светил вышак.

- Расскажи, Матрос, время как-то убивать надо.

- Короче, собираемся мы вечером кодыком восемь-десять человек, хорошенько вмажем, ловим баб и насилуем. У меня по коже мороз пошел. Оказывается, на воле он баб видел. Теперь я понял, что за этими словами стояло. Такой лгать не будет.

- Ну и сколько вы так баб попробовали? - поинтересовался я. - Одну, две?

- Да ты чё, Карабин! Скажи лучше двадцать или тридцать - не ошибёшься. Мы к этому привыкли. Как вечер, так идем на дело. Мне было не по себе. Он же мое беспокойство расценил, как неверие ему.

- Может, ты мне не веришь? Вон сидит Мухан, - он указал на казаха, который со мной завязал драку. - Мухан всегда был со мной вместе, не даст соврать.

Но я ему верил. Такие лгать не будут, рассказывая обо всем том, что связано с насилием и садизмом.

- Ну и как вы это делали?.. Расскажи хоть один случай.

Матрос задумался. Затем по его губам поплыла спокойная, задумчивая улыбка садиста.

- Идем мы как-то по глухой улице ночью. Никто нам долго не попадался. Смотрим, идут муж с женой. У нее пузо, беременная. Мы все кучей вышли на дорогу, стали их теснить к обочине. Ее муж говорит: «Ребята, что вам нужно, оставьте нас в покое». Наш один пацан сорвал с него шапку, а Мухан ударил “пузырем” по башке и вырубил. Потом мы повалили бабу, оттащили ее в канаву, и сняли трусы.

Меня бил озноб. На губах Матроса блуждала та же мертвая улыбка. Он продолжал.

- Прошлый раз первым был я, а на этот раз полез Мухан, - он посмотрел в угол, где лежал его товарищ по «ратным делам». - Ну и Мухан кричит: «Матрос, мне живот мешает!» А я ему кричу: «Наступи коленом, сразу меньше станет».

Матрос засмеялся и продолжил:

- Мухан залез на нее, а тут ее муж очухался и кинулся на Мухана. Но тут его один пацан трахнул “пузырем” уже из-под “огнетушителя” - 750 грамм. Он снова отрубился. Короче, мы сделали свое дело и ушли.

Как я мог в тот момент поступить? Вы скажете: избить, заявить охране?.. В тюрьме, где камеры кишат подонками всех мастей, это занятие ни к чему бы не привело. Рассуждать на свободе легко, но я убежден, что ни один заключенный в тюрьме не смог бы добиться наказания для другого преступника, находясь в заключении. Своим заявлением он бы только подписал себе смертный приговор.

Я не знаю дальнейшую судьбу этого подростка, но, единственное, на что надеюсь, Фемида рано или поздно воздаст ему по заслугам.

Проходили дни, этапы сменялись этапами, я по-прежнему оставался старшим камеры № 75. О свободе я уже не думал. Мне стало казаться, что так было всегда: утренние проверки, подсчеты, запуганные подростки - с одной стороны, и творившиеся бесчинства - с другой.

Иногда нас выводили в рабочие камеры сколачивать ящики. Рабочие камеры находились в нижних этажах тюрьмы. Узкие переходы, ведущие туда, проходили мимо камер смертников.

Мы умудрялись на ходу отодвигать тот или иной волчок на черной двери, и заглядывали в камеры смертников. Ничего особенного там невозможно было увидеть. В тусклом освещении сидели обыкновенные понурые люди. Серые лица, серые стены, серая одежда. Двери, ведущие в эти камеры, отличались от камер верхних этажей тем, что на них в придачу к обыкновенным запорам навешивались амбарные замки. Все это еще раз подтверждало, что самая незыблемая в мире машина - правосудия. Такие вот замки, видимо, висели на дверях камер во времена Петра и Екатерины.

Изредка, когда нас совсем заедали вши, которыми в камере кишело, нас выводили в прожарку одежды. Эта варварская процедура по отношению к плодам человеческого труда всегда вызывала у меня возмущение. Происходило это так: мы снимали с себя рубашки, брюки, пиджаки и развешивали в огромной ржавой камере. Камера закрывалась, и туда поступал горячий пар. После такой обработки вещи превращались в изжеванное тряпье, пригодное только для свалки. Но другой технологии в тюрьме не существовало. Не менее упрощенной была и тюремная медицина. Страдающим кожными заболеваниями подросткам сваливали в кучу различные мази: «Выбирайте, которая нравится по цвету».

Помню, как одному подростку, страдавшему зубной болью, медсестра принесла спичку с ватой, смоченной зеленкой:

«Помажь зуб, все пройдет», - сказала эта подделка под медсестру. Позже мы узнали, что эту тупую развращенную девицу устроили в тюремную часть по знакомству. До этого в городе ее знали как обыкновенную потаскуху. Судьбы и здоровье детей вверялись посторонним людям, далеким от любого участия.

Глава 3

Перед Новым годом мне удалось лечь в тюремную больницу. Естественно, это было крайне трудно. Пришлось просить, угрожать, доказывать, прежде чем мне оказали эту «милость». В больничке, как ее называют, я попал в двухместную камеру. Пол в камере был цементный, единственное отличие от общих условий - простыня и наволочка. Питание несколько лучше в смысле количества пищи. Лечение я здесь получал, как и все остальные - витаминные уколы. Витамины на все случаи жизни. В камере, в которую меня поместили, уже находился один заключенный, оказывается, это был убийца. В пылу ревности он убил свою любовницу. Этот тип совершенно не переживал о содеянном, но возможно, что это было маскировкой. Вывод делаю по тому, что он все надеялся, что его признают психически ненормальным. Это убийство у него было вторым. Первое убийство он совершил в несовершеннолетнем возрасте. Об убитой он выражался своеобразной для него поговоркой: «Пускай с ней черви спят». Цинизм этой фразы меня не переставал удивлять до конца нашего совместного пребывания. Что касается его внешности - таких сухощавых лысых мужичков бродит на свободе тысячи и миллионы.

В больнице меня долго не держали, через десять дней, спустя два дня после Нового года, я опять был помещен в камеру № 75. За эти дни в тюрьме и моей камере произошли грандиозные события. Я оказался прямым участником окончания этих событий. Дело обстояло так: находясь в больнице, я слышал, что в тюрьме была предпринята групповая попытка к бегству. Малолетки одной из камер под руководством старшего камеры решились на этот ставший трагичным шаг. В момент, когда надзирательница открыла дверь в камеру, малолетки за волосы втянули ее внутрь и связали. Затем они выбежали в тюремный коридор, по нему выбрались во внутренний двор тюрьмы. Старший камеры,

зная расположение тюрьмы, использовал малолеток для отвлекающего маневра. Старший с одним подростком побежали в другую сторону, а остальные, брошенные малолетки, затесались во внутреннем дворе. Здесь они столкнулись с хозобслуживающей из заключенных. Хозяйственники стали выплескивать из ведер под ноги детям горячую баланду. Дети скользили, падали, подоспевшая охрана всех до единого переловила. Только старший камеры с одним малолеткой из приближенных сумели достичь построек, которые прилегали к тюремной стене. Старший успел забраться на стену, но раненный из автомата солдатом охраны, свалился вниз. Малолетку, который повис на пристройке, стащила собака. Солдат не стал унимать разъяренного пса, взбешенное животное вырвало зубами клочок щеки у распростертого на земле подростка. Все это рассказывали, когда я вернулся в камеру из больницы. Но было это, оказывается, не все... Больше всего меня заинтересовали события, которые произошли в новогоднюю ночь в камере № 75.

Здесь подростки были участниками случившегося. В том, что они говорили правду, мне незамедлительно пришлось убедиться. А случилось в эту ночь следующее: Дед Мороз не пришел поздравить заключенных детей. Говорят, тюрьму Санта-Клаус посещать боится... Слишком здесь много горя, поэтому его волшебные свойства бессильны. Но все же после 12 часов ночи уснувших детей с Новым годом поздравили - в стиле средневековой инквизиции. Черная дверь с шумом отворилась, в камеру ввалились три младших офицера-казаха из тюремного аппарата. Офицеры были зверски пьяны, им, видно, хотелось порезвиться. Они выстроили сонных подростков под стенкой и устроили психологическую «игру» на манер той, которую устраивали садисты в концлагерях. Суть этой «игры» была крайне примитивна: первому стоящему в шеренге подростку приказывали бить кулаком по лицу второго. Если подросток отказывался, его уводили в карцер и там до бесчувствия избивали. Через эту экзекуцию прошли все, вплоть до старшего, который был приставлен к детям вместо меня. Многие из детей исполняли их требования. Избиение длилось несколько часов, вплоть до утра. Я не верил своим ушам. Такое невозможно представить в наше время. Но мне пришлось поверить своим глазам. Лица у малолеток были в синяках. На теле у многих я своими глазами видел бесчисленные багрово-синие подтеки. Все это свидетельствовало само за себя.

Я написал обстоятельную жалобу. Мы ее решили передать не через администрацию тюрьмы, а иным способом: на свидании с матерью один из малолеток передал ей нашу жалобу с подписями всех заключенных камеры № 75. Мать же в свою очередь передала ее прокурору по надзору этого города. Началось расследование.

Тюремное расследование в поисках истины я назвал бы односложно - могилкой. Так случилось и на этот раз... Сначала пришла воспитательница, тоже в чине младшего офицера, и начались уговоры: «Ребята, не нужно этого делать... Я с ними училась... С них ведь звездочки снимут», - упрасивала она нас. Но малолетки отказывались брать обвинения обратно. Тогда к начальнику тюрьмы вызвали меня: «Вы молодец, очень грамотно написали жалобу, что я для вас могу сделать?» И тут же:

«Уговорите малолеток забрать свои показания обратно».

Уговаривать ребят я не стал. Зверство пьяных молодчиков из тюремной администрации возмутило меня до глубины души.

Малолеток обрабатывали несколько дней. Затем, убедившись, что уговоры бесполезны, применили старый принцип: разделяй и властвуй.

Камеру расформировали. Там, в других камерах, используя страх и неуверенность детей, из них все же вырвали нужные для оправдания офицеров показания. Так и закончился этот «маленький» инцидент в новогоднюю ночь.

Я остался в камере один. По непонятным мне соображениям администрация оставила меня старшим той же камеры.

Но «свято место пусто не бывает» - говорит народная пословица. Открылась черная дверь, и в камеру, держа в руках мешок, вошел новый жилец. На малолетку этот заросший щетиной парень походил мало. С виду ему было 20-22 года. На его руках я увидел татуировки, сделанные профессиональным лагерным изобразителем.

Он небрежно бросил свой вещевой мешок на одну из нижних полок нар, сел, закурил и обратился ко мне:

- А чё, земля, эта хата пустая?

Объяснять мне не хотелось, я односложно ему ответил:

- Разогнали.

- А какой здесь сидел режим? - поинтересовался он.

- Сидели пацаны из общака, - ответил на жаргоне я.

- Значит, разогнали чертей, - как-то гордо сказал он и вслед бросил фразу, из которой мне стал понятней его гордый тон:

- Я пойду на усиленный режим, вторая ходка.

Знакомиться мы не спешили. В камерных условиях, не зная друг друга, общепринятые человеческие правила знакомства отходили на второй план. Я и он ничего не знали друг о друге. Случись, к примеру, что кто-то из нас был прежде на положении униженного или обиженного, а здесь, не зная об этом, мы жали бы друг другу руку, последствия не замедлили бы сказаться. Знакомство обычно происходило таким путем:

- По какой статье сидишь? - спросил я его.

Он назвал, не помню под каким номером, но разбойную статью. Вслед за этим мне был задан тот же вопрос. Я ответил:

- Статья нормальная - 7-ая...

- А часть какая? - он уже дружелюбно посмотрел на меня.

- Часть вторая, дали ни много ни мало - три года, - ухмыльнулся и подумал: «Как это много - три года, вырванных из человеческой жизни!»

- Короче говоря, моя кликуха - Наркоша. Я из города Балхаша... Первый срок сидел в Петропавловске, теперь пойду на усиленный в Усть-Каменогорск, - сказал он.

Я назвал ему свою кличку и объяснил, что я был в этой камере старшим и что камеру расформировали по такой-то причине.

Как я и думал, услышав, что я - старший камеры, он насторожился и наполовину замкнулся. Старшим не доверяли, и это было вполне закономерно. Большинство из старших систематически доносили администрации обо всем, что делалось в камере, и жестоко за это расплачивались. Я быстро уяснил, что методы борьбы с негативными явлениями внутри камерного мира должны базироваться на честности между друг другом. Борьба должна носить сугубо внутрикамерный характер, не выноситься на суд администрации, где наказывались в

основном невинные. Через 20-30 минут в камеру вошел новый заключенный. Он тоже сидел вторично. С Наркошей они были знакомы. Новенький решил перед товарищем порисоваться своей приверженностью к уголовному миру и его традициям.

- Старшак? - бросил он в мою сторону. Наркоша ответил:

- Старшак.

Он подошел к моей наре и неожиданно бросил свой мешок мне на колени.

- Давай, дергай с этой нары, я на нее упаду!

Такого поворота событий я не ожидал. Наглый подросток меня в прямом смысле слова взбесил. Я согнул в колене ногу, толчком сбросил на пол его мешок.

- Ты рожа!.. Что, ворина, ох...й? - отрезал я на блатном жаргоне, завершая фразу матом. - Полегче на поворотах, а то сейчас возьму трамвай, получишь по башке!

Такого отпора он не ожидал. Глаза забегали, сразу было понятно, что он лихорадочно ищет выход из создавшегося положения. Как я и ожидал, выход им был тут же найден.

- Он чё, путевый? - указав на меня, обратился вновь прибывший к Наркоше.

- Путевый... Торчит тут уже пять месяцев. Я про него в других хатах слышал, - неожиданно для меня сказал приятную новость Наркоша.

- Ладно, упаду на эту нару, - как бы сделал мне одолжение.

- Пока никого нет, нужно место хорошее забить, - словно ни в чем не бывало подмигнул мне.

Итак, свой авторитет на первых порах я поддержал. Камеру заполняли 16—17-летние парни, уже умудренные жизнью в тюрьме и в колонии. Они по-хозяйски занимали места. Во избежание впоследствии инцидентов, я в компании нескольких так называемых путевых отбирал и распределял по статьям свободные места. Путевых определить было нетрудно. И я, и вновь прибывшие их знали заочно. Что касается распределения мест, места на нарах получали все, кроме сидевших за изнасилование, извращения и уже где-то приобретших репутацию отверженных.

Через некоторое время наша камера вновь превратилась в трюм рабовладельческой каравеллы. Вместо десяти человек нас опять было тридцать три. На полу сидели и лежали. Из-за ужасной тесноты «закон» нарушался. Места под нарами, предназначенные только для педерастов, занимались заключенными всех статей.

Под предлогом того, что я пишу кассационные жалобы, я незаметно писал краткие рассказы, заметки, стихи. Считали, что я завел песенник, переписываю стихи и песни. Здесь многие ребята клеили книжечки, рисовали на платках и майках цветной пастой всевозможные рисунки. Чтобы рисунки сохранились, делался солевой раствор и на ночь ткань оставляли в солевой жидкости. На следующий день ткань споласкивалась в воде и таким образом рисунок закреплялся. Все это разрешалось и поощрялось, чтобы отвлечь детей от действительности.

Иногда в тюрьму приезжали следователи, и тогда того или иного подростка уводили на беседу к следователю. Порою после таких бесед подростки рассказывали вещи, несовместимые с понятиями «справедливый», «гуманный», «неподкупный».

- Ну что там новенького, Расскажи Соловей? - поинтересовался я. Подросток явно чем-то маялся, вздыхал, беспрерывно курил. В его несложившемся характере происходили ломки, бури, в такой момент сделать ложный поступок ничего не стоит. Я это понимал.

- Тебе скажешь, Карабин, а ты не поверишь, подумаешь, что сп...л, - выматерился только что возвратившийся с «дружес кой» беседы заключенный Потап Максимов по кличке Соловей.

- Ладно, ложись рядом и рассказывай. Только чтоб никто не слышал.

Он прилег рядом. Я услышал очередную историю:

- Ну этот козел, следователь Малдабаев, мне говорит: «У тебя, Максимов, бандитизм, кошелек у гражданки Сологуб забрал. Так? При поимке у тебя нашли нож, а это уже вооруженный бандитизм. За него ты по статье получишь до 15 лет», - Соловей облизал губы, перевел дух, продолжил: - Короче, следователь базарит: «На мне, Максимов, висит три нераскрытых преступления - обворованные магазины. Тебе все равно сидеть, возьми их на себя. А эти магазины у тебя на срок не потянут за давностью совершения преступления».

Теперь уже сухие губы облизал я. Все оказалось проще пареной репы: следователь «раскрывает» преступление, продвигается по службе, а забитый, с необходимом молоком на губах подросток получает 15 лет, идет отбывать наказание в колонию для малолетних преступников, амнистии не подлежит, а затем уходит в колонию для взрослых, где досиживает 13-14 лет. Да!..

Годами чужой жизни у нас любят разбрасываться, словно это не годы, а прохудившиеся домашние тапочки. «Три года можно просидеть на тюремном унитазах» - гласит камерная поговорка. Но я уверен, зародилась она не в камере, а там, в кабинете следователя, который, не испытав мучений и ужаса затравленных, щедро рукой раздает года и комбинирует по «договоренности» Уголовный кодекс.

Кто по воле рока бывал в местах лишения свободы, знает: одним из самых мучительных и в то же время сладостных чувств для человека, лишённого свободы, является сон. Когда погружаешься в омут сна, получаешь возможность забыться, увидеть себя счастливым и свободным. Но пробуждение ужасно... Оно убивает мысль, чувства и плоть. Открываешь глаза, и вновь перед глазами серые стены камеры, тусклый свет светящейся круглосуточно лампочки. Легкие заполняет спертый, переполненный миазмами воздух. Не верится, что где-то там, за серыми казематами, цветет степь, поют птицы, бродят не ощущающие своего счастья люди. Вспоминаю два навязчивых желания, сопутствующих мне за все время пребывания в неволе. Первое из них - это мечта уйти в широкую бескрайнюю степь. Идти долго-долго, просто так, навстречу солнцу днем и звездному горизонту - ночью. Второе желание не столь поэтично. Оно сводилось к возможности войти в дешевое кафе, сесть в уголке, заказать обыкновенную пищу, насладиться спокойствием, пищей, созерцанием свободного выхода. Читатель, возможно, усмотрит в подобных желаниях банальность, но могу вас заверить: случись возможность исполнить это в тех условиях - и человек на вершине счастья.

Дни тянулись однообразно. Я не хотел торопить ржавое тюремное колесо административного аппарата, не требовал отправки в колонию, которая явно затягивалась. Впереди еще предстояло испытать одну из исправительно-трудовых колоний этого степного края.

Глава 4

Однажды после очередного вывода на работу, по возвращению в камеру, нас ожидал сюрприз: в ней находился незнакомый нам тип - маленький, плюгавенький, с круглым брюшком, весь какой-то обрюзглый, с бегущими колючими глазами на одутловатом лице. Лет ему было около пятидесяти, его облик свидетельствовал, что на воле этот тип вел безалаберный образ жизни. Малолеткам он не понравился.

- Моя фамилия Пьянков, - представился он. - Я назначен в камеру вторым воспитателем.

Мне стало все ясно. Администрация, мне не доверяя, закрепила еще одного старшего, который, без сомнения, является обыкновенной подсадной уткой.

- За что сидишь, папаша? - в первую очередь задали ему вопрос малолетки.

- У меня большой срок будет, дело очень серьезное, - стал объяснять он.

- Ты приговор показывай и статью говори. Кто тебя знает, чем ты дышишь?

У каждого заключенного на руках имелось обвинительное заключение, где описывался состав совершенного преступления. Но Пьянков его показывать не спешил.

- Еще не принесли, - не глядя в глаза ответил он.

По всему было видно, что он что-то крутит.

Один из заключенных, по кличке Хан, подошел к Пьянкову и неожиданно большим и указательным пальцами схватил его за нос:

- Ты, мерин висложопый, показывай объебон!

Этим матерщинным словом заключенные называли обвинительное заключение. По сути, оно означало обман.

- У нас уже есть старший, - Хан указал в мою сторону, - второго нам не нужно.

В какой-то мере я был польщен, но в случае избияния Пьянкова, крайним в этой истории оказался бы я. В администрации рассудили бы однозначно - натравил на конкурента!

- Эй пацаны, так не катит, - вмешался я. - Хан, отпусти мужика. Что, закона не знаешь, мужиков за 50 лет долбить нельзя.

Что касается закона, он существовал только на словах. В камерах избивали людей всех возрастов, всех, кто был слаб и не мог за себя постоять или в чем-то провинился.

Хан недовольно отошел от Пьянкова. У всех заключенных в камере злые глаза. Мое заступничество никому не понравилось - Пьянков определенно вызывал какое-то раздражение.

Пьянкову дали верхнюю нару. Этот тип на свободе был, с его слов, главным энергетиком города. Образование у него имелось, это я сразу понял, но в его причастии к одному громкому делу, потрясшему Казахстан, я сомневался.

Вечером, когда все улеглись, мы потребовали от Пьянкова подробно рассказать, за что он находится в этих стенах.

- Я замешан в известном вам деле подпольной меховой фабрики. Хищение превышает десять миллионов рублей, - начал Пьянков свой рассказ. - Вы, наверное, знаете подробности этого дела, - обратился он к нам.

- Давай, мужик, гони все с самого начала про это дело, - затребовали малолетки. - Дохнуть¹ еще успеем...

- Недалеко от нашего областного города, в городе-спутнике N, успешно была запущена и работала меховая фабрика. Параллельно с официальными делами дирекция этой фабрики вела подпольный прием меховых шкурок, а затем производила реализацию изделий в крупнейших городах страны. Изделия реализовывались через определенных лиц, работающих в торговле. Специально снаряженные на север агенты скупали за бесценок меховые шкуры, доставляли их на фабрику, а затем уже готовые изделия превращались в деньги. Основателями второй нелегальной фирмы являлся председатель конторы адвокатов, заслуженный юрист Д. Деньги, естественно, текли рекой.

- Так вот, желая выйти на международные рынки, председатель «общества» раздобыл пригласительные билеты на международный пушной аукцион.

Кроме всего, Д., посредством этого предприятия, хотел выехать за границу на постоянное место жительства. Но на аукционе им заинтересовались органы внутренних дел. Следы привели в маленький казахстанский город на меховую фабрику. Операция длилась длительное время. Москва не посвящала в свои планы местные органы, поскольку все слои местного правления в той или иной мере были замешаны во взятках и хищениях. Когда «святых братьев» взяли, - хрипло засмеялся Пьянков, - я, фактически маловиновный, оказался тоже здесь.

- Что ты все вокруг да около, говори ясней: за что сидишь? - обратился к нему я, чувствуя, что высказываю желание всех в камере.

Глаза Пьянкова суетливо забегали.

- Я им продал на фабрику бобину кабеля для электростанции, - он назвал огромную длину кабеля, сечение и марку, в чем я ничего не смыслил.

- Ну и сколько тебе заплатили?

- 100 тысяч рублей. Но у органов нет доказательств, бобина проржавела, нет ничего, даже клейма изготовителя.

Чепуха сказанного была очевидна. Во-первых, судя по такому сложному делу, Пьянков никогда не стал бы утверждать, что в нем участвовал. Во-вторых, все эти бредни о ржавчине рассчитывались на уже порядком проржавевые в камерных условиях мозги.

Я промолчал. Будучи человеком доброй воли, любые проявления насилия и агрессивности в камере были мне органически неприятны. Ребята тоже молчали, интуитивно они чувствовали, как и я, в словах Пьянкова ложь.

Тем временем мой новоиспеченный помощник оживился. Чувствовалось, что ему во что бы то ни стало необходимо пере хватить в камере хоть малость инициативы командования. Чтобы завоевать авторитет малолеток, он стал нам рассказывать, как хорошо жил на воле, о своих всесильных друзьях, в состав которых входил даже начальник милиции. Это явно рассчитывалось на отсрочку, в случае если ребята захотят пересчитать ему ребра.

Его болтовню я слушал мимоходом, но вдруг изумился, услышав, что мой помощник читает малолеткам стихи. Стихи были благородного содержания, возвышенные, поэта 30-х годов. Возвышенная наивность даже на свободе могла вызвать раздражение, а здесь, в стенах, звучала прямо-таки кощунственно. Он плел что-то про какого-то Кольку, который в порыве ревности ударил поклонника его любви Таньки пером в бок, а затем искал своей смерти.

Господи! Эти истерзанные дети, которые погибали по несколько раз на дню от страха быть оклеветанными, от тоски по матери, от голода, вшей и различных кожных заболеваний, они видели в этой самой Таньке в бальном платье обыкновенную смазливую дрянь. А в страдавшем Кольке, который потерял свободу из-за бабы, и в том пострадавшем глупце, что не обошел беду стороной, - дураков.

Эти стихи звучали до идиотизма глупо и напыщенно, даже мне хотелось подойти и врезать Пьянкову пару раз по одутловатому рылу.

Один из заключенных по кличке Лещ все же оборвал Пьянкова:

- Ладно, мужик, глосни, - и обратился ко мне: - Давай, Карабин, Расскажи что-нибудь про пиратов.

Роясь в памяти, я им рассказывал про веселые братства джентльменов удачи, про острова в Карибском море, где пираты устраивали свои базы, в сотый раз пытаясь отвлечь их от непосильных жизненных гроз, заряжал душевный аккумулятор бесшабашными историями.

Утром, часов в десять, Пьянкова, как и предполагалось, повели якобы на разговор со следователем. Визит явно носил предательский характер, поскольку вечером был повальный обыск в камере. Охрана отняла у нас несколько супинаторов и атрибуты, нужные для нанесения татуировок. Ребята откровенно обвинили Пьянкова в роли провокатора, я опять не дал его избить. На следующий день его опять вывели в другую камеру, якобы писать кассационную жалобу. Тюремный шпионаж был налицо. События разворачивались довольно быстро. Видимо, фортуне надоело томить меня восемь месяцев в камерных стенах, охранник крикнул мне в кормушку, чтобы я к следующему утру собирался с вещами.

До моего ухода из камеры № 75 произошел инцидент с Пьянковым. Когда Пьянков рылся в своем вещмешке, заключенный Хан подсмотрел у него то самое обвинительное заключение, которое Пьянков якобы не получал. Парни насильно отобрали листы и зачитали. Оказалось, наш «делец» был обыкновенным алиментщиком. Припоминаю дословно строки из его заключения: «Приходил к жене пьяный, буянил на лестничной площадке, показывал жене и соседям фигуры из трех пальцев (фиги)...»

Бить Пьянкова не стали, но дни его пребывания в камере № 75 были сочтены.

Утро следующего дня принесло мне неприятность. Все думали, что я уйду на этап в колонию. Мне приготовили на дорогу лучшую пищу, чай, сигареты, сахар. Я был совершенно убежден, что уйду по этапу.

Но когда меня вел сухопарый охранник - азербайджанец, я услышал от него следующее:

- Не боишься? Идешь к другому режиму, там не любят тех, кто пользовался льготами малолеток.

Я остановился ошеломленный. Вот она, благодарность администрации за то, что восемь месяцев я всеми силами удерживал в камере возможный максимум физической и моральной чистоты. Меня бросают в другую камеру, где, возможно, умышленно распространили обо мне клевету. Что мог я ответить любопытному церберу?..

- Не боюсь! Я с пацанами жил хорошо!

Наконец на одном из длинных переходов охранник отыскал нужную ему дверь. Он пропустил меня вперед, открыл дверь, я вошел в незнакомую мне камеру. В камере стояла завеса табачного дыма. Стены, в отличие от камер, где содержали малолеток, не белились, постельное белье не выдавалось. На цементном полу, на нижних и верхних нарах сидели люди с землистыми лицами. Проходить дальше было некуда, я стоял у двери, держа в руках мешок.

- Откуда, земля? - спросил меня парень лет двадцати пяти, по национальности ингуш.

- Был старшим в хате малолеток № 75.

Все затихли, заинтересованно на меня посмотрели. Я был хорошо одет, это всегда имеет немаловажное значение. Естественно, если я хорошо одет, у меня может быть чай, золотой товар уголовного мира. Чай я им отдал, они тут же стали резать на полосы тряпки, зажигать и в кружке варить смолянистую жидкость, именуемую чифирем. Чифирь я не любил, хотя впоследствии в колонии, где порой голод и холод едва не сводили с ума, к нему пристрастился, но это обычно с выходом на волю проходит, прошло и у меня.

Вечером по камерному телефону стали выяснять, не ущемлял ли я малолеток в их правах. Ответ был положительный, мне дали верхнюю нару, где мне пришлось ютиться в паре с еще одним заключенным, поскольку количество заключенных опять же превышало положенную норму втрое. Верховодили в этой камере трое: Аслан, Гера и Бык.

Аслан, кажется, меня понял и мое постоянное молчание воспринимал правильно. Я использовал свое небольшое умение рисовать - разрисовывал цветной пастой майки, иногда делал татуировки, - этого мне хватало, чтобы иметь сигареты, которые выменивал на эти рисунки.

Иногда Аслан пускался в воспоминания. Мне всегда в такие минуты было немного смешно. Воспоминания прерывались восклицаниями: «А вот ты жил красивой жизнью?.. Были у тебя красивые девушки? Ходил ты по кабакам?»

Эх, что вы понимаете... Подобные вопросы он задавал не мне, интересно, что только мне он их не задавал. В душе этот парень злым не был.

Ташунчик Гера был худым рябым типом. Он вечно сидел в грязного цвета майке на наре и рассказывал новые подробности, как из ружья убил какого-то мужика. Третий, Бык, - тупое, без конца бессвязно матерящееся создание, - за счет этого и физической силы временно пребывал в составе элиты.

Опять потянулись дни и недели. Питание здесь было такое же, как и у малолеток, за исключением кусочка масла. На обед в капроновую миску выливались пшенная бурда со сваренной с костями мелкой рыбой. На второе - пшенная каша, политая подсолнечным маслом. Что касается чая, желтую водичку называть чаем я не осмеливаюсь. Ложек у многих из нас не было. Ели, сгибая капроновые тарелки, хлеба из них, нагребая гущу хлебом. Места за столом хватало на 6-8 человек. Остальные ели где придется, в основном на нарах. Иногда из узкого проема из-под нар вылезало существо, которое приводило меня в ужас. Этот сломленный морально и физически человек месяцами жил под нарами. Дело в том, что в этой сырой камере с цементным полом под нарами стояли лужи, спать там было невозможно.

Все, у кого не было нар, ютились в центре камеры на двойном слое матрацев. Этот же изможденный человек из-под нар не вылезал по два-три дня. В туалет он не ходил.

- Парни, кто этот мужик? - спросил я.

- Бомж, он привыкший, пусть лежит, - ответил мне Аслан.

- Нет, парни, он тут в эту неделю ел два раза, а в туалет вообще не ходил. Точно загнется под нарами.

Все на меня недоуменно посмотрели. До человека под нарами никому не было дела. Охранники при проверке заглядывали под нары, хохотали и с фразой: «Он еще живой?», уходили из камеры.

Моему терпению подходил конец. Рядом умирал человек, истощенный, падший, но все же человек.

Я подошел к двери и начал колотить:

- Дежурный!.. Забери в больницу человека... Умрет - будешь отвечать! - это подействовало. Чем больше безответственности, тем больше у нас бояться ответственности. Вошли два охранника. Мы посторонились.

- А ну вылазь... Эй, бич... Вылазь! - под нарами было тихо.

Пришлось раздвигать нары и вытаскивать это существо на свет.

Когда его, не дышавшего, вытащили мне стало страшно. Это была натура рисунков Гойи. Оскаленный рот с запекшейся в уголках губ кровью. Синее лицо, лысый череп, длинные закрученные ногти...

Перепуганные охранники ушли за медициной. Вскоре пришли один из врачей и два человека из хозяйственной obsługi. Несчастного подхватили под руки и уволокли. Был ли он еще жив или умер, мне это до сих пор неизвестно.

День, ночь, день, ночь, бесконечная каша дней и ночей. Суд давным-давно состоялся, но баланды из овсяной крупы с разварившейся вместе с костями рыбешкой хватает на всех. Главное - хорошенько обезличить, отнять в каменных мешках побольше здоровья.

Но вот, кажется, этап...

Да, это был этап. Наконец нас, пропущенных физически и морально сквозь тюремную мясорубку, изъеденных вшами и кожными заболеваниями, решили отправить в исправительно-трудовую колонию.

Я часто задаю себе вопрос: почему места лишения свободы у нас в стране именуют «исправительно-трудовой колонией»? О каком труде идет речь, если условий для труда в колониях не существует?

Если человек и желает работать, этот процесс будет прерван или в начале, или в середине, или в конце работы той существенной мелочью, которая является связующим звеном единого божьего процесса: в начале работы заключенного не накормят и не выдадут вовремя рукавицы, а в середине рабочего дня пьяные надсмотрщики (прапорщики) используют его в своих же целях, то есть принести, подать, «почесать пятки». В конце же рабочего дня за невыполненную работу он будет наказан мордобитием, что является роковым стимулом для дальнейшего желания трудиться. Фарс! Фарс! Фарс! Везде и всюду, во всех проявлениях и на каждом шагу.

Впереди будет еще одно испытание... Сумею ли я выдержать предстоящее?

Глава 5

В тюремном дворе под «нарами» стоял фургон, именуемый заключенными «автозаком». По излюбленному принципу администрации: «В тесноте да не в обиде» - нас, как селедку в бочку, загоняли в его черное нутро для транспортировки на железно-дорожный вокзал к поезду. Сдавленный со всех сторон другими заключенными, я стоял со своей котомкой, ожидая дальнейших событий. Машина затряслась по дорожным ухабам, заключенные матерились, стонали, охали в невероятной тесноте. В двух закрытых клетках машины, рассчитанных на одного человека, перевозили двух женщин.

Неожиданно пьяные охранники внесли «оригинальное» предложение нам, сбитым в кучу, стоящим фактически на одной ноге:

- Эй, вы, у кого есть деньги, можете зарулить в клетку к девочкам. Пока доедем до вокзала, успеешь палку поставить, - предлагал, похихикивая, голос азербайджанца-охранника из-за решетчатой перегородки внутри машины. Заключенные насторожились.

Такие случаи здесь бывали часто. По договоренности с заключенными женщинами охрана, нарушая закон, наживалась на животной потребности людей.

Какой-то заключенный живо ухватился за предлагаемое. Послышался силплый голос:

- Давай, начальник, у меня есть деньги, только побыстрее, чтобы успеть.

В клубке тел началась возня, это имеющий деньги протискивался к перегородке, чтобы отдать охране и быть запущенным в ящик к особе женского пола.

Раздался скрежет открываемой двери, смех, циничные шутки заключенных. Многочисленному происходящему в этой системе я уже перестал удивляться, но омерзение, охватившее меня в тот момент, было безграничным.

Между держащими в руках автоматы охранниками закона и уголовниками не было никакой разницы. Везде подонки, везде грязь, везде отсутствие малейшего проявления человеческого достоинства.

Между тем в фургоне всем было весело. Со всех сторон неслись циничные прибаутки и замечания. Мой сосед, седой рецидивист со стажем, не переставал выкрикивать:

- Спеши, братишка, осталось пять минут, скоро вокзал.

С другой стороны, кто помоложе, комментировали событие по-своему.

- Мужик, как там у нее с зубами... хи-хи-хи... все на месте?.. Пацаны, он беззубую старуху дерет? Хи-хи-хи!

Я не ханжа и не чистоплюй, возможно, все это было весело, но все же кажется - человек везде должен оставаться человеком, если к нему приклеилось название «хомо сапиенс», что переводится как «человек мыслящий».

Все происходило своим чередом.

Буквально перед самым прибытием на железнодорожный вокзал «счастливый» обладатель лагерной потаскухи вернулся в общую массу заключенных. Подробно описывать мораль таких женщин я здесь не стану, поскольку придется несколько обобщать, что может обидеть прекрасную половину нашего общества. Могу лишь несколько описать, как выглядели эти особы, когда я их увидел при перегрузке из автофургона в вагон. Возраст одной и другой приближался к пятидесяти годам. Измочаленные, морщинистые лица, седые, слипшиеся от грязи, взлохмаченные волосы, плоские фигуры с полуспущенными дырявыми чулками на тонких ногах.

Наконец нас растолкали в темные зарешеченные клетки в вагоне. Положенная на квадрат норма загрузки опять превышалась в три раза. Опять для расположения измученного тела пришлось принимать положение змеи. Перед этапом на «счастливую» дорогу нам был выдан паек: булка хлеба и маленький кулек сахара. Что касается положенной банки консервов, она нам только полагалась по бухгалтерской ведомости. Консервы, видимо, больше были нужны полупьяному конвою на закуску.

Поезд тронулся. Под непривычный слуху монотонный стук колес каждый предался воспоминаниям о тех счастливых дорогах, которые были у нас когда-то там, на воле.

Хотелось плакать или потихоньку подвывать.

На верхнем ярусе, где разместился я, можно было лежать, внизу же, тесно прижавшись друг к другу, заключенные могли только сидеть. Впрочем «только» подходит как к нижнему, так и к верхнему ярусу. Пространство между верхней сплошной полкой и потолком не позволяло изменить позу и сесть.

Вскоре время взяло свое, нам захотелось есть. «Прокаженные» ехали в отдельном купе, так что все продукты мы объединили и приготовили ужин из ломтей хлеба. Сахар перемешали с сухим чаем. Эта смесь именовалась «сушняком»: на сухую сахар и чай. Мы черпали ложками, заедая сухим черным хлебом. Через 10-15 минут с ужином было покончено, все опять заняли первоначальные позы.

Спустя некоторое время мы поняли роковую неизбежность подобного ужина. Хлеб, чай и сахар в наших желудках под воздействием температуры и под влиянием неподвижности раздули наши желудки, принесли ужасную тяжесть, боль и жажду.

- Начальник, выведи в туалет, - попросил один из нас проходившего по коридору охранника.

- Солдат, дай водички, - попросил мой сосед, которому явно стало плохо. Из купе охраны раздался полупьяный голос:

- Заткнитесь, суки! Поспать будем выводить в десять вечера! Тогда и воду получите!

Время было около шести часов вечера. Подобное заявление конвоя было явным издевательством.

В других клетках происходило то же самое. Крики усиливались. Люди не могли терпеть.

- Начальник, выведи в туалет, жаловаться будем, - опять раздался крик, уже содержащий угрозу.

У пьяных конвоиров это вызвало звериную злобу. Конвоиры забегали, гремя сапожищами, заглядывали в наши клетки, выискивали тех, кто кричал. Наконец, как бывало всегда в подобных случаях, из клетки вытащили запуганного старика и начали его избивать.

Все закричали... Вагон задрожал от взбешенных криков. Конвоиров стали в открытую обзывать и материть.

- Что вы делаете, псы!.. За что издеваетесь?! Вы люди или фашисты?!

Бунт всех клеток подействовал на конвой. Они решили удовлетворить наши ничтожные просьбы, но сделать это с иезуитской изобретательностью.

- Сейчас будем выводить в туалет, но только посрать! - пьяный охранник кричал громко, чтоб было слышно во всех клетках. - Каждому даем времени, пока сгорит спичка. Если не успеешь - пойдешь в туалет завтра.

Что значит оправиться за двадцать секунд, мы еще не знали. Когда дошла очередь до нашей клетки, первые заключенные, которых уже выводили, тут же возвращались с болезненными гримасами.

- Издеваются гады. Парни, готовьтесь заранее, расстегивайте штаны и вытаскивайте ..., иначе не успеть.

Как я понял это был полезный совет.

Дошла очередь и до меня. Как только я оказался на коридоре с расстегнутыми брюками, солдат ткнул меня кулаком в спину и приказал бежать в конец вагона, где находился туалет. Там возле открытой туалетной двери стояли два солдата. Один из них ударил меня ребром ладони по затылку и толкнул в туалет. Второй зажег спичку. Туалет не закрывался. Кое-как выдавив из себя несколько струй, я выскочил из туалета и после очередных ударов по затылку и по спине был отправлен в свое купе.

Через такую процедуру проходили все заключенные.

Туманное ранее лицо садизма в местах лишения свободы приобретало для меня реальный облик.

С той поры я часто задаю себе один измучивший меня вопрос: интересно, почему доброта не может отработать свои проявления до таких тонкостей, как зло и насилие?

Какой философ мог бы на это ответить?

Несколько лет спустя, проезжая по этой дороге в комфортабельном купе, я вспоминал все происходящее со мной в те «удивительные» годы и написал под впечатлением стихотворение:

По дороге по этой когда-то
За решеткой я ехал глухой.
Ныло сердце, оковами сжато,
Псом больным был отнятый покой.

А затем - плеть, укусы и волки,
Беспросветность степных лагерей.
Лай конвоя, холодные полки
И ухмылки продажных друзей.

Эх, дорога, ты видела много.
И меня, молодого глупца,

В подведение большого итога
В клетке зэка куда-то везла.

Видит бог, ты меня научила
И прощать, и любить, и ценить.
Ясно то, без тебя б и не было
То, чему предназначено быть.

Итак, после вывода в туалет, нас, фактически не справивших нужду, решили напоить водой. Последовательность садистов-конвоиров была удивительной. В дрожащие кружки полилась живительная влага. Впрочем, слово «полилась» необходимо заменить на «пролилась». Ошалелые от жажды заключенные оттесняли кружки соседа. Каждый торопился подставить свою посуду.

Конвоир не пытался регулировать поток воды. Матерясь, он разливал воду на пол, наклонял канистру до такой степени, что струя выхлестывала содержимое некоторых уже наполненных кружек.

- Хорош! Другим не достанется, - «сострил» он и ушел, едва наполнив три кружки.

На этом благотворительность пьяного конвоя закончилась. Задыхаясь от испарений, мучимые жаждой, болью в желудке, в мочевом пузыре, мы пытались погрузиться в спасительный омут сна. Где-то за полночь бредовый сон прервали душераздирающие крики, доносившиеся из клетки, в которой этапировали женщин. Там находилось несколько молодых девиц, осужденных за растрату, работавших продавщицами. Молодые девушки, фактически не падшие, стали объектом насилия пьяных конвоиров. Солдаты матерились, требовали, звучали окрики:

- Ну че, ты, сука, ломаешься!..

- Дай е.....ть, что, для зэков себя бережешь?

Девушки рыдали, слышались истерические выкрики:

- Нет! Лучше убей, гад!.. Отпусти... Помогите!..

Вагон миглом проснулся. Из всех клеток раздавались угрозы в адрес озверелого конвоя.

Окажись мы в тот момент на воле, участь конвоя была бы решена.

- Эй вы, менты поганые, псы дешевые, отпустите девушек,- кричали мы, стуча кружками и ногами в жестяную обшивку вагона.

Вопли, громоханы, матерщину и плач слышала, наверное, вся ночная степь, сквозь которую мчался этот проклятый поезд насилия.

Неизвестно, что там в женской клетке произошло, но крики девушек и конвоиров затихли. Мы немного успокоились, покурили и клетка вновь погрузилась в болезненную дрему.

Глава 6

Утром следующего дня поезд прибыл. Это был маленький тупиковый полустанок в степи. С помощью ударов конвоя нас выгнали из вагонов в степь и выстроили в колонну. Женщин и заключенных других режимов сняли с поезда ночью.

В этом степном краю насчитывается множество колоний с различными режимами.

После предупреждения конвоя о том, что шаг влево или вправо считается побегом и будет наказываться пулей, под лай овчарок нас погнали к лагерю. Он находился где-то в двух километрах от полустанка.

Опьяненные дыханием степи, мы трусцой бежали по жухлой траве навстречу новым испытаниям.

Вскоре из-за холмов мы увидели дощатый забор, проволочные заграждения, вышки и серые бараки. Это была колония общего режима, где нам предстояло отбывать наказание.

Заключенные в нашей толпе чувствовали себя двояко: те, у кого в колонии были друзья, нетерпеливо ожидали ввода на территорию. Те, у кого в колонии были враги или из тюрьмы опередила дурная слава о них, сникли, зная, что пощады не будет.

Когда ворота открылись, и нас стали по пятеркам загонять внутрь, несколько человек из нашей толпы бросились в сторону и с криками упали на землю.

- Не пойду, начальник!.. У меня там враги! Хочу в другую зону,- вопил один.

- Что хотите делайте... Там меня убьют. У-у-у, - выл второй, закрывая голову руками.

Солдаты окружили отказчиков, били прикладами, насильно тащили в подсобное помещение, именуемое заключенными «козлодержкой». Мы, напуганные, ожидали, что будет дальше. А дальше охрана продолжила нас выстраивать колонной по пять человек и вводить на территорию колонии.

Из «козлодержки» были слышны душераздирающие крики отказчиков. Вперемешку с криками заключенных слышалась брань солдат.

- Ты у меня, сука, пойдешь!.. На пинках, падло, загоню, если добровольно не пойдешь! - орал невидимый обладатель зычного голоса.

Через мгновение послышались глухие удары. Не нужно было много ума, чтобы понять - это удары сапог по массе чьего-то тела. Очередная легенда о том, что при желании можно отказаться от предписанной колонии, распалась, как легенда о гуманном акте, провозгласившем амнистию в тюрьме.

На территории колонии, за карантинной полосой, именуемой заключенными «конвертом», нас встречала большая толпа заключенных. Все были одеты в форменные черные костюмы. На груди бирки с фамилией. У всех на головах были черные шапочки с длинными козырьками по немецкому образцу. Начались братания, выяснения отношений.

Через некоторое время нас, вновь прибывших, собрали в административном корпусе для распределения по отрядам. В помещении летнего «кинотеатра», на дощатой сцене, за длинным столом сидели офицеры, начальники отрядов и заключенные СВП, составляющие

вспомогательный аппарат в управлении колонии. Основное, что интересовало администрацию, - это рабочая специальность каждого вновь прибывшего. Дошла очередь и до меня.

- Ваша основная специальность? - перелистывая мое личное дело, спросил сутуловатый лейтенант с землистым квадратным лицом.

По правде говоря, я не знал, что ему ответить. Шахтеры здесь вряд ли были нужны, как и опрессовщики отопительных батарей, то есть мои специальности, приобретенные после учебы в университете. Работать здесь художником, я уже знал, было рискованным и неблагодарным делом. Художники в колонии в основном исполняют плакатную работу, а это значит, что придется быть и карикатуристом, выпускать газеты, в которых систематически содержатся приказы о наказаниях, карикатуры на того или иного заключенного. Такого рода активность вызывает здесь всеобщую озлобленность.

- Специальности у меня нет, - сказал я, - мне безразлично, где работать.

- Не прибедняйтесь. Вы, кажется, учились в университете? Возьмите бригаду, будете командовать.

- Послушайте, лейтенант, я же сказал, что специальности у меня нет. Что касается университета, то это было давно и неправда.

Офицеру мой ответ не понравился. Возможно, он хотел оказать мне своеобразную поддержку как человеку «своего» круга. Но в ответ, так сказать, получил черную неблагодарность.

- Ладно, идите, - смерил меня холодным взглядом. Он что-то записал в карточке, вложил ее в конверт и отложил в общую кучу.

После зачисления меня в бригаду и отряд, уже в сумерках, подлежало посетить баню, получить обмундирование и постель.

Баня тоже оказалась шедевром изобретательности лагерной администрации... Из десяти распылителей воды, торчащих с потолка, только из двух бежала вода. Остальные пузырились, выпуская из отверстий капли, но не струи воды. В отдаленном прошлом мне приходилось посетить один наш убогий зоопарк. Там в маленькой ржавой клетке томился северный медведь. Несчастное животное, по своей природе не обходившееся без воды, стояло в клетке, задыхаясь от казахстанской жары, а на голову ему из ржавого крана бежала тоненькая струйка воды. Медведь поднятой лапой ловил эту ничтожную струйку и размазывал по грязной шерсти на голове.

Кое-как размазав на голове грязь, я помылся и вышел в раздевалку, где заменил вольную одежду на спецформу лагерного образца. Штатскую одежду связал в узел, закрепил бумажную бирку с фамилией и сдал на вещевой склад. Больше мне, как и большинству заключенных, свою одежду увидеть не довелось. «Будь доволен, что живым ноги уносишь» - бытовала при освобождении фраза, «списывающая» шалости лагерной администрации.

Уже в темноте вошел я в барак, в котором должен был получить спальное место. Мой отряд и бригада размещались на первом этаже двухэтажного здания. В тускло освещенном бараке стояли двухъярусные койки. На нижних и верхних койках сидели заключенные. Как и в тюрьме, люди группировались по два-три человека.

Когда я вошел, меня позвали к одной из групп, где находились бригадир и несколько его ближайших помощников. В проходе между коек, на тумбочке, стояла банка с «чифирем». Заключенные пили «чифирь», пуская по кругу алюминиевую кружку. Когда я подошел, на меня с высокомерием уставились несколько наглых физиономий.

- Ну что нам скажешь? - задал мне неопределенный, многозначительный вопрос один из сидящих - бригадир.

- Что я могу сказать? Вот пришел срок отбывать, - сказал я, чувствуя раздражение под этими тупыми взглядами.

Бригадир, казах, явно набивая себе цену, продолжал:

- Знаю, что срок отбывать. А как жить думаешь? Блатным, мужиком или пацаном?..

О порядках, существующих в этих колониях, я уже знал. Подонки всех мастей величали себя блатными или пацанами, что в итоге значило одно: они - лагерная элита, поэтому им работать, по неписаным законам, не полагается.

- Жить буду, как все. А вешать себе ярлык разных там пацанов, блатных и других не собираюсь.

Губы моих слушателей перекосила ехидная улыбка. Я понял, что сказал слова, которые не вмещаются в извращенных мозгах.

Охраняя культ насилия, они не могли допустить отклонения от принятых лагерной жизнью законов.

Один из сидящих, коренастый, с заплывшим лицом казах, встал, толкнул меня кулаком в плечо и изрек:

- Ты, земля, так больше не скажи... Сам по себе. Так не бывает, понял?!

Вступать в философскую полемику с ярко выраженными уголовниками не имело никакого смысла. Малейшее проявление интеллекта в этой системе раздражало как уголовные элементы, так и администрацию.

Страх у меня не было. Единственное, что я в тот момент испытывал, это бесконечную усталость и отвращение. Больше всего хотелось вытянуть тело в горизонтальном положении, отдохнуть от изнурительной нервной мясорубки, пережевывающей душу и тело.

- Понял, - односложно ответил я.

- Хорошо, что понял, - бригадир по имени Амангул удовлетворенно махнул головой. - Вот твоя нара, верхняя, - указал мне на третью от входной двери двухъярусную койку.

Первую ночь в колонии я проспал удивительно крепким сном. Нервы требовали отдыха и наконец они его получили.

Пробуждение было вынужденным. По бараку ходили прапорщики, стучали по железным спинкам коек, стаскивали со спящих одеяла.

В связи с воскресным днем на работу не выводили. Бригадир выстраивал заключенных побригадно, маленькими группами, вели в лагерную столовую на завтрак.

В барачного типа столовой, на металлическом подносе, лежали ломти черного хлеба по количеству людей в бригаде. Люди суетливо подходили к подносу, каждый хватал ломоть черного хлеба и быстро занимал место за длинным столом. Спешка, с которой все расхватывали хлеб, оказывается, имела под собой почву.

Последние, и я в том числе, оказались без хлеба. Мои попытки выяснить почему так получилось, закончились весьма своеобразно. Дежурный прапорщик, к которому я обратился с просьбой дать мне хлеб, выматерился и сказал:

- Ты чего людей баламутишь?! Еще раз подойдешь ко мне с такими заявками, посажу в карцер.

Ответ был исчерпывающим... Пришлось завтракать без хлеба. Потом я убедился, что это явление здесь было систематическим. Хлеб, да и не только хлеб, другие продукты бесследно исчезали.

«Баланда», то есть лагерная пища, на завтрак составляла жидкий суп, в котором сиротливо плавали непонятного происхождения шкурки, комочки, сгустки разной гадости. «Чай», желтую воду без сахара, по установившейся традиции заключенные пили в жилом помещении. Возле выхода, внутри барака, стоял трехведерный бак с подкрашенным кипятком. Чем подкрашивают воду, я так и не уяснил. После завтрака заключенные садились на койки возле своих тумбочек, доставали съедомленный хлеб, густо посыпали солью и съедали, запивая кипятком. Что касается сахара, о вопросе, относящемся к получению и распределению этого продукта, можно было бы написать детективную историю. Кто-то когда-то в этой колонии решил и постановил, что для заключенного лучше получать не ежедневную порцию сахара, а один раз в месяц сразу получать количество в размере поллитровой кружки. Составлялся список очередности. Ввели список бригады. Никто из рядовых членов бригады не знал, чья очередь следующая, и не видел этого списка.

Сахар постоянно исчезал, а те редчайшие случаи, когда простой заключенный его получал, происходили и заканчивались приблизительно так: к счастливчику подходил бригадир и несколько человек из приближенных пацанов.

- Ну че, Максимов, говоришь, глюкозу получил?

- Получил... первый раз за четыре месяца, - ссутулившись, отвечает несчастный Максимов.

Он уже знает, что за этим последует. Один из блатных фамиллярно его обнимает и заводит речь:

- Короче, братишка, ты нам займи кружак глюкозы... Завтра наш кент на волю идет, нужно на проводы бак чая заварить.

Максимов знает, что отказать невозможно. Если он откажет, завтра на работе к нему начнутся придирки, а потом и избиения. По физиономии бригадира это сразу можно определить. Губы на широкоскулом лице ползут в улыбку, а в черных с желтизной глазах нескрываемая угроза. Максимов говорит, как и ожидается:

- Да я че, я ниче... берите, ребята...

Дрожащими руками он достает и развязывает заветный узелочек с сахаром и пересыпает в поставленную банку.

- Вот так, мужичок, - хлопает его «блатной» по плечу, - получим - сразу отдадим.

После так называемого второго завтрака из хлеба, соли и воды, вся колония выстраивается на плацу для подсчета заключенных. В центре квадрата стоит начальство. Начальник колонии - русский, начальник спецчасти - казах, замполит - еврей и офицеры-отрядники - в основном казахи.

Прапорщики бегают вдоль колонн, выравнивают, подравнивают, толкают, кричат. Начинается подсчет заключенных.

Мимо учетчика-табелщика из привилегированных заключенных, мимо начальства одна за другой проходят по пятеркам бригады и отряды. Снова и снова после пересчета кого-то недосчитываются... Процедура повторяется опять и опять.

Начальник колонии, русский, как правило, в колонии бывает редко. Молодой, невысокого роста, полный бонвиван, он, по всему видно, живет теплой жизнью гурмана-сладостюбца. Такие люди злыми не бывают, но и, занимая пост, пользы не приносят. Скорее всего способствуют процветанию беззакония в возглавляемом аппарате.

Здесь, в лагере, все это на лицо: толстый, здоровенный, с басмаческими замашками начальник по режиму гнул свою линию. Она сводилась к тому, чтобы карцеры всегда были полными. А когда переполненные камеры уже не вмещали людей, брошенных туда неизвестно за что, он являлся, мудрый, как мулла, всех торжественно освобождал, чтоб тут же начать все сначала.

Длинный, аскетичного вида, начальник спецчасти, был явным фанатиком. Узкое желтое лицо, немигающие глаза, тихий голос. Однажды я подслушал, как он разговаривал с психически больным заключенным.

- Гражданин начальник, - говорил явно невменяемый заключенный, - отпустите меня домой... меня дети зовут, просят купить мороженого и конфет... Я через два часа вернусь!...

Сквозь приоткрытую дверь я увидел, как начальник спецчасти достал ручку, блокнот и тихим гробовым голосом спросил:

- Называй адреса, фамилии тех, кто тебя зовет... Кто такие, говори!...

С такими людьми все было ясно. Но вот кто, когда, зачем доверил им судьбы пусть заключенных, но все же людей?

Я еще и еще раз повторяю, что в этой колонии в основном находился контингент не закоренелых уголовников, а пострадавших в семейных скандалах отцов семейств, шоферов-аварийщиков, пришедших из малолетних колоний на взрослый режим по возрасту бывших малолеток. Что касается настоящих уголовников, они здесь служили администрации. Занимали посты бригадиров, были членами СВП и СКО, фактически держали за горло и истязали остальной контингент. Что касается определения «общий режим», в уголовном мире хорошо известно, что колонии общего режима по содержанию гораздо хуже колоний строгого режима. Голод, холод, издевательства друг над другом, включая издевательства администрации, достигают здесь невиданных размеров.

Стояло воскресенье.

После тройного пересчета, когда начальство наконец уяснило, сколько нас на самом деле, мы получили команду «вольно» и направились к своему барaku. Вошли в помещение и... Комната напоминала поле боя, или Помпею после извержения Везувия... Все было перевернуто вверх дном... На полу валялись матрасы, подушки, личные вещи. Койки в асимметричности составляли замысловатые узоры. Оказывается, во время утренней проверки прапорщики в нашем бараке делали обыск. Такие обыски, как правило, ничего не давали. Самодельные ножи, электрокипятильники, поделки никто не прятал, а водку и марихуану, которые поставляли те же прапорщики, блатные прятали надежно. Очень часто такие тайники оборудовались в кабинетах отрядных офицеров.

До обеда мы наводили в бараке порядок. Итак, в первой половине воскресного дня отдых оказался иллюзорным.

Замполит, еврей, был явным поклонником содержания заключенных с использованием элементов содержания узников в концентрационных лагерях. В центре колонии, на столбе висел радиоприемник классической формы «лопух». Из него громко и гласно неслась музыка, в основном травмирующая нашу психику. На всю жизнь запомнилась одна песня: «Пряники русские, сладкие, мятные, к чаю ароматному угощенье знатное».

Ошалелые от голода, мы метались по территории колонии, вдвойне ощущая в пустых желудках голодные спазмы. Лично я был потрясен...

Это был садизм. Звонкие мелодии стирали реальность мироощущения, превращали нас в роботов. Встречаясь друг с другом, мы многозначительно недоговаривали фразы, прерывали разговор ухмылками, дурацким похихатыванием. Психика голодных людей, а эта колония всегда была голодной, разрушалась на глазах.

Наш обед состоял из бесцветной теплой жидкости, именуемой супом. На второе - водянистый картофель, напоминающий известь, залитую водой. Многие заключенные, чтобы зрительно получить ощущение сытости, выливали первое блюдо во второе, перемешивали и жадно проглатывали это отвратительное месиво. Такую картину я, выросший в деревне, неоднократно наблюдал в свинных хлевах.

После обеда голодных людей колоннами, побригадно, уводили из столовой. Попросить дополнительную порцию еды было невозможным. Если заключенный просил дополнительную порцию, сами же заключенные его выслеживали и уже к ночи он получал кличку Барбос. Такого заключенного унижали, заставляли делать работу за других. Каждый мог его ударить, что и делалось. Как я понял, преследования в этом отношении между самими заключенными были администрации на руку. Огромное количество пищи оставалось, уходило в помои. Остатками вскармливались свиньи из подсобного хозяйства лагеря. Мы же мяса в своих мисках никогда не видели, за исключением санчасти и жалкого подобия мяса, в качестве консервов для близира брошенного в котел.

После обеда выдалось свободное время. Заключенные бесцельно ходили из барака в барак, посещали знакомых, выискивали возможность выпить «чифирия».

Как я уже писал, эталоном всех ценностей был чай. Пристрастие к нему наших заключенных можно сравнивать с пристрастием алкоголика к спиртному. За чай можно было получить в условиях колонии почти все, кроме свободы. Те, у кого был чай, могли не работать, отдавая его бригадиру, который взамен проставлял часы. Чай, полученный в лагерном магазинчике на положенные восемь рублей отоварки, составлял ничтожную часть имеющегося в обиходе. В основном его приобретали через прапорщиков-контролеров, через солдат охраны или вольнонаемных рабочих. За маленькую плитку можно было выменять фуфайку, рабочий костюм, другие вещи лагерного обихода. Человеческое достоинство - визит к педерасту - стоило пачку маргарина или ту же плитку чая.

Чай жаждали везде. При встрече заключенного с заключенным можно было всегда услышать следующие слова:

- Как живешь, земляк?..

- Спасибо, херово!

- Заварить есть?

- Голяк!

- А у тебя есть?

- Тоже голяк!

У обоих заключенных кислые физиономии. Но вдруг один из них оживает, что-то вспоминает.

- Па-да-жди... падажди... Мне Поросянок должен одну завару.

- Катит¹... Пойдем бомбить Поросянку. Они медленно бредут в сторону одного из барачков. «Чифирия» заваривают и пьют, соблюдая лагерный ритуал. В поллитровую банку закипевшей воды опускается четвертая часть маленькой плитки (размером со спичечный коробок). Одна пачка называется «одной заваркой». Вскоре чай растворяется и превращает воду в густую черную настойку. Ранее уголовники пили этот напиток категорически без сахара. Теперь же при питье «чифирия» желательны сахар или конфеты. Сладкого в лагере очень мало, а «чифирия» с сахаром притупляет впридачу голод. Через определенное время после систематического употребления «чифирия» обязательно наступают изменения в организме. Наступает недержание мочи. Появляются боли в области почек, печени. Также разрушается желудок и другие внутренние органы. Это действие чая, непомерное его употребление, я испытал и на себе.

Глава 7

Работа заключенных использовалась на двух различных производствах. Трудно сказать, какое из них в финансовом смысле приносило большие доходы. Непосредственно на территории находилось несколько рабочих барачков. В этих барачках часть заключенных вязала хозяйственные сетки и плела шнурки для обуви. Другую часть заключенных ежедневно выводили на территорию стройки. Там уже много лет строили горно-обогатительную фабрику.

Огромные деньги, отпущенные на это строительство, из года в год превращались в прах. Полная бесхозяйственность руководителей стройки, с одной стороны, и нежелание работать заключенных, терпевших бесчеловечное отношение, сделали эту стройку посмешищем.

Я знал - меня определят работать на стройку. Завтра, в понедельник, мне предстоит в шкуре заключенного воздвигать стены фабрики. Что ждет меня завтра?..

Вечерний прием пищи мало чем отличался от завтрака и обеда. Разве только тем, что в столовую строем нас не повели, а посетили мы ее в вольном порядке. Каждый подходил сначала к знаменитому хлебному блюду, а затем к повару, который наливал миску теплой нежирной воды.

Словно вороны на поле брани, возле поваров, на раздаче, вились «блатные пацаны». Те, кто проповедовал запрет на добавочную порцию пищи, клячили и угрожали поварам, требуя «диету». Так называлась несколько улучшенная пища, которую предписывала больным лагерная медицина.

Азербайджанцы, грузины, армяне, казахи, отличающиеся наглостью, кричали, напирали на остальных. У раздатки завязывались драки.

Омерзительные картины сменялись одна другой. Какой-то вертлявый азербайджанец с крючковатым носом избивал пожилого русского. Не встречая сопротивления, он тыкал его кулаком в лицо и кричал:

- Я тебя задолблЮ, ишак... ты мне зачем толкал?!

Никто ни за кого здесь не заступался. Запуганный мужик прикрывал лицо руками, сквозь пальцы просачивалась кровь. Дежурных прапорщиков поблизости не было. Меня толкали со всех сторон. Откуда начиналась очередь, было непонятно. Голодные люди размахивали жестяными мисками, напирали, у многих из мисок пища выплескивалась на окружающих. Таких заключенных из толпы выпроваживали на пинках.

Я вышел из толпы и стал ждать, когда стихнет бешенный водоворот озверелых людей.

Мое внимание привлекла группа заключенных, которые стояли в углу. Это были педерасты из шестой бригады. По лагерным законам они принимали пищу после всех за отдельным столом. Группа насчитывала восемнадцать-двадцать человек. У «отверженных» были безразличные, оплывшие жиром лица. Одеты они были неряшливо, одежда по размеру не подходила. Как, и в тюрьме, к ним запрещалось прикасаться, а также поддерживать любые отношения. Тем не менее подпольная торговля и отношения с педерастами процветали. Выменивались самодельные трубки, шкатулки, хозяйственные сетки, отделанные бахромой.

Когда толпа схлынула, я съел свою похлебку. В похлебке плавали рыбные кости. Пища совершенно не насыщала в условиях постоянного нервного перенапряжения и климатических условий Казахстана. После ужина я отправился в барак. В тусклом свете заключенные небольшими группами сидели на нижних койках. У входа, возле электрической розетки, сидел старый, запуганного вида заключенный, и банку за банкой кипятил воду. Почти не затихали в его адрес крики:

- Кузьма, заварил?!

Кузьма был шнырем - забитое, запуганное существо, затычка во всех делах.

От нечего делать, чтобы отвлечься, я взял лист бумаги и стал рисовать. В основном здесь рисовали обнаженных женщин, змей, тигров, ножи, карты, символику уголовного мира. Я почувствовал, что за моей спиной кто-то стоит.

-О-о-о-о! Да у тебя золотые руки!..- услышал я слова. А когда оглянулся, увидел, что мой рисунок разглядывают бригадир и его приближенные.- А сможешь нарисовать руку в наручниках с порванной цепью? Чтоб в руке был зажат факел?

Я взял чистый листок бумаги и шариковой ручкой нарисовал желаемый рисунок. Блатные стали охать и ахать. Они не ожидали, что такое «чудо» можно воспроизвести в считанные минуты.

Один из них несколько раз ручкой обвел контуры, а затем отпечатал рисунок на предплечье.

- Колоть можешь?..

Нудный процесс исполнения татуировок мне не нравился.

- Нет... Запартачу, - лаконично ответил я.

Глава 8

Ночь прошла. Наступал мой первый рабочий день в этой богом проклятой исправительно-трудовой колонии общего режима. Почему я назвал колонию проклятой богом? Эта колония являлась и является ни чем иным, как гнойным очагом на господнем теле! Впрочем, она далеко не единственная в этом краю. Читая Антонова-Овсеенко, «Повесть о Матильде и Ларисе», я узнавал «милые сердцу места», несмотря на то, что времена его героев и мое пребывание в Карлаге не совпадали. Был я и в Долинке, которая в данное время является, как бы в насмешку, санитарным лагерем.

Итак, мой первый рабочий день начался. Колонной по пять человек нас ведут на рабочий объект.

Осеннее холодное утро. Солдаты и прапорщики из вольнонаемных охраняют колонну. Солдаты вооружены автоматами. На поводках овчарки.

У прапорщиков в руках клюки-палицы из очень толстой стальной проволоки с изогнутыми рукоятками в виде кольца. Мы, безусловно, предупреждены, что шаг вправо, шаг влево считается за побег и наказывается пулей. Старая песенка... Нам больше хочется жить, чем бежать. Побег бессмыслен и равноценен смерти. Перед глазами простирается бескрайняя жухлая степь.

Иногда колонна теряет ритм. Люди сбиваются в кучу, и чье-либо тело выталкивается из пятерки. В одно из таких нарушений ритма я был стиснут со всех сторон и выброшен из колонны. Прошло всего мгновение, и адская боль электрическим разрядом пронзила мою спину. Когда я оглянулся, увидел улыбающуюся физиономию прапорщика. Широкоскулое желтое лицо самурая... темные очки... гнусная улыбка.

Клюка наизготовку для нового удара. Я успел уклониться, и острое прошло мимо. Мои нервы не выдержали:

- Ты что, подлец, делаешь?! Сказать не можешь?! Козел поганый, гад!.. - выпалил я, не думая о последствиях. Конвоир поравнялся со мной и поднял ствол автомата на уровень моей груди. Но я уже был в колонне, стрелять ему не пришлось.

Солдат прошел вперед. Теперь уже со мной поравнялся прапорщик, который напоминал самурая.

- Так, говоришь, гад?.. Хи-хи-хи... - засмеялся он и, ускорив шаг, пошел вслед за солдатом. Я понял, что нам еще предстоит встретиться.

Потянулись однообразные дни. Осень была короткой и холодной, вскоре на сухую землю выпал первый снег.

Что такое Карлаг и карлаговский заключенный в условиях казахстанских морозов - понять трудно. Поймет только тот, кто все это пережил.

С первых же дней, у нас, новичков, одежда была отнята или украдена своими же заключенными. Когда мы обращались к офицерам за помощью, ответ был односложным: «Ты не на курорте!.. Ищи, где хочешь, а на работу не выйдешь - ШИЗО». У меня украли сапоги. В углу барака, под вешалкой, в куче старья я выбрал дырявые искривленные сапоги.

Лагерная форменная одежда годилась разве что для климатических условий Крыма. Тонкие хлопчатобумажные куртки без воротников, шапки с козырьками немецкого образца, все является ничем иным, как насмешкой в условиях казахстанского климата. В “конверте”, или

отстойнике, как называют заключенные карантинную территорию, перед пропускником нас держали иногда по несколько часов. Тело бьет озноб, а голова, продуваемая ветром, начинает нестерпимо болеть.

Проходит еще час, и мы на рабочем объекте. На территории до половины возведенные мрачные корпуса. Крыша отсутствует. Несколько теплушек заняты «блатными», вспомогательной силой подавления, отечественными капо. Нас пятнадцать человек. Мы спускаемся в котлован.

- Сегодня будете заливать фундамент... Делайте опалубку, - говорит бригадир Амангул и уходит с тремя заключенными из «своих» в вагончик.

На дне котлована мерзлая жижа. Чтобы хоть как-то согреться, мы сбиваем под опалубку доски, и уже через тридцать минут наши сапоги разбухают от воды.

Мы поднимаемся на поверхность и возле бетонных балок зажигаем небольшой костер. Появляются два прапорщика, казаха, изрядно навеселе. Они подходят к нашему костру и остервенело его затаптывают:

- Вы что, суки, греться сюда пришли?.. Марш в котлован!

Я вижу его пьяную ненависть к нам. Он напоминает мне робота-агрессора.

Мы спускаемся в котлован. От беспомощности приходит отчаяние.

Цементы все нет, да и засыпать его в грязную жижу все равно бесполезно. Мы знаем, что этот проклятый горно-обогатительный комбинат строят уже много лет. Его строят по принципу Беломорско-Балтийского канала - на костях. Холодных, голодных, раздетых нас ждет только смерть.

Привезли обед. Идет снег. Столовая - неотапливаемое помещение без крыши - подчеркивает неестественность происходящего. Мы выливаем первое блюдо во второе и за мгновение проглатываем непонятную отвратительную бурду. Если у нас есть возможность закурить, ощущение сытости продлится около часа.

В течение дня согреться нам так и не разрешили. Мне становится до конца ясно, что такое Карлаг и почему даже физически закаленные мужики здесь долго не выдерживают... Холод, голод, физические и моральные издевательства убивают людей, как везде и всюду, - запросто!

Такая оголтелая ненависть и жестокость не укладывались в моей, напичканной дешевой пропагандой голове. Мое основное окружение составляли люди, вся жизнь которых была честным трудом. Суть их преступлений сводилась к смехотворным скорее проступкам, чем преступлениям. Привожу уголовные биографии нескольких человек в сокращенном варианте.

1. Чабанный Михаил Иванович: уличив в изменах жену, не выдержал, дал ей несколько пощечин. Согласно заявлениям жены и тещи получил три года общего режима.

2. Степанов Валерий: по спекулятивной цене продавал спиртное. Продав 20 бутылок вина. Получил два года общего режима.

3. Крымов Андрей: пьяным срубил ель в городском парке. Получил три года колонии общего режима.

Голод и холод доводили людей до частичного помешательства. Припоминаю одного бывшего ведущего инженера - Климовицкого Леонида, сидевшего за посредничество во взятке. Однажды я увидел его возле лагерной столовой разговаривающим с самим собой. Я подошел:

- Что, Леньчик, потихоньку начинаешь «гнать гусей»?¹ Здесь все равно не пройдет.

Он пришибленно улыбнулся:

- Нет, я сейчас решил, что когда освобожусь, пойду работать на хлебозавод рабочим - там, кроме хлеба, есть молоко, масло, яйца, - и добавил мечтательно: - Вот это жизнь!!!

Доведенный голодом, человек с высшим образованием, кандидат наук, уже терял человеческий облик.

Припоминаю один смешной, сквозь слезы, разговор, который я подслушал, наблюдая за пожилыми заключенными, спорившими на предмет, кто сколько за один присест может съесть банок сгущенки:

- Я бы запросто съел пять банок, - сказал один.

- Сгущенки? Пять банок?.. - переспросил второй. - Не смейся пи...у, она и так смешная. Дай мне десять банок, я в момент их уделаю.

Под их вздохи я незаметно ушел прочь.

И все-таки, чтобы выжить, пришлось опять, как в тюрьме, заняться искусством в кавычках.

За чай, сигареты и деньги я рисовал пошлые картинки и многое другое. Почему я называю это искусством в кавычках? Вряд ли назовешь искусством рисунки, которые делаются по заказу. Не назовешь искусством и перенесение на майки толстозадых девиц, предназначенных на сувениры. Через «шнырей», обслуживающих комнаты свиданий, и вольнонаемных рабочих барахло обменивалось на чай и деньги.

Похожий на чанкайшиста надзиратель меня не забыл. Однажды я опоздал на обеденную проверку. Переключку проводил именно «чанкайшист».

Когда я, запыхавшись, встал в строй, он, опираясь на клюку, подошел ко мне. Та же мертвая улыбка, тот же унаследованный от заключенных жаргон:

- А-паз-ды-ва-ешь? Ты че, рожа протокольная, в карцер захотел?

Он подошел ко мне вплотную и неожиданно кулаком ударил меня в лицо. Я свалился на битый кирпич. Рот наполнился кровью.

На этом «чанкайшист» не успокоился... Блеснул сапог, и я почувствовал боль в области живота. Задыхаясь от последовавших частых ударов, я приподнялся, выбрал момент, схватил его за ногу и рванул на себя. Еще через мгновение «чанкайшист» лежал подо мной.

В бешенстве я несколько раз кулаком, словно молотком, ударил его по желтой физиономии. Затем схватил за шею и стал душить. Последнее, что я помню - это его хрип:

- Булат, хр-р-р-р, стреляй!

Очнулся я в санчасти. Хотелось пить... Глаза плохо видели. Как я впоследствии узнал, солдат на вышке стрелять в клубок тел не решился. Второй прапорщик ударил меня рукояткой железной клюки по голове.

Лагерная санчасть являла собой несколько выбеленных комнат с койками вольного образца. «Лечили» в основном витаминами. Пища, как и в лагерьной столовой, уходила на откорм свиней. Тем не менее санчасть была заветным местом всех заключенных. Здесь можно было выпастись, отдохнуть от бесконечных проверок. Место в санчасти покупалось. Главврач, татарин по национальности, делал свой бизнес без зазрения совести. Второй врач, женщина, толстая рыжая Тамара, видимо, о клятве Гиппократы никогда и не слышала. Вершина лицемерия и жестокости, осмотр больных она начинала с причитаний:

- Ой, миленький, ты что же, заболел, а? Вот помрешь здесь, а тебе еще жить бы да жить!.. Нам тебя лечить нечем, у нас здесь не больница, - и обычно заканчивала, - ...иди, милый, работай, мы тебе симулировать не дадим.

Неожиданно меня в санчасти посетил самый редкий гость в колонии - ее начальник Москалев. Этот человек был вытеснен начальниками по режиму и спецчасти и, как я уже писал, приносил больше вреда, чем пользы. Разговор вначале был обыденным, опять же звучали знакомые слова: «У нас здесь не курорт... Не нужно было совершать преступлений», и т. д.

Но все же под конец он сумел меня «обрадовать».

- Выйдете из санчасти, мы вас вынуждены будем отправить в ШИЗО. Рапорт прапорщика уже есть.

Я ожидал худшего! Сотрясение мозга спасло меня от срока не менее чем в 5-7 лет.

Он ушел, а я, перебарывая частые приступы тошноты, долгое время не мог уснуть.

Разбудил меня шум. В санчасти кричали, хлопали дверями, все куда-то убежали. Сосед по койке, ревматик, равнодушно сказал:

- На трубе от кочеварки кто-то повесился... Если дойдешь, сходи посмотри...

Кочеварка была рядом. Я одел халат и, как был, в тапочках вышел во двор. Жуткая картина: на высоте 8-10 метров болтается человек. Ветер раскачивает тело. Возле кочеварки стоит начальник по режиму, размахивает руками и кричит, отдавая распоряжения:

- У-у-у... ишак... и-и-и... какая дурак! На полгода в БУР посажу! - кричит он, не допуская мысли, что, не дождавшись его наказания, человек может уйти из жизни.

Услужливый заключенный из санчасти быстро, словно юнга, взобрался на трубу. Но вместо того, чтобы попытаться обрезать веревку, придерживая человека, не дать ему упасть, одним махом обрезае веревку. Тело с большой высоты падает на кучу исковерканного металлолома возле кочеварки.

Потрясенный, я ушел в санчасть. Я знал этого заключенного. Молодой двадцатилетний парень не выдержал издевательств: с одной стороны - «блатных», а с другой - администрации, которая, как я уже писал, сотрудничала рука об руку с уголовным миром. Блатные заставляли его вязать хозяйственные сетки, ежедневная норма которых составляла двенадцать штук. Свою личную норму делать он не успевал, за что его избивали прапорщики. За это же били блатные, которые обложили непомерным оброком. Помню, как однажды, на общелагерной проверке его не досчитались. Вскоре его все же нашли в канализационном люке, куда он спрятался, словно загнанный зверь. Тогда его стали избивать тут же в строю за задержку проверки. И вот пришел финиш, человек не выдержал.

Итак, курс лечения я прошел. Диагноз: сотрясение мозга. В легкой степени. В легкости я сомневался, так как постоянно испытывал рвоту и головокружение. После выписки я пошел в барак, а затем мне предстояло идти в штрафной изолятор на пятнадцать суток.

Завидев меня в бригаде, блатные ослабили в улыбках. Бригадир Амангул сверкнул рандолевыми зубами и сказал:

- Я же тебе говорил - так не бывает!.. Сам по себе никто не живет... А теперь собирайся в изолятор, отрядный с утра уже про тебя спрашивал.

Я знал, что в штрафном изоляторе жесточайшие голод и холод. Сигареты и белье пронести невозможно. Впрочем, к тому времени сигарет у меня не было.

Случалось, некоторым заключенным удавалось, в зависимости от дежурной смены, пронести теплое белье. Из каптерки я принес свой вещмешок, достал единственную пару теплого белья, но прежде чем одеть, вышел из барака в туалет. Через пять-десять минут, когда я возвратился в барак, белья на месте не оказалось. Подлость блатных в местах лишения свободы всегда стабильна и последовательна. Впоследствии один из них, азербайджанец Ромазанов, отдал мне заношенное белье, с поддельной наивностью оправдываясь:

- Ты же в изолятор шел, а там все равно не разрешают.

На территории колонии находилось здание изолятора (ШИЗО), огороженное дощатым забором и рядами колючей проволоки. Часть камер отведена под так называемый в уголовном мире БУР¹, где люди сидят по шесть и больше месяцев. БУР отапливается, что касается камер суточников, отопление и кормежка здесь весьма условные.

Первым делом, когда меня завели в приемную изолятора, я подвергся введенному в правило избиению. Пьяный прапорщик, казах, методично бил меня кулаком под сердце, хохотал, твердя слова:

- Попался, сука... хи-хи... говоришь, здоровый, ги-ги-ги. Мы у тебя здоровье быстро заберем.

В правдивости его слов я не сомневался, стоял, стараясь выставить плечо, чтобы хоть как-то смягчить удары.

Меня проверили - нет ли белья и втолкнули в камеру.

В камере находилось примерно 18 человек. Камера - бетонированный ящик, в котором из дерева - только нары, закрепляющиеся на день к стене. Возле противоположной стены на уровне поднятых рук проходила железная труба отопительной системы. Сквозь выбитое стекло и решетку гуляли предновогодний мороз и ветер. На бетонных стенах серебрился слой инея. Заключенные, словно верующие на молитве, стояли, поднимая руки вверх, сжимая в кулаках единственный источник тепла - отопительную трубу. Уже через двадцать минут я ощутил, как холод колючими иглами вонзился в мое тело. Как только мы пытались заткнуть дыры в окне лоскутами, выдранными из одежды, в камеру врвались прапорщики и железными клюками вытаскивали затычки.

В ШИЗО сидели люди, посаженные за самые различные провинности. За отказ от работы, попытку пронести из рабочей зоны в жилую головку лука, за невыполненную норму. Озлобленные люди, вместо того, чтобы поддерживать друг друга морально, не говоря о физической поддержке, готовы были друг друга загрызть. То и дело лишали кого-либо из сокамерников затяжки самокрутки, набитой больше мусором, чем табаком.

Как только в десять вечера прозвенел звонок отбоя и нару разрешили опустить, начались омерзительные ссоры и драки за место посередине нары, где можно было хоть немного согреться за счет тепла соседа. Я кое-как занял место с краю. Одна из досок подо мной зияла пустотой, ноги проваливались в дыру. Нескольким заключенным места вообще не досталось.

Ночь была заполнена дробью отстукивающих от холода зубов, кошмарами и боязнь не прозевать момент переворачивания с бока на бок.

В случае, если тот или иной заключенный не успевал это сделать, на его голову сыпался град ударов.

В шесть часов утра прозвенел ненавистный звонок подъема. Голодных и холодных, нас пересчитали, сводили на opravку, выдали по куску хлеба и кружке чистого кипятка. Все началось сызнова. На прогулку в ШИЗО не водили, да и о какой прогулке могла идти речь, если за стенами стоял сорокаградусный казахстанский мороз.

Я понял, что судьба послала мне еще одно испытание. Возможно, кто-то скажет, что пятнадцать суток - чепуха, мол, человек и не то выдерживает. Я же утверждаю, что пятнадцать суток, проведенных в описанных мной условиях, вполне достаточно, чтобы человек заполучил хроническое заболевание или лишился рассудка. Если внутри колонии убивал голод, здесь убийцей в первую очередь был холод. Все без исключения штрафники после отбытия пятнадцати суток или в процессе пребывания попадали в лагерную санчасть. Кто с воспалением легких, кто с заболеваниями печени, почек, непонятными заболеваниями кожи.

На следующее утро один из заключенных, Алексей Шлыков, не поднялся. Его тело распухло до невероятных размеров, покрылось, как у висельника, синевой. Если верить местной медицине - отказали почки. Спасти его, кажется, удалось, но такие изменения в организме вряд ли останутся без последствий. Язва желудка здесь заболеванием не считалась. Только в случае прободения язвы людей забирали и увозили в отдаленный, за сто километров, город Каркаралинск.

На девятые сутки мое изможденное тело покрылось мелкими нарывами, не пощадившими даже ладони рук и ступни ног. Я опять оказался в санчасти. Излечили меня элементарные, но в то же время важнейшие лекарства. Этими лекарствами были продукты из посылки матери, пришедшей до странного вовремя, и тепло лагерной санчасти.

В штрафном изоляторе я увидел еще одну нелепую смерть начинающего жить молодого парня. Но поскольку любая смерть нелепа, эту смерть лучше назвать смертью, устроенной администрацией лагеря. В ту новогоднюю ночь, о которой я упоминал, мы все же получили своеобразный новогодний «подарок».

Кто-то нарушил мой свинцовый сон ударом локтя в грудь. Когда я очнулся и ошалело сел на полу, все в камере созерцали необычное зрелище. Оказывается, несколько минут тому назад пьяные прапорщики бросили к нам в камеру изможденное существо, которое уже трудно было назвать человеком. В обтянутом кожей черепе светились безумием лихорадочные глаза. Живой скелет скрючился и, сидя на корточках, обглаживал обыкновенный камерный веник.

В камере воцарилось гробовое молчание. В тишине послышался чей-то шепот.

- Вальтер! Вальтер!.. Смотри, что с Вальтером сделали!.. Через пять-десять минут открылась дверь, и в камеру ввалились два пьяных прапорщика. Им было весело, они гоготали:

- Ги-ги-ги... Вальтер, иди сюда!

Случилось непредвиденное: Вальтер завизжал, толкнул одного из прапорщиков вытянутыми руками и выскочил в коридор. Еще через секунду прапорщики побежали за ним. Раздался шум падающего тела, а затем хорошо нам знакомый звук ударов сапог о тело. До нас долетали отзвуки происходящего:

-Ги-ги- ги... Вальтер, ты куда решил бежать? Из тюрьмы в тюрьмушку?!

Восемнадцатилетний немец Вальтер Сергей прибыл из тюрьмы в лагерь два месяца назад. Я видел его, слышал его историю, но узнать в подобном облике не смог. В тюрьме Вальтер якобы издевался над заключенными, принудил пожилого заключенного к акту мужеложства. Этот заключенный пришел в колонию и был вынужден уйти в бригаду «обиженных». Вальтер неожиданно подвергся «благородному» гневу как блатных, которые, кстати, творят подобные бесчинства на каждом шагу, так и сотрудников администрации. Начались избиения и гонения. Вальтер в поисках спасения пытался спрятаться в санчасти, имитируя больного. Затем, когда об укрытии в санчасти не могло быть и речи, он опять же решил имитировать побег, за попытку которого сажали на шесть месяцев в БУР. В БУР он попал, но не мог предвидеть одного - самые отпетые уголовники - «законники» сидели именно в БУРе. От бессилия и злобы они готовы были сожрать друг друга, и неожиданно им подбрасывают заключенного с подмоченной репутацией. Издевательства приняли грандиозные размеры. Вальтера мордовали, лишали воды и пищи.

Через два дня мы узнали завершение ночного происшествия. Избитого в новогоднюю ночь Вальтера прапорщики бросили в неотапливаемую камеру и, якобы для того чтобы привести в чувство, окатили водой. Затем о нем забыли.

Когда вызвали «эскулапа» Тамару, обледенный Вальтер еще был жив.

Тамара запричитала:

- Ой, миленький... Да что же с тобой сделали? Не надо было...

По дороге в городскую больницу Вальтер умер. Его убили. Что ж, подобные случаи в наших колониях не столь редки, чтобы на них останавливаться слишком долго.

Повторяю, в этой колонии находились в подавляющем большинстве люди, «заслуживающие» не более штрафа. Несколько десятков насильников и бандитов тесно сотрудничали с администрацией колонии. Чины администрации, на мой взгляд, и являлись преступниками крупного пошиба.

Итак, я второй раз выхожу из санчасти. После штрафного изолятора я уже не имел права вывода на рабочий объект. Очередная нелепость порядков в колонии: объект, где люди фактически замерзали, наживали хронические болезни, являлся привилегированным местом. Нарушителям делали «хуже» - определяли на вязание хозяйственных сеток в отапливаемые бараки. Что это?.. Не умышленное ли поощрение нарушений для создания видимости работы, связанной с укреплением режима? Впрочем, если посмотреть на это явление с идеалистической точки зрения, руководствуясь религиозным мировоззрением, можно сказать так: «Через муки приходит избавление». До избавления мне было еще далеко, что касается пытки холодом, от нее я был спасен.

В помещении для вязания сеток я познакомился с китайцем по имени Джалал, перебежчиком из Китая. Мать у него была уйгурка. В колонии содержались двое китайцев. Первый - упомянутый Джалал, второй - Мяо, двадцати восьми лет.

Джалал поражал меня огромной трудоспособностью. Ему было около шестидесяти лет. Черные с проседью волосы, побитое шрамами от оспы лицо, хищные рысьи глаза.

В Китае Джалал отсидел в заключении двадцать пять лет за вооруженный бандитизм. Вдвоем с Мяо они перешли границу и как перебежчики, прежде чем получить подданство, отбывали трехгодичный срок. Через своего «семьянина», татарина Гатина Саида, который знал несколько восточных языков, я задал Джалалу вопрос: в какой стране лучшие условия содержания заключенных в лагерях?

Китаец презрительно скривил губы и скороговоркой, нервно жестикулируя, начал объяснять:

- В Китае в лагерях намного лучше, - переводил татарин, - люди живут по вероисповеданиям, группами. Каждая группа имеет свой котел. Если заключенный работает, у него есть в изобилии и рис, и хлеб, и мясо. Он жалеет, что пришел сюда.

Я понимал, что китаец не обманывает. Но все же как-то не укладывалось в голове такое понятие, как сытость в Китае, не говоря о лагерях. Долгие годы нам внушали, что Китай - страна с низжайшим жизненным уровнем. На проверку оказалось, что в таком положении наша страна.

Китайцев в колонии боялись. Начальство старалось их не замечать.

Однажды Мяо и Джалал что-то между собой не поделили. В бараке завязалась драка. Джалал издавал звуки мартовского кота, подпрыгивал и бил Мяо ногой в грудь. В его 60 лет это было фантастично. Иногда Мяо успевал схватить его за ногу, они падали, катались, наносили друг другу удары руками, головой. В барак прибежал отрядный офицер Приходько. Он отличался хамством, лживостью, жестокостью - теми самыми качествами, которые мало чем отличали его от уголовника. Огромного роста, выхолонный, он подскочил к Джалалу сзади и схватил пальцами за шею. Джалал вырвался, подпрыгнул и в следующее мгновение ударом ноги снизу в подбородок свалил Приходько на пол. Туша грохнулась, сметая ряд кроватей и тумбочек. Удар был профессиональным и красивым. Приходько унесли в кабинет, Джалала никто не тронул. Не знаю почему, но китайцев лагерное начальство не трогало.

К весне количество заключенных превышало положенную норму вдвое. Жить стало совсем невмоготу. Возле раздатки пищи в столовой участились драки. Заработков у заключенных почти не было. Буфетчица показывалась один раз в месяц, да и то в неопределенные числа. Никто толком не знал, есть ли у него заработок, внесена его фамилия на отоварку или нет. Возле окошка, откуда буфетчица подавала счастливым чаем, конфетами, сигаретами, кружилась стая лагерных «шакалов», выманивая, выпрашивая, а чаще отбирая у других часть продуктов.

Припоминаю случай: один из чечено-ингушей, которые в лагерях в основном не работают, стал вырывать из рук пожилого заключенного сигареты:

- Эй, мужик, не зажимайся, давай пару пачек курежи!..

В лагерных условиях две пачки сигарет вполне можно приравнять к маленькому состоянию свободного человека. Мужик ответил:

- Они мне самому нужны!..

Тогда чеченец вырвал у него из рук мешок, выгреб половину его содержимого и швырнул мешок мужику в лицо. Тот, ничего не говоря, поднял мешок и пошел к себе в барак. Через некоторое время он вернулся, незаметно подошел к обидчику:

- Так ты, змей, моих сигарет сильно захотел?.. Заполучи сигареты!!!

Из-под фуфайки резким движением он выхватил длинный обоюдоострый клинок и несколько раз вонзил чеченцу в грудь. Тот упал. После этого он швырнул нож на пол и спокойно направился на вахту к солдатам.

Так делали многие доведенные до отчаяния люди: убивали, а затем добровольно шли на вахту, заявляли о совершенном преступлении.

Дистрофия в колонии достигала невиданных размеров. Повторяю, это было наше время... В небе Казахстана по ночам можно было увидеть звездочки ракет и спутников. Это было не сталинское прошлое.

В тех случаях, когда человек доходил до ручки, в лагерной санчасти ставили любой диагноз, но только не дистрофию, и направляли в знаменитую Долинку подлечиться. Там находится больничная колония, куда привозят больных заключенных со всего восточного региона. Именно в этой колонии толстозадый майор Карасев отнял у меня написанные мной сборники стихов и рассказов.

Всех больных, кроме туберкулезных и привезенных умирать, держали не более десяти суток, что еще раз свидетельствовало - лечили нас именно от дистрофии. Уходя на этап, я попросил у Карасева вернуть мои тетрадки. Лицо его налилось кровью. Он выпучил на меня свиные глазки и прорычал:

- Я тебе верну! Я тебе возверну! В карцер захотел?

На этом все кончилось. И глазом не моргнув, у меня вырвали кусок души. Расскажи я кому-либо о случившемся, мне, пожалуй, дали бы совет в стиле нашего многострадального народа: «Скажи спасибо, что в карцер не загнали, здоровье не отняли!»

В сангороде я пробыл десять дней, а шел по этапу через Карагандинскую тюрьму четырнадцать дней. Итак, через двадцать четыре дня я вновь оказался в колонии. Теперь переполненная колония напоминала зажатую холмами равнину, на которой бродят голодные стаи стервятников. Голодные заключенные, не занятые работой, бесцельно бродили из барака в барак. Что-то должно было произойти и вскоре произошло: вышел очередной указ об отправке заключенных на стройки народного хозяйства.

Заключенные так называемую «химию» называют «свободой в кредит».

Из близлежащего поселка приехал выездной суд в составе старого судьи, казаха, и нескольких чиновников. Те заключенные, кто попадал по статье и отбытому сроку под отправку на стройки народного хозяйства, вызывались в административный корпус колонии на суд.

Колени у меня дрожали. Казалось невероятной возможность оказаться на пусть ограниченной, но все же свободе. Мне казалось нереальным в скором будущем вдоволь наесться хлеба. От осознания этого путались мысли и становилось дурно.

К тому времени я уже давно напоминал обтянутый кожей скелет. Судья неприязненно посмотрел на меня, перелистал мое личное дело и обратился к одному из представителей лагерной администрации:

- Как отрядный могла его представить на комиссия?.. Ана нарушитель... В карцер недавно сидела! После этого судья обратился ко мне:

- Ин-те-ре-сно, пачему мне твой глаза не нравятся?..

Ответ суда мы сразу не получали. Трое суток я, фактически не отдыхая, метался по колонии. Наконец нам объявили, что в воскресенье с летней трибуны огласят списки прошедших. Бог смиловился над бродячим поэтом. В апреле судом я был направлен на стройку народного хозяйства в Джамбульскую область на рудник «Каратау».

Часть вторая

КАМЕННЫЕ МЕШКИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ТЮРЬМЫ «КРЕСТЫ»

Глава 1

В душе я писатель и поэт, но жизнь заставила меня стать коммивояжером.

Это удивительная профессия. Почему-то писатели в своих произведениях всегда хотят унижить коммивояжеров. Почему? Видимо, потому, что они в душе тайком осознают свою близость к представителям этой старой как мир и в моральном плане мучительной профессии. Писатели, как и коммивояжеры, очень много говорят, боясь быть непонятыми и, если не имеют известности, также зарабатывают на хлеб кропотливым, порой мелочным трудом.

Иногда, читая того или иного писателя, сталкиваешься с выражением: «У него была психология коммивояжера - всего побольше и желательно сразу». Или такая банальная фраза: «Ее соблазнил проезжий коммивояжер». Как это неверно. Чаще всего наш брат, коммивояжер, прекрасный семьянин, много испытавший, обладающий нежной чувствительной душой. Уважая и понимая время, он никогда не разменивается на мимолетные увлечения, считает дни и часы, которые приближают его к встрече с родными. Я не знаю, как относятся к коммивояжерам в прогрессивной Америке, но у нас любой вид работы разъездного характера люди называют унижительно «шабашкой». В переводе с простонародного языка это значит что-то вроде безголовости и бестолковости. Тем не менее люди, заключающие договора - одни из самых талантливых представителей своего времени и своего народа. Наша работа в наших условиях требует мужества, выносливости и силы воли. Мы должны воплотить идею, превратить ее в деньги, уплатить государственный план, оставить довольными две, три и больше заинтересованных сторон.

Корни такого отношения к работе разъездного характера у нас закладывались веками... Наверное, с времен крепостничества, когда разъезжать мог только барин, а для других это было недоступно.

Итак, я - коммивояжер, скрываю свою профессию потому, что в любой момент меня до глубины души могут оскорбить словами: бродяга, шабашник, аферист. Это говорят люди, не желающие понимать значения этих слов. А таких у нас добрых девяносто процентов.

Мы чувствуем себя, благодаря многим обстоятельствам, словно преступники. В гостиницах сидят церберы-администраторы, отношение которых к клиентам, не имеющим направления или брони, граничит с отношением экзекутора к пытаемому. Дошло до того, что нас подобное отношение невольно возвело в разряд умышленных лжецов. Что я имею в виду, спросите вы?

Отвечу... Представьте такую картину: сквозь окошко администратора на вас смотрит недружелюбная физиономия. Звучат ненавистные фразы: «Устраиваем только при наличии брони или авиабилета. Когда вы улетаете, где ваш билет?» Приходится покупать билет в любом направлении, затем его, теряя проценты, сдавать, затем опять и опять.

Иногда мы, коммивояжеры, идем на кощунственный обман - пытаемся разжалобить стражей ночлега, убеждая в том, что мы приехали к родственнику, попавшему в автомобильную катастрофу, или тому подобное. Но есть города, где в ответ на такую жалобную чепуху администратор спрашивает: «А какие у вас есть доказательства, что ваш родственник в больнице?» Почему, спрашивается, за свои же деньги я должен испытывать чувства, подобные чувствам подследственного в кабинете у следователя? Это еще и еще раз унижительно. Борьбаться с этими явлениями нашему брату, рядовому гражданину, бесполезно. В то же время в гостиницах множество свободных номеров. Они пустуют, ожидая представителей власти.

В стране перестройка, но, мотаясь в поисках заработка, я, «бродяга-шабашник», никаких перемен не вижу. Они мне нужны уже сейчас. Я хочу иметь возможность спокойно уплатить деньги, снять удобный, теплый номер и на следующий день не бояться быть выгнанным благодаря заезду в гостиницу на срочное совещание механизаторов области.

Я - коммивояжер. Это гораздо больше, чем актер. Я один в целом мире. Каждому отдельному человеку, с которым я имею дело, я должен понравиться, каждому отдать кусочек души. К концу дня организм у меня дрожит, словно под высоким напряжением. Я не мечтаю соблазнить молодую девчонку. Я хочу сделать свое дело и с успехом вернуться к своей единственной любимой женщине.

Иногда в часы, когда я, усталый и разбитый, сижу вдали от дома, в аэропорту или на вокзале, мне приходит в голову невеселая мысль: зачем все это? Зачем мои мытарства, лишения, если здесь, в своей стране, я не могу получить элементарные блага цивилизации за свои честно заработанные деньги?

Я - коммивояжер. Я все вижу и знаю, что так быть не должно! Я уверен, что миллионы американцев, деловых, понимающих людей, через океан пожмут мне руку и скажут: «Ты прав, соплятянин, ты прав!»

Джон! Ты спрашиваешь, почему я, обладая задатками прозаика и поэта, видевший свои вещи в печати, выбрал себе работу коммивояжера?.. Это целая история, а теперь уже можно сказать - целая жизнь. Ну что ж, попытаюсь тебе ответить на этот вопрос. Времени у меня предостаточно, правда, вдохновение... с этим у меня плохо. Посуди сам: откуда взять вдохновение, если находишься в тюрьме?

Ты плохо представляешь, что это такое. Я прошу Всевышнего, чтоб ты никогда не испытал тех мучений, которые здесь испытывают люди. Да, Джон, люди в этих желтых вонючих стенах попросту умирают. Время останавливается, тело разлагается, и только надежда заставляет делать попытку выжить.

Всем известно - жизнь полна превратностей. К народной поговорке «никогда не зарекайся от тюрьмы и от сумы» я всегда относился с большим уважением. Но когда человека закрывают в тюрьму за то, что он был судим ранее, это уже абсурд, граничащий с узаконенным бесправием.

У меня самая трудная и самая изнурительная работа на свете. Я - «бродяга», коммивояжер.

У нас люди не знают этой профессии. Слово «коммивояжер» в широких массах не употребляется, тем не менее коммивояжеры существуют. Они закреплены за комбинатами бытового обслуживания, их называют сборщиками заказов, агентами, но только не коммивояжерами. Мы мотаемся со своими образцами, терпим унижения и бытовые лишения, и не дай бог нашему брату оступиться, как это произошло со мной.

Честно говоря, Джон, я не могу все происшедшее тебе доходчиво описать. Дикость происшедшего выходит за рамки человеческого понимания. Меня лишили всего. Вот уже семь месяцев я лишен свободы, лишен любимой женщины, домашнего крова, солнца, воздуха.

Дни мои проходят в мрачной камере. Все смешалось. Остатки реальности размывают бредовые сны. Они приносят мне дополнительные страдания, особенно если в снах приходишь ты, моя последняя любовь.

Когда меня арестовали, она была со мной. Для них этого оказалось достаточным, чтоб развязать травлю... Я вижу изумрудные глаза, из которых бегут слезинки. Я слышу грубые слова дознавателей: «Пойдешь как соучастница!»

В чем сознаваться? В том, что она меня любила? В том, что я в свои тридцать семь лет искренне, как никогда в своей жизни, полюбил?!

Господи, всемирный создатель!.. Что же все-таки творится в этом жестоком, подлом, завистливом, продажном мире! Кто захочет выслушать живое человеческое существо?! Как выжить и как пробить ужасающее равнодушие людей, которые поставлены вершить то, что называется правосудием?!

Я приносил в дома радость. Я видел ее в человеческих глазах. А что теперь? Озлобленные люди, которых успел настроить против меня вершитель моей судьбы - следователь? Что может и что хочет он понять, когда ведет сухой допрос и, пользуясь моей некомпетентностью в юридических вопросах, радостно вспыхивает, поспешно записывая каждое сказанное мной компрометирующее меня, по его понятию, слово.

Адвокат по ходу следствия нам не положен. Сотрудники одного и того же аппарата проникнуты друг к другу злобным недоверием. Боясь утечки информации, наших адвокатов, как шкодливых мальчишек, допускают к последственному только на закрытие дела. Вот она - первая ступень бесправия.

Кажется, Джон, я слишком ушел в описание своих мытарств. В этих стенах единственное спасение - это поговорить с понимающей человеческой душой.

Меня держат в уголовной тюрьме. Что значит подобное, тебе, прочитавшему первую часть этой книги, догадаться будет нетрудно.

Да, Джон! Эта система мне знакома... Почти год камерной жизни в одной из тюрем востока. Затем колония. Почти три года в шкуре заключенного. После колонии психиатрическая больница, где я был на грани между жизнью и смертью. То, что я увидел и пережил в тот период, оказалось весьма суровой романтикой. А теперь моя давно погашенная судимость сыграла для меня зловещую роль. В мировоззрении следователя я - закоренелый преступник.

Я - коммивояжер. Сборщик заказов от населения. В мои обязанности входит собирать у людей фотографии, которые в быткомбинате переснимут, увеличат и сделают из них цветные фотопортреты.

И еще я - отличный ходок. Мог бы исполнять работу почтальона. Но почтальонам очень мало платят. Мне же хочется хорошо одеваться, иметь возможность пообедать в ресторане и время от времени делать подарки своей женщине. Я знаю, это идет вразрез с нашей ханжеской моралью. Но у меня своя мораль. Она всем понятна, но в нашем обществе считается зазорной, даже если ты деньги зарабатываешь законно. «Хорошо пожить, пока молод». Что в этом зазорного? В нашем многострадальном обществе такие запросы прощаются только молодежи из неформальных объединений, которую не воспринимают всерьез.

Просыпаюсь утром, проверяю папку, в которой лежат образцы, выхожу из дома. Моя работа тем хороша, что я могу работать где угодно. Я еду в городском транспорте и выбираю место для работы.

Вот перед глазами кирпичные дома микрорайона. Я выхожу из автобуса, выбираю первый попавшийся из домов и вхожу в подъезд.

Нажимаю кнопку и жду. Открывается дверь. В дверном проеме вырисовывается фигура полуобнаженной женщины. Она смотрит на меня и не знает - то ли бояться меня, то ли я из конторы, не имеющей ничего общего с представителями закона. Она смотрит на меня и немножечко по-идиотски улыбается. Впрочем, я не стар, элегантен и вообще довольно обаятельный мужчина. Возможно, она улыбается потому, что я ей нравлюсь.

Я не люблю разговаривать через порог. Проходящие по лестнице беспардонно останавливаются, чтобы послушать, подъезд оживает в считанные минуты. Иногда я чувствую себя, словно воришка. Сам не знаю, откуда это чувство. Скорее оно передается от хозяина квартиры. Боязнь воров, наверное, трепещет в его мозгу и, вполне возможно, передается мне.

Наконец зрительный контакт установлен. Хозяйка видит, что перед ней не бродяга-оборванец, которых везде так не любят. Я же вижу, что хозяйка не пьяница и ее физиономия не являет собой образчик лиц, которые принято называть хамскими.

Хозяйка говорит мне в нашем русском стиле:

- Чего вы хотите?

Тут уже я на своем профессиональном коньке:

- Извините, к вам можно на одну минуту? Пропуская меня в квартиру, она говорит:

- Да, конечно, заходи.

Это уже кое-что... ко мне обратились на «ты». После такой постановки очень часто приглашают выпить чаю.

Я прохожу в освещенную прихожую.

Рассматривать обстановку прихожей и комнат не рекомендуется: воров ненавидят и боятся со времени постройки пирамид. Несмотря на то, что моя работа все же носит лакейский характер, я перед клиентами не расшаркиваюсь. Открываю папку, пока зываю образцы и говорю:

- М-м-м-мы из быткомбината... изготавливаем вот такие портретики... Можете заказать себя, детишек, родственников. Если фотографий нет, пожалуйста, можем сфотографировать.

Физиономия хозяйки приобретает уверенность. Она облегченно вздыхает. Она приосанивается и начинает оправдываться - качество, очень присущее нашему человеку:

- Честное слово, мы уже сделали, заказали... хотите (повторяет такое покоряющее слово), я вам покажу.

Ее предложение меня до смерти пугает. Море впустую потраченного времени. Я ее поспешно останавливаю:

- Нет, нет, спешу!

Извиняюсь и выхожу за дверь, на лестничную площадку. В подъезде прохладно. Дышится легко. Я вынимаю из кармана расческу, привожу в порядок слипшиеся от пота полосы и констатирую факт: «Три минуты бесполезной болтовни». В груди скребущее чувство недовольства собой. Вот уже несколько лет работаю на этой работе, а никак не получается вытравить из себя эмоции. Вот бы приобрести безэмоциональность гейши.

Звоню в другую квартиру. Дверь открывается сразу. В дверном проеме стоит мрачный верзила в спортивном костюме. В его глазах я читаю самодовольство, недоверие и злобу. Чувствую интуитивно: с таким разговаривать бесполезно. Профессиональная привычка берет свое:

- Мы из быткомбината, портрет заказать не хотите?..

В квартиру не захожу. Показываю ему образец через порог.

Его физиономию перекашивает презрительная улыбка.

- А я думал что-то важное... Валька, иди сюда, - зовет жену, - тут к тебе пришли.

С подобным юмором я уже встречался. Люди вроде этого хмыря - из породы самовлюбленных эгоистов и семейных тиранов.

Появляется растрепанная жена в засаленном халате. Она смотрит испуганно, но тем не менее по-хамски обращается ко мне:

- Чего надо?!

Я повторяю ей заученные фразы. Она еще не дослушала до конца, а ее глаза уже наливаются кровью и она кричит:

- Чего вы ходите тут с утра?! Не нужны нам ваши портреты! Я молчу. Я чувствую, как в моей душе закипает бешеная злоба. Но я - коммивояжер. Человек, который должен являть собой образчик миролюбия и вежливости.

Перед тем как захлопнуть дверь, она с чисто женским коварством оборачивает этот случай в свою пользу... демонстрирует мужу любовь и верность. По-собачьи заглядывая ему в глаза, обхватывает своими руками окорок его руки и говорит:

- А ты че, взаправду подумал, что этот пришел ко мне?..

И смерив меня презрительным взглядом, закрывает дверь. Я - коммивояжер. У меня отличная, легкая, денежная работа.

Я работаю в сфере бытового обслуживания. Поднимаюсь на пятый этаж. Звоню опять. Дверь открывает седовласая женщина...

Прохожу в коридор, показываю образцы.

- Ох, молодой человек, как давно вы не ходили.

Наконец я открою сегодняшний счет.

Прохожу в комнату. Скрамная обстановка жилища одинокого старого человека. Вот он - предел, после которого человеку остается только память.

Старуха приглашает меня во вторую комнату. Прохожу в помещение, больше похожее на кладовку, чем на комнату. Красные плюшевые шторы на окнах. Такая же плюшевая скатерть на столе...

Грубо сработанные старые шкаф и сервант.

- Молодой человек, - старуха держит в руках пожелтевшую фотографию, - я бы хотела увеличить фотографию своего мужа.

Беру снимок в руки.

На снимке изображен человек в форме офицера царской армии.

Молчу, знаю, что человека нет в живых.

- Он перешел на сторону революции... А уже перед войной его забрали и ... - она безнадежно махнула рукой.

Все ясно. Опять Сталин. Что же это было, если не террор и геноцид по отношению к «свободному» народу?!

Записываю на обороте фотографии адрес старухи и выхожу из квартиры.

Опять гудят ноги!.. Идет коммивояжер.

Очередная квартира... Молодая мама очень желает заказать цветной фотопортрет, но у нее нет фотографии ребенка.

Открываю сумку... достаю старенький «Зенит», прикрепляю вспышку.

- Хотите голенького?.. Лежа?..

Мама не знает, как лучше. Она знает только одно: ей хочется портрет... Хочется увековечить свое чадо.

Мне нравится фотографировать маленьких детей. Я вижу в них обмытые дождем зеленые яблоки, которых еще не коснулась червоточина.

Я люблю к ним прикасаться. От прикосновения к их телам у меня пропадает ощущение бренности жизни.

Подходит время обеда. Я доволен. У меня есть восемь заказов. Правда, ноги у меня болят, но это не беда. Похуже то, что после рабочего дня в моей голове образовывается пустота и начисто пропадает желание разговаривать. Вот только эта профессиональная фраза: «Здравствуйте, мы из быткомбината». Иду по дороге и без надобности шепотом ее выговариваю.

- Н-н-н-ничего, так и должно быть, - успокаиваю я себя, - ведь я - коммивояжер.

У меня в кармане всегда есть деньги. Это подозрительно и непривычно для окружающих. Это обстоятельство необходимо скрывать. Когда у российского мужчины в кармане скапливается больше пяти рублей, это уже должно настораживать. Семья - ячейка государства, а

разбазаривать государственные деньги не положено! Ну а если говорить серьезно, причина элементарно простая - мизерные заработки. И еще: наши мужчины смирились с тем, что их считают потенциальными пьяницами. Двух этих факторов вполне достаточно, чтобы приличные деньги водились только в снах. Что касается чековых книжек, привычных во всем мире, я считаю такую рекламу на экранах наших телевизоров издевательством над многомиллионным народом!

У меня обед. Я устало бреду среди похожих друг на друга, как близнецы, домов в надежде отыскать закусочное заведение.

Ресторанов в рабочих кварталах, как правило, нет. Остается только отыскать столовую или кафетерий. Наконец, через двадцать минут тщательных поисков, вижу стандартный дом, на первом этаже которого висит изъеденная ржавчиной вывеска:

«Столовая № 7».

В зале не раздеваются. Стоит зловонный залах подгоревшей пищи. Толпятся люди в рабочей одежде.

Я занимаю очередь и еще через полчаса получаю кровавокрасный свекольник и шницель с вермишелью, слипшейся в один комок.

Еще я беру горячий чай. Горячий чай, что может быть лучше, особенно если делаешь ставку только на него.

Я проглатываю обед и ощущаю, как он чугунной болванкой оседает в моем желудке. Остается только закурить. Но в процессе рабочего дня я никогда не курю.

Поиски столовой и сам обед заняли у меня больше часа. Интересно, как выкручиваются рабочие? Впрочем, у них не зарплата, а зря плата - вспомнил и успокоился.

После обеда ужасно не хочется работать. Мучительно пропускать через себя весь психологический процесс набора. Но стоит начать, все пройдет буквально через несколько минут. Ура! Прошло!.. Я собираю волю в кулак и направляюсь в микрорайон продолжать работу.

Тяжесть в желудке не проходит. В этом нет ничего удивительного. Когда я представляю, что творится в моей утробе после попадания туда хлебного шницеля, сгустка вермишели и кислого свекольника, я успокаиваюсь. Все так и должно быть.

Нажимаю кнопку звонка. Дверь не открывают. За дверью детский смех. Хочу уйти, но привычка доводить дело до конца удерживает. Открывается дверь... О господи!!! Огромная овчарка, открыв пасть, прыгает на меня. Я едва успеваю отскочить от двери. Овчарку удерживает ремешок, конец которого привязан к чему-то в коридоре. Ее зубы щелкнули, едва не коснувшись моего носа. Что это?.. Ага... Все ясно! Родителей нет, а дети резвятся. Впрочем, такое уже было. Ведь я - коммивояжер. Зарабатываю деньги самым легким способом на свете.

Я сдерживаю нервную дрожь и поднимаюсь этажом выше. В квартире, куда я попадаю, хозяйничает ярко накрашенная женщина лет тридцати.

Необходимо сфотографировать ребенка. Она наряжает трехлетнего малыша с круглыми, как у тюлененка, глазами в полосатый костюмчик и сажает на диван. Малыш боится, она его успокаивает:

- Не бойся, Мишенька, дядя хороший.

То, что я не такой уж плохой, я знаю сам. Но и то, что она желает от меня чего-то большего, я тоже чувствую. Женщина, усаживая малыша, то и дело старается распахнуть коротенький халат, показывает мне толстые белые ноги. Через своего сынишку она затевает со мной игривый разговор:

- Дядя хороший, не то, что наш папа, - многозначительно на меня поглядывает. - А где наш папа?.. У-у-у, какой нехороший.

Я эту женщину понимаю. Жизнь есть жизнь. Физиология берет свое. Но мне совершенно не хочется. Я фотографирую малыша, отказываясь от предложенного обеда и ухажу.

Дома, подъезды, этажи, квартиры и опять этажи, дома, подъезды. Тысячи, десятки тысяч контактов, лиц.

В последнее время меня неотступно преследует чувство, будто каждый встречный человек мне уже знаком. Вернее сказать, его лицо. Что это? Одна из разновидностей шизофрении? Стоит мне сделать перерыв в работе - это проходит. Перерыв буквально в два-три дня. Это наводит на размышления.

Как бы там ни было, я - коммивояжер, бродячий фотограф, сборщик заказов от населения.

Два раза в месяц я обязан являться в свой комбинат бытового обслуживания, сдавать заказы в работу и получать для раздачи готовую продукцию. Командировочные нам не оплачиваются. Мое оружие: образцы, ноги, язык. Все важно в одинаковой мере. Транспорт «фирма» нас не обеспечивает.

Иногда я ловлю себя на мысли, что начинаю стареть. Особенно в минуты, когда от бесконечных подъемов с этажа на этаж начинает бешено колотиться и покалывать сердце. Впрочем, не только сердце.

Печень тоже барахлит. Причин много. В моей жизни были периоды, когда отсутствие духовного общения, одиночество ввергали меня в омут пьянства. Нет, это не было болезнью. Болезнью было одиночество. Знаете ли вы, что это такое? Это когда нет ни родных, ни друзей, ни дома. Вернее, все это есть, но не твое. Люди, которые тебя окружают, погружены в мир иллюзий, грез, которые чередуются со вспышками истерии, привитой тиранией. Они убиты, заморожены убогим подобием философии. Их запросы в конце концов сводятся только к удовлетворению животных инстинктов. Тот, кто им осмелится говорить это в лицо, будет немедленно уничтожен пошлой демагогией, а затем, если не сумеет вовремя уйти, - физически.

Мне 38 лет. У меня рост выше среднего, слегка вьющиеся волосы, голубые глаза, широкие плечи. У меня прямой с горбинкой нос, смуглая кожа и правильный овал лица. Такие лица вызывают доверие, располагают к общению. Это мне очень помогает в работе. Я - коммивояжер.

Моя работа подарила мне максимальную свободу, которая только возможна в моей стране.

У меня нет налета лакейства, как у многих коллег, несмотря на то что я работаю на этой работе давно. Это объясняется тем, что работу я выбрал не по призванию, а во имя того, чтобы быть свободным.

Дома, подъезды, квартиры. Иногда мне кажется, что я родился в подъезде, что подъезд - мой дом, что в подъезде меня похоронят.

По внутренностям подъезда можно определить очень многое: какие жильцы проживают в квартирах, степень их солидности, чистоплотности, семейного положения.

Очередной подъезд. На лестничной площадке валяются окурки. Стены испещрены нецензурными надписями. Из забитых до отказа мусоропроводов торчат горлышки бутылок.

Звоню..., еще раз звоню. Никто не подходит. Дверь не заперта. Где-то в глубине квартиры плачет ребенок. Не выношу, когда плачут дети.

Прохожу в комнату. Убогая обстановка. Стол завален объедками. Шторы на окнах отсутствуют. На стене пошло и одиноко маячит плакат, на котором изображен передовик производства. На полу драная дорожка. В углу комнаты достопримечательность: на матрасе без простыни в неестественной позе спит голый мужчина. Труссы валяются рядом на грязном полу. Рой мух ползает по голой спине, копошится в заднице.

Посередине комнаты - детская кроватка. Годовалый ребенок в грязной маечке захлебывается плачем. В кроватке есть даже «игрушки» - две пустых бутылки из-под водки. Стою в раздумье. Для меня это обычная картина, но привыкнуть не могу. Эту картину можно назвать приблизительно так - «Впереди всеравно тюрьма». Беру мокрого ребенка на руки, выхожу на лестничную площадку и звоню в соседнюю квартиру. Дверь открывают не сразу.

- Участковый, за-хо-ди, гос-тем будешь, - дышит перегаром мне в лицо толстая неряшливая женщина. За ее спиной лицо еще одной женщины, тоже пьяной. Я молчу.

- У-у-у-у-участковый, отнеси ребенка обратно... он мне не нужен.

Она пьяно пытается меня оттолкнуть и продолжает:

- Я дочку забрала, ему пусть остается пацан... понял?! Я продолжаю молчать. Мое поведение ее настораживает. В интонации появляются ноющие нотки:

-А-а-а... ты меня не забирай... ты его посади.

Мне все это омерзительно. Я протягиваю ей ребенка и говорю:

- Машина придет через двадцать минут. Успокойте ребенка и ждите.

Она берет ребенка, пьяно пытается его ласкать:

- Ути, моя маленькая, ути-ути...

Выхожу из квартиры. Выбегаю из подъезда.

Недалеко будка телефона-автомата. Звоню, объясняю ситуацию.

Моя работа самая приятная, денежная, легкая на свете. Я -коммивояжер.

В голове хаос. Усилием воли заставляю себя идти по набору дальше. Знаю, что мое состояние уже написано на моей физиономии. Как будто ничего нового для меня в этих картинах нет, все же здравый смысл не желает воспринимать подобное спокойно. Почему так происходит? Почему в нашем обществе огромное количество обездоленных людей? Я вижу подобные картины ежедневно и заверяю, что в тысячах и тысячах квартир, пройденных мною, огромное количество жильцов ведут убогий, безрадостный образ жизни.

Оказывается, я забрел на окраину города. Перед глазами вырастают несколько старых покосившихся домиков.

Подхожу к одному из них. Из трубы вьется дымок, значит, есть живые люди. А если есть живые люди, обязанность коммивояжера - нанести им визит.

Прохожу во двор. Он весь зарос травой, которая уже убита осенними заморозкам. Низенькие стены, маленькие окна, ветхие ставни, затхлость и заброшенность.

Открываю первую дверь, прохожу. В коридоре темно. Стучу в дверь, ведущую в жилую комнату. За дверью слышится голос, напоминающий шипение самовара:

- Вхо-жи-ше.

Вхожу, образцы наготове. Вижу сгорбленную фигуру старухи.

«Почему она стоит в темном углу? Так, пожалуй, не разглядит образцы». Подхожу ближе... протягиваю образцы и говорю:

- Бабушка, не хотите портрет заказать?.. Можете заказать портреты своих детей, родственников, деньги сразу платить необязательно.

Старуха делает шаг, и я наконец могу рассмотреть ее лицо. Мне становится жутко. Я вздрагиваю и непроизвольно отступаю на шаг. Ее лицо - бесформенный, разлагающийся кусок мяса. Там, где должны быть щеки, - висящие куски бледно-розового мяса. Нос отсутствует полностью. На его месте - две ужасные дыры. Красные глазницы уставились куда-то в пространство. По непонятной причине я с каким-то болезненным интересом смотрю в это лицо и не могу оторваться. Что это было?.. Проказа?.. Сифилис?.. Старуха что-то пытается сказать, но ее слов я уже не слышу. Пришедшее в одно мгновение чувство отвращения заставляет выбежать из дома, быстрым шагом уйти из этого отменного богом или дьяволом места.

Я - коммивояжер. «У вас работа, которую нельзя назвать работой... Так, одно баловство и неуважение к себе». Подобные суждения я слышал неоднократно и от лиц, занимающих довольно высокие государственные должности. Правда, у нас по этому поводу есть слова в Конституции: «Любой труд почетен». Оказывается, так думают далеко не все.

Странно, я ко всему привык, но на проверку оказывается: собственное убеждение, что у меня хорошие нервы, - самообман. После «прокаженной» старухи пойти по набору дальше уже не смогу. «Кто же меня в шею гонит», - ловлю себя на радостной мысли, что я свободен. Вот сейчас прекращу работу, и никто не заставит идти дальше. Собственно говоря, свобода - это все.

Глава 2

В последнее время я за город выезжаю мало. На периферии, в райцентрах, работа идет лучше, но полное отсутствие бытовых условий и комфорта заставляет меня отдавать предпочтение городу. Под бытовыми условиями не следует понимать что-то слишком обширное. Нет... я имею в виду всего лишь гостиничный номер и ванную комнату.

Вопрос гостиниц и устройства в них - это один из важнейших вопросов моей жизни. Восточный мудрец сказал бы по этому поводу следующие слова: «Устроиться у вас в гостиницу рядовому гражданину - это все равно, что достичь обиталища богов великой Джомолунгмы». Естественно, восточному мудрецу попасть в ту же гостиницу несравненно легче, чем коммивояжеру-фотографу.

Иногда попасть в гостиницу удается. Налитой свинцом походкой я вхожу в холл.

Здесь я уже проживаю целых два дня и две ночи. Сегодня у меня «экзамен» - день продления проживания. Ведь у нас, если ты не принадлежишь к клану начальников, ты обладаешь правом проживания не более трех суток. Всевозможная бронь, бланки направлений, командировочные листы с печатями - вот неполный арсенал, обеспечивающий устройство в гостиницу. Твои честно заработанные деньги роли не играют. Гостиничные церберы-администраторы у нас возведены в ранг судей, способных наказывать и миловать.

Итак, я в холле... Подхожу к швейцару... Показываю пропуск... Кажется, начинается:

- У вас тут проживание закончилось... А у нас продления не будет.

Он топчется на одном месте, словно изо всех сил сдерживает нужду. Я выхватываю у него из руки пропуск и поднимаюсь на свой этаж к дежурной за листом продления.

На этаже обычная картина... Возле размалеванной вульгарной дежурной суетятся несколько человек восточных национальностей. Старая омерзительная картина. Элементарные блага цивилизации возведены в привилегии, становятся предметом торговли.

Подобное обстоятельство приводит меня в бешенство. Отстраняю смуглых и говорю:

- Я из двадцатого, мне листок на продление. Губы на крысиной, измочаленной физиономии поползли в ехидной улыбке. Она торжественно обводит взглядом стоящих рядом и не менее торжественно произносит:

- Придется тебе свои вещи забрать. У нас сегодня продления не будет!

Вот они, первые ступени бесправия, где человек за свои же кровные деньги вынужден терпеть лишения и унижения.

Расшатанные нервы все больше дают о себе знать. Я не могу спокойно смотреть на эту кошачью, отмеченную вихрем пороков, мордочку. Мне хочется постучать пальцем по узкой полоске ее лба, за которым пульсирует первобытный мозг.

Раздраженным голосом я говорю:

- Этот вопрос вас совершенно не касается. Дайте лист продления.

Как все мелкие исполнители, она наглая и трусливая. В ее глазах вспыхивают злобные огоньки. Она прекрасно понимает, что я не принадлежу к разряду начальников. В то же время в глубинах примитивного мозга вертится извечная боязнь российского бюрократа: «Как бы чего не вышло». Побеждают все же наглость и хамство. Она оскаливается и показывает на свет божий прокуренные желтые зубы.

- Почему ты мне указываешь, что нам делать?!

Пошлая знакомая фраза окончательно выводит меня из себя. Я понимаю, что сейчас скажу слова, которые поставят меня на одну с ней ступень, но уже сдержаться не могу:

- Слушай ты... мышь... давай направление... быстро!

«Глупо, ох как глупо... не сдержался». Ее лицо наливается кровью. Вся грязь, которая скопилась в фибрах ее души, выплескивается на меня:

- Ты чего командываешь!.. Ты чего командываешь?! Нажрался водки, как свинья, и ходишь тут командываешь! Она входит в раж:

- Надо милицию вызвать. Он каждый день здесь пьяный ходит, - обращается к стоящим рядом. - Выведите его, он пьяный.

Азербайджанцы не заставляют себя ждать:

- Маладой тшелокек.., зачем девушка обижаешь... Напился, надо дома сидеть.

Один из них хватается меня за рукав пиджака... толкает к лифту.

Вот она, обратная сторона моей сдержанности в квартирах клиентов: глаза застилает розовая пелена. Локоть правой руки непроизвольно поднимается на уровень плеча. Апперкот подводил меня редко, не подвел и на этот раз. Бью по наглой усатой физиономии снизу в челюсть. Смуглый подпрыгивает, а затем с грохотом падает на дежурную, переворачивая стол. Краем глаза успеваю заметить, что второй поднимает с ковровой дорожки графин, явно намереваясь меня ударить. Провожу второй апперкот и сразу поворачиваюсь, чтобы выяснить, где третий из этой компании. Его не оказывается. Знакомая картина, когда дерешься с подонками... сплетение наглости, коварства и трусости.

Дверь в мой номер открыта. Мои вещи без меня уже начали собирать. Из сумки торчат рукава рубашек... в дипломате груда мелких вещей. Я сажусь в кресло, включаю телевизор, ожидаю сотрудников милиции. Из коридора долетают шум, крики, причина которых мне хорошо ясна.

Проходит десять минут. Раздается громкий стук в дверь, а затем без приглашения в номер врывается группа людей. Ее возглавляет седой милиционер в чине сержанта. За его спиной приплясывают, объясняя, «пострадавшие» азербайджанцы. Раздается визгливый голос дежурной:

- Вот этот самый... таким место в тюрьме... мы его пустили, пошли навстречу, а он - натуральный бандит.

Оцепенение страхивать не хочется. Я прекрасно понимаю, сейчас будет составлено заявление. Несколько человек его подпишут, и меня закроют минимум на пятнадцать суток. Объяснять и доказывать в этом обществе, где достоинство человека попирается на каждом шагу, - очередная цепь унижений.

Единственное, что я говорю в свою защиту, это слова:

- Сержант, интересно, как поступите вы, если вас оскорбят свиньей, пьяницей?..

Что касается драки - это звенья одной цепи.

Возможно, в цивилизованном обществе этих слов было бы достаточно для справедливого разбирательства, здесь же... Впрочем, что это я пишу! Разве в цивилизованном обществе дежурная гостиницы посмела бы рыться в вещах клиента?.. Смешно.

Дальше все пошло своим чередом... В милиции составляют заявление. Слушать мои доводы о невинности не стали. Несмотря на мои просьбы назначить экспертизу, подтверждающую, что спиртного я не употреблял, в протокол записывают: «Хулиганские действия в состоянии алкогольного опьянения».

Ночь я провожу на голых досках в обществе людей, из которых добрая половина невиновны. Утром следующего дня меня ведут на суд, который состоится тут же, в КПЗ. Лысый толстяк судья смотрит на меня сквозь толстые стекла очков и спрашивает:

- Что делаешь в нашем городе?.. Где работаешь?..

- Коммивояжер!..

- Что, что?! - не понимает он, видимо, решив, что я его разыгрываю, и орет:

- Как стоишь! Ты у меня сейчас год получишь!!!

Вот они - тупость и хамство, облеченные властью. Тысячи и тысячи людей остаются обездоленными после прикосновения к судьбе вот таких судей.

- Я работаю разъездным фотографом.

Видимо, он прочитал в моих глазах что-то иное, чем раболопие и страх. Отводя глаза в сторону, уже флегматично бросает:

- Пятнадцать суток, увидите.

Глава 3

Города все разные, как люди. Я имею в виду не архитектуру. У нас она, за исключением нескольких городов, серая и одно типная. Под различием городов я подразумеваю административные порядки, установленные удельными князьями... в большинстве самодурами и сумасбродами.

После судьи, определившего срок наказания, меня ведут в одну из камер, где милиционер, по совместительству исполняющий обязанности парикмахера, остригает меня наголо. Непреодолимое желание окончательно растоптать достоинство человека царствует в этих стенах безраздельно. Вспоминаю, как молодой парень, которому присудили всего трое суток, упрашивал милиционера его не стричь. На его, можно сказать, мольбу, милиционер весело хохотал и повторял:

- Да ты что, парень, хи-хи-хи... Да ты будешь еще красивее. Выйдешь - сразу женишься... 0-хо-хо.

У парнишки в глазах стояли слезы. Через несколько минут его привели в камеру обезображенным, как и все остальные.

В камере нас было 18 человек. Спим одетыми на деревянных нарах. Некоторым места не хватает. Приходится спать в ногах, поперек, кто как примостится. Завтрак состоит из куска черного хлеба, посыпанного сахарным песком, и кружки подкрашенного кипятка. После завтрака - проверка. Дежурный офицер входит в камеру и торжественно спрашивает:

- Ну как... все покушали?

Дождавшись нестройного ответа «п-па-завтракали», устраивает переключку пофамильно и отправляет нас на рабочий объект.

Что такое человеческое достоинство?.. Если взять на вооружение философию, отвечать можно долго. Я люблю пофилософствовать за рюмкой коньяка. Реальность смазана, в такие моменты мне действительно кажется, что в нашем обществе можно сохранить достоинство и отстоять, несмотря на страх и гонения за инакомыслие. Когда же опьянение проходит и я начинаю толкаться в буднях, восприятие становится иным.

Кожей ощущаю, с каким удовольствием мне бы разбили голову люди, которые на пенсиях далеко не все.

Итак, милиционер через весь город ведет меня на рабочий объект. Едем в общественном транспорте. Люди с интересом поглядывают на мою стриженую голову. В дополнение конвоир вцепился в мое плечо. Ему и в голову не приходит, что это очередной маразм, так как через десять-пятнадцать минут я буду работать с вольными людьми под относительным надзором и легко могу сбежать. Переодеться в гостинице я не успел. На мне светлосерый костюм, очень хороший, германской фирмы, светлая в тон рубашка, натуральной кожи итальянские туфли бежевого цвета.

Первая ночевка на голых досках успела преобразить мой гардероб. У меня мелькает мысль: «Что, если попросить этого служаку съездить со мной в гостиницу, где я смог бы переодеться?» Вещи я оставил в гостиничной камере хранения.

- Сержант, тебе не кажется, что в такой одежде люди на стройках не работают? Поехали в гостиницу, я переоденусь, заодно и перекусим.

В его глазах мелькает что-то наподобие живой мысли, но мгновение спустя искра потухает:

- Какая гостиница, надо было раньше думать, когда хулиганил... На стройке тебе что-нибудь подыщут.

Во мне опять закипает ненависть - спутник не отупелого до конца человека. Я прекрасно знаю, что у нас можно получить на строительном участке. Даже самые необходимые инструменты: лопаты, ломы, кувалды - в конце рабочего дня бригадир не знает куда спрятать. Вагончики разворовываются.

- Предупреждаю, сержант, если не найдешь подходящий чистый комбинезон, работать не буду!

После моих слов милиционер заметно оживляется. Его заторможенный мозг мгновенно воспроизводит информацию, которую за время службы выдавал тысячи раз.

- Будешь работать, дорогой, еще как будешь!.. Не ты первый, не ты последний так говоришь!.. А не станешь работать, - хрюкнул от удовольствия, - судья Ким годишник влепит за милую душу.

Что я могу на это ответить? Вопрос практически исчерпан. Я ведь прекрасно знал и знаю, что у нас уже осужденного человека могут за один и тот же проступок наказывать бесконечно. Я встречал множество преступников международного масштаба, разгуливающих на свободе, и видел тысячи несчастных, отбывающих огромные сроки за воровство кур. Психически больных людей, которые по Конституции и кодексу не подлежат уголовной ответственности, у нас в течение двух недель знаменитый судмедэксперт города С. Петербурга признает здоровыми и, как говорят только у нас: «За милую душу» - угоняет на сибирские реки валить лес. Так что мои пятнадцать суток в любой момент могут приобрести «ноги» и побежать в сторону возрастания.

Стройка, куда меня привозят, оказывается типичной нашей стройкой.

Шестеро рабочих, из них пять - женщины, выливают фундамент для нового здания линейной милиции. Конвоир сдает меня своему коллеге.

Подходящей спецодежды не находится. Мордастый надсмотрщик, поглядывая на меня, то и дело улыбается. Зная психологию примитивных, злых людей, нетрудно догадаться, почему он ехидно улыбается:

«Смотри-ка... в какой он костюме одет... я такой в жизни не носил...

Не надо быть пророком, чтобы после его криков: «Быстро! Быстро!.. Ты не на курорте!» - не убедиться в своей правоте.

На следующий день вырваться в гостиницу за вещами мне опять не удастся. Костюм все больше начинает напоминать половую тряпку. Как ни стараюсь я его чистить, пятна от цемента остаются.

Катать тачку с цементом по наклонному дощатому настилу тяжело. Кожаные подошвы скользят, ноги разъезжаются, в такие моменты я напоминаю корову на льду.

Сержант время от времени меня спрашивает:

- Ну что, фотограф?.. Тачку катать - это тебе не фотографировать?

Я молчу. Я понимаю, что люди из этого разряда двуногих, получают от подобных разговоров наслаждение, граничащее с наслаждением садиста при виде мучений, испытываемых жертвой.

Порой хочется плюнуть на все и сбежать с этой стройки. Но последствия необдуманного поступка хорошо известны: ровно через два-три часа на мои вещи в гостинице наложат арест. Еще через неделю меня задержат без паспорта и на год или два лишат свободы.

Жизнь человека в нашем обществе - одинокого человека - можно сравнить с жизнью хрупкого мотылька-однодневки. Несколько злобных гримас природы - и конец.

Мне остается только терпеть. Подобное терпение граничит с терпением раба. Я это очень хорошо осознаю, но ничего не остается делать. Единственное, что меня утешает, это мысль:

сравнительно скоро кошмар кончится, и я навсегда покину этот город. Вот написал слова «этот город» и поймал себя, что этот город не является исключением. В КПЗ этого города не избивают, чего нельзя сказать о других городах.

Мне есть с чем сравнить и что вспомнить. Как говорит моя старая мать: «Ты прожил за свои 37 лет такую жизнь, которой нормальному человеку хватит на три жизни». Она имела в виду жизненные бури. Все это не так плохо, если я донесу до людей увиденное и до этого не кану в вечность, как сотни тысяч желающих сказать правду в нашей стране.

Итак, в этом городе в КПЗ не избивали, чего не скажешь о других городах. Я повторяюсь умышленно. Вспомнился один случай из моей жизни, о котором захотелось рассказать.

Глава 4

Итак нас, заключенных ИТК №45, в количестве восьмидесяти человек освобождают условно с привлечением к труду на стройках народного хозяйства. В народе такой принцип освобождения называют «химией» по причине отправки первых этапов на химические производства.

Нас привезли по этапу и сдали в комендатуру. После колонии даже такое освобождение было истинным счастьем. Но, как любое счастье, наше счастье имело оборотную сторону. Об истинном счастье я и не говорю. У меня его не было. А то, что я считал истинным счастьем, после тщательного анализа оказалось счастьем иллюзорным. Так... иногда период, проведенный с красивой женщиной. Иногда неплохие деньги в мерках сугубо наших, закомплексованных понятий. Что касается занятий любимым делом, воплощения мечты в жизнь, здесь был воздвигнут для меня барьер. Впрочем, выбор был: или слащавая ложь, или правда, но за решеткой.

Первый день свободы. Пусть «химия», пусть не отбытый до конца срок, вкус свободы неотразимый, потрясающий! Опыренные свободой, мы бесцельно бродим по улочкам провинциального города, наслаждаемся жизнью. В универсаме я приобретаю вольную одежду - рубашку, брюки - все 44-го детского размера. Мой размер - 50-й. Впервые за два с лишним года наедаюсь хлеба.

Женщин мы пока боимся, а вот вина выпить хочется. Нас трое. Покупаем по бутылке вина на брата. Выпиваем, становится непривычно хорошо. В комендатуре отмечаться в десять вечера.

Отправляемся в парк на танцы. Играет музыка, полно молодежи.

Билеты мы не достали. Бродим вдоль забора. К нам подходит парень восточной национальности, завязывается разговор:

- Земляки, мне тут на бутылку не хватает, подгоните денег.

Он по блатному жестикулирует оттопыренными указательным пальцем и мизинцем руки. В тоне слышатся наглые нотки... в глаза не смотрит.

Нас это раздражает, тем не менее мы ему сдержанно отвечаем:

- Нет, земляк, откуда у «химиков» деньги?! Сам знаешь, в зоне только доски на гроб зарабатываешь...

В тусклом свете уличного фонаря вижу, как его губы скривились в презрительной гримасе. Восточные глаза вспыхнули нехорошим огнем.

- Какая зона? Хорош мне гусей гнать... Короче говоря, поищите хорошо, вас Али просит.

Его наглость поражает. Все принимает неожиданный оборот. Откуда ему знать, что мои товарищи, грек Миша Попандопуло и русский Шурик Кузьмин, сидят с малолетнего возраста за излишнее пристрастие к кулачным боям.

Али играет с огнем. Я видел, как мои спутники переглянулись и уже в их глазах загорелся мрачный огонь, предвещающий драку.

Необходимо было что-то делать. Малейший привод в милицию для нас означал зону и только зону.

- Давай, земляк, иди своей дорогой... В следующий раз встретимся, увидишь, «химики» мы или не «химики».

Я едва утащил ребят. Мы отошли в тень деревьев. В мой адрес сыпались упреки.

Через некоторое время мы решили уйти в общежитие.

Когда мы вышли из парка и пересекали небольшую площадь, в зарослях напротив раздались крики, треск ломаемых веток. Мы задержали шаг, прислушались к шуму доносившейся драки. Эта незначительная задержка оказалась для нас роковой. Спустя какое-то мгновение с диким ревом выскочил и остановился возле нас милицейский мотоцикл. Несколько милиционеров, ничего не говоря, набросились на нас, и началось светопредставление. Меня ударили под солнечное сплетение, а когда я согнулся, на мое бренное тело посыпались оглушительные удары. От одного такого удара я потерял сознание. Когда я пришел в себя, почувствовал, что в неестественной позе, связанный, лежу в коляске мотоцикла. На меня взгромодили связанного Шурика Кузьмина. Мишу Попандопуло я не видел.

Через несколько минут мы оказались в отделении милиции. Нас развязали и пинками загнали в дежурку, где было полно милиционеров. Они тут же набросились на нас и с выкриками:

«Ну что, суки, попались?! Тут мы вас и угробим!» - стали нас избивать.

Признаюсь, такого урагана ударов в своей жизни я не испытывал. Меня хватали за волосы, прицеливались - и ДУХ!.. Затем бросали на пол, пинали, а то и просто топтали подошвами ботинок и сапог.

Вскоре боль притупилась. Тело одеревенело. Не могу понять, что это было?.. Защитный рефлекс организма или следствие принятого алкоголя?

Я фактически лежал в луже крови. Оправдываться мне не давали. Стоило приподняться, сделать попытку что-либо сказать - очередной удар валил на пол.

В углу той же комнаты верзила-казах в чине капитана избивал Шурика. Наконец Шурик взмолился попросил, чтобы у него из кармана брюк достали документы. Я не понял, чего он добивался, но побои на какое-то время прекратились.

Шурику протянули портмоне. Дрожащими пальцами он извлек фотографию.

Эту фотографию я у него уже видел... снимок его отца, замполита, полковника ВВС. Отец на снимке был в форме, при орденах и медалях.

- Вот... - Шурик протянул фотографию капитану, - у меня отец - полковник... военный. Вы не имеете права меня бить!

Я и раньше знал, что сотрудники милиции и армейские военные особой любовью друг к другу не отличаются. Но тут произошло нечто невообразимое. В каком-то остервенении капитан ударил Шурика под дых и завопил:

- Мы х... положили на твоего отца! Мы плевать хотели, что он полковник!!!

Он навалился на Шурика всей своей тушей, добрых 100 килограммов, прижал к стенке, бил с короткого расстояния кулаком в лицо и одновременно коленом ноги в пах и живот.

Избитых, нас разбросали по камерам. Меня бросили в одиночку. Я сел на нару, обхватил голову руками и погрузился в состояние, близкое к помешательству.

Через неопределенное время дверь заскрежетала. Ко мне подошли. Я опять ощутил боль. Все началось сначала. Меня пинали, били по голове, а затем куда-то поволокли.

Узкая площадка, зажатая со всех сторон бетонными стенами. Меня притащили во внутренний двор КПЗ.

После каждого удара по голове, которые уже причиняли острую боль, двое в штатском меня спрашивали:

- Говори, кто ударил милиционера? Мы тебя задолбим, если не скажешь!

Только сейчас до меня дошло, в чем именно нас обвиняют. В том, о чем я не ведаю ни сном ни духом.

Я знаю множество случаев, когда в милиции забивали до смерти людей, не причастных к преступлению. Я понимал, что здесь именно тот случай.

Вот он, наш первый день свободы. Вполне возможно, что он окажется последним днем жизни.

Необходимо было что-то предпринять.

Они колотили меня связкой ключей по голове. Вот откуда нестерпимая боль.

- Послушай, начальник, - взмолился я... - Мы никого не били. Там дрались другие, мы слышали, а вы забрали нас.

Удары на мгновение прекратились. Один другому что-то по-казахски сказал.

- Врешь, падло... вас узнали! Или мы вас убьем, или по пятнашке получите.

Теперь удары переместились на солнечное сплетение. В прошлом я перенес операцию поджелудочной железы (острый панкреатит). Подобные удары были для меня равносильны смерти.

- Начальник, у меня был тяжелая операция... Убьешь, будешь отвечать.

Объяснять подробно не имело смысла. Меня избивали казахи. В их знании русского языка на первом плане стоят слова: «начальник», «водка», «деньги», «баба».

Я упал, обхватив руками колени, защищая из последних сил область живота. Еще через десять минут меня волоком утащили обратно в камеру и полуживого бросили на деревянный настил. Уже толком ничего не воспринимая, я провалился в забытие.

На следующий день меня бросили в камеру, где находился Шурик. В камере скопилось много народа, оправдывая пословицу, что божьи места пустыми не бывают.

Шурик лежал на спине и стонал. Удивительно, что на его лице синяки почти не проявились. Но когда он снял брюки и рубашку, я увидел, что на его теле нет живого места. Грудная клетка, спина, живот, руки и ноги напоминали один огромный кроваво-фиолетовый синяк. На моем теле синяков было меньше, но лицо было обезображено до неузнаваемости: выбитые зубы, сломан носовой хрящ, вместо глаз - щели. Но все это были физические увечья. Что касается моральных страданий, они были невыносимы.

На «химии» нам предстояло пробыть около года. Теперь же за покушение на «власть» нам грозило по пять лет. Если взять оставшийся год, получается до 6 лет строгача.

Шурик Кузьмин не находил себе места. Он был гораздо моложе меня. Он жаждал любви, которой в его жизни не было. Он находился в местах лишения свободы с 15 лет. В то время ему было 22 года. Здоровый, атлетического сложения русак, он обладал неплохой эрудицией, и блатное поведение во многом у него было напускным. Адаптация в колонии возможна только при взятии на вооружение насилия. Интеллектуальные, неиспорченные люди очень быстро попадают в разряд гонимых. Добрые поступки утрируются и расцениваются как слабодушие. Замкнутость спасает только в том случае, когда у тебя есть деньги.

Я лежал на наре и старался не думать о предстоящем. Шурик не давал мне покоя:

Как ты можешь вот так спокойно лежать?.. Что будем делать?.. - донимал он меня.

Я, как мог, его успокаивал. В душе я знал, что мы - жалкие «химики» - абсолютно бесправны. Нас выпустили на свободу под залог наших рук, мышц. Пострадавший не от нас казах, милиционер, уже написал на нас заявление. Свидетели у него тоже, кажется, были. Успешно выйти из этого положения я возможным не представлял.

Оставалось только держаться.

- Шурик, самое главное, что бы ни случилось, говори, что мы не били, тем более - это правда... Мордовать нас будут долго. Пощады от них мы вряд ли дождемся, но если закрадется хоть тень сомнения - пропадем!

Дверь открылась. В камеру пришло пополнение. Это был парень с нашего этапа - тоже «химик». От него мы узнали, что наш товарищ Михаил Попандопуло находится в больнице. Из путаного рассказа мы поняли, что на Мишку кто-то напал. Ему разбили голову и выбросили в кювет. Утром без сознания его нашли прохожие и доставили в больницу. Поразмыслив, мы поняли, что произошло с Мишкой. Представители власти явно переусердствовали и, чтоб не везти в милицию «труп», предпочли замести следы. Они оставили его там же, где проломили голову, оттащив в сторону... в канаву.

Теперь нас избивали через день. Били лениво, все больше старались попасть в область печени.

Для разнообразия пинали ногами.

Я как заведенный твердил одни и те же фразы: «Не бил!.. Не знаю!.. Страдаем за других!»

Иногда мои показания записывали. Какие давал показания Шурик, я не знал. Впоследствии я узнал, что он сломался и стал выгораживать только себя. Это послужило причиной, чтобы наша дружба лопнула, как мыльный пузырь. А пока все шло своим чередом. Ближился день суда. Из КПЗ через суточников мы сумели отправить телеграмму родителям Шурика. Надежды, что ее получат, не было, но именно эта телеграмма помогла нам выйти на свободу. Хочу добавить, что это мое предположение. До конца я не уверен.

Скованных одними наручниками, нас ведут из КПЗ на суд. В КПЗ мы пробыли два месяца. Месяц понадобился только на то, чтоб у нас сошли следы побоев.

У нас землистые лица, вялая походка. Нас ведут на суд.

Возле здания суда Шурик резко останавливается... Возле красного цвета «Жигулей» стоит сухощавый высокий мужчина в форме полковника.

- Отец, здравствуй! - выкрикивает Шурик и пытается махнуть рукой.

Приветствия рукой не получилось. Шурик забывает - на руке «браслет». В локоть второй руки вцепился конвойный. Нас торопят:

- Быстро!.. Быстро, не задерживаться!

Скрепленных «браслетом», нас так и заводят в помещение, где заседает состав суда.

О нашем судье мы слышали. В городе у него кличка «Бриллиантовая рука». Это маленький сухой человек, у которого вследствие какой-то болезни не действует левая рука. Как большинство людей, имеющих физические дефекты, он зол на весь мир. Помимо этого, у «Бриллиантовой руки» молодая неверная жена. Для нас, молодых и недурных собой, это предвещает трагедию.

Еще «Бриллиантовая рука» много пьет, дерется с женой и по утрам страдает с похмелья. Но, как я ни вглядываюсь в его лицо, страдальческого выражения, свойственного лицам с похмелья, я не улавливаю. Птичье, злое, оно выражает нетерпимость и непреклонность.

Он сразу приступает к делу.

- Избили милиционера... рассказывайте... Сначала вы, - называет мою фамилию.

Я плохо слышу свой голос. Мне кажется, что мои слова звучат вяло, не несут эмоционального заряда. Возможно, это следствие ежедневных репетиций.

Ужасно не люблю повторяться. Когда повторяешься, сам себе перестаешь верить.

- Гражданин судья! На протяжении всего времени нас не желают слушать. Все наши доводы о том, что мы невиновны, никто не берет во внимание.

В голове вихрем пронеслась мысль: «Сейчас он скажет стандартные слова бюрократа: «Так не бывает!». Он слушает.

Подходит очередь Шурика. От его слов меня бросает в жар. Все еще не могу привыкнуть к подлости и предательству, проникшим всюду.

Шурик говорит:

- Я милиционера не бил. А он, - кивает на меня, - может, и бил, но я не видел.

Я, подавленный, молчу. Эти слова - «может и бил» говорят сами за себя. Мне не показалось - даже судья посмотрел на Кузьмина как-то безразлично.

Судья затребовал пострадавшего. Конвоиры ответили, что тот находится на дежурстве, так как в город прибывает большое начальство. Тогда судья затребовал свидетелей. Свидетелей тоже не оказалось.

Неожиданно «Бриллиантовая рука» вспыхнул! Подобно маленькой хищной птичке он вскакивает с судейского кресла и срывающимся голосом выкрикивает:

- Безобразия!.. Пострадавший не явился!.. Свидетелей, оказывается, вообще нет!.. Они говорят - не били!.. Убрать! Немедленно отпустить!..

Казахи-конвоиры, один из которых офицер, недоуменно переглядываются.

Судья не успокаивался:

- Отпустить!.. Снять наручники!.. Откормленный офицер от удивления открывает рот, а затем ноющим голосом тянет:

- Б-б-б-бу-у-у-магу н-н-н-на-а-пишите, товарищ судья, без бумаги не имеем права.

На его слова судья правой рукой делает нетерпеливый жест, словно отмахиваясь от назойливой мухи:

- Будет бумага!.. Снимайте наручники.

Из зала суда мы вышли свободными. За последние месяцы я вторично над этим думал и пришел только к одному выводу:

такое чувство можно сравнить с чувством первой удовлетворенной любви. Чего мы только не испытываем, проходя через жизнь, но все же свобода и любовь помогают человеку в полной мере оставаться человеком.

Первый помощник Всевышнего - время - сделало свою работу. Мои пятнадцать суток подходят к концу. Изюб в день меня водили на разные рабочие объекты. Мой бедный костюм приобрел блеск «отполированных» досок, на которых мы спали. В КПЗ я встретил множество людей, истории которых послужат неплохими сюжетами для моих рассказов.

Наконец подходит день, и меня вызывают в кабинет начальника КПЗ. Он торжественно вручает мне паспорт:

- Возьмите, молодой человек, и мой вам совет - уезжайте из нашего города.

Как «умно» сказано... Интересно, сколько власть наплодила подобных мракобесов? Но за все это рано или поздно воздается. Слишком много лет подряд они вот так беспардонно выживают людей. Что сказать этому закормленному борову?! То, что в мире существует Америка, или то, что Сервантес, будучи без руки, все же сумел обнять земной шар двумя руками?! Или, может, он поймет то, что Байрон предпочел умереть в битве за свободу, чем в последний час окружить себя лицемерием, от которого убегал всю жизнь? Малейшее проявление инакомыслия, свободолюбия, интеллекта в этом обществе вызывает раздражение и приводит в тюрьму.

И все же я сумел по-своему плюнуть в заплывшее жиром лицо этого исполнителя с высшим образованием.

- Товарищ капитан, можно вас теперь так называть?.. - спросил я его и, увидев утвердительный кивок, продолжил: - Вот вы говорите, покинуть наш город. А ведь эти слова противоречат нашей политике и Конституции... - В его глазах я прочитал тревогу. - Ведь мы живем в обществе, где абсолютно все является достоянием граждан. Делить города на ваши и на наши - э-э-э-т-т-о уже вызовет интерес у зарубежной прессы. Кстати, вы КПЗ приватизировали?

Нелепость сказанного я прекрасно понимал, но по лицу начальника видел, что удар попал в цель. Он вздрогнул, и его лицо на мгновение отразило страх подхалима-студента. Еще через мгновение он понял мой издевательский каламбур и рявкнул в духе сталинского следователя:

- Если тебя в течение 24 часов поймают в нашем городе, я тебе обеспечу два года!!!

«Вот это уже по-нашему!» Узнаю истинных воспитанников «великих» учителей. Интересно, до чего бы я с ним договорился в пьяном состоянии? Наверняка набил бы ему морду и тогда получил бы пять лет. Но прежде чем уйти, я все же поинтересовался, за что я могу получить два года. Ответ прозвучал дикий и однозначный:

- Был бы человек, а статья найдется!

Я, Джон, покинул тот город без тени сожаления. Я бы покинул и эту страну, не любя я свою мать и свой народ. Это трудно объяснить, как и всякую любовь. Народ у нас прекрасный, особенно это, как ни плачевно, проявляется в беде.

Миром, безусловно, должен править капитал. Люди, обладающие капиталом, уже самим фактом его приобретения показали миру свою способность вести за собой массы, вызывать стимул подражания, что касается людей, пришедших к власти за счет словоблудия, демагогии, тирании, итог - все возрастающая узурпация и хаос. Отдушин быть не может, поскольку живую мысль убивают.

Что нам принесла революция, которая подточила нашу веру и отбросила страну на тысячи жизненно важных миль от передового общества?! Рвачество, ханжество, подлость, ложь, насилие - вот что нам принесла революция, от которой многие ждали царства Кампанеллы.

Глава 5

Меня часто спрашивали, почему я не покупаю себе машину. «С твоей работой тебе нужны колеса. Так много зарабатываешь, а без машины». Я сокрушенно вздыхаю и отвечаю, всегда односложно: «Да не говорите!.. В этом году дважды собирался, так и не дошли руки».

Ложь в этом случае лучше, чем правда. Если скажу, что до машины мне, как до луны, не поверят. Откуда им знать, сколько у меня забирают дорожные расходы, сколько из меня выжимает быткомбинат... Скажу правду - посчитают лжецом. Ну а если скажу, что дорожку этой работой потому, что она предоставляет мне личную свободу, обязательно пустят слух, что я хитрец или дурак.

У нас к понятию свободы относятся с непониманием. В слове «свобода» видят больше отзвук революционных событий, чем насущную потребность. Человек, ищущий свободу, упоминающий о ней в разговоре, вскоре начнет вызывать у окружающих раздражение. «Корчит грамотного, а сам не знает, чего хочет».

Машины у меня нет, но есть максимальная свобода, которая только возможна в моей стране. У меня нет дома, но есть личная свобода. Интересно, а можно так - иметь дом, машину, жену и в придачу личную свободу? В принципе я знаю, что ответил бы мне рядовой американец. Он бы сказал, что я - наивный чудак. Но все же я хотел сказать именно это! Приобрести все элементарные блага цивилизации и в полной мере остаться человеком практически невозможно. Начнешь преуспевать, зарабатывать много денег, первый барьер тебе начнут воздвигать твои же товарищи по работе.

Подозрительность и черная зависть, воспитанные в нас с 17-го года, привились и пустили глубокие корни. Если в ведомости о начислении заработной платы твой товарищ по работе увидит большую сумму, чем у него, считай, у тебя уже есть враг. Если ты научишься вырывать свои честно заработанные деньги и начнешь строить дом, твой враг - сосед. Днем он будет помогать тебе подносить кирпичи, а ночью левой рукой напишет на тебя донос в милицию.

Во всем ты должен соблюдать общепринятый стандарт:

одноэтажный домик, оформленная по дарственной машина. Лексикон рубахи-парня, не слишком умного и обязательно презирающего проклятых интеллигентов.

Бескрайняя степь, залитая солнцем. В небе куда-то держит путь хищная птица. Невдалеке, словно бочонки, стоят возле своих нор сурки. Поют сверчки.

Только что шофер «КамАЗа» высадил меня на перекрестке дорог, и я продолжаю путь пешком.

Маленький казахский поселок хорошо виден, но я знаю - до него несколько часов пути. Машины не будет, я иду напрямик. В траве могут быть змеи, но бог с ними. Хуже, если попаду в заболоченную местность, - загрызут комары. На плече у меня рюкзак. Он очень тяжелый, до отказа набит фотопортретами. Фактически это те же книги, а книги весят много.

Вот и она, красавица! В пяти шагах, высоко подняв голову, качается змея. «Гюрза, что ли?..» Я внимательно ее разглядываю, она в свою очередь разглядывает меня. Обхожу стороной это интересное творение Всевышнего и шагаю дальше.

К одиннадцати часам подхожу к поселку. На моем пути встает речушка с берегами, заросшими низким кустарником. «Отлично, испустать будет кстати». Раздеваюсь, привязываю одежду к рюкзаку и кладу его на голову. Дно илистое и незнакомое, идти, честно говоря, неприятно. Перехожу на другую сторону, бросаю рюкзак на траву и погружаюсь в прохладу.

На берегу слышатся голоса. Я оборачиваюсь и вижу детей. Они внимательно меня разглядывают круглыми тюленьими глазами.

Один из малышей решается со мной заговорить.

- Вада теплый? - серьезно меня спрашивает.

Мне смешно... Купание и детские лица возвращают хорошее настроение:

- Теплый, - отвечаю односложно... - Как поселок называется - Басагаш?..

- Басагаш, дядя... А тебе какая нада?..

- Мне много кой-чего надо, а для начала подойдет и Басагаш. Я, дети, фотограф, привез вам фотки... Ну-ка покажите, где кто живет?

Они соглашаются, возле меня суетятся. Воистину прав был тот, который первый изрек: «Фотография - это радость!»

Во всех случаях, когда я приезжаю, дети - мои проводники. Они разыскивают моих клиентов, оказывают большую помощь. Обычно после работы я вручаю им на конфеты, и они счастливыми уходят домой.

Солнце уже в зените. Степь накалилась. От утренней прохлады не осталось и следа.

Басагаш - типичный отдаленный казахский поселок. Дома глинобитные. В принципе их домами не назовешь. Типичные землянки, в которых ютятся казахи нового времени.

В этом поселке я впервые. Здесь набирал заказы мой коллега, которого уже нет в живых. Только ему было под силу забираться в подобную несусветную глухомань. Бывали случаи, когда его заказы приходилось раздавать в Тургайских степях, где на сотни километров не проживает ни один славянин. О моем коллеге Александре Попове по прозвищу Святой я еще расскажу... Загубленная жизнь талантливого человека.

Захожу по первому адресу, указанному в реестре. Низенький потолок, на стенах копошатся тысячи мух. Пол устлан войлочными циновками, на которых в позах римских патрициев возлежат казахи. Время рабочее, но, как это заведено у казахов, лучшая работа - это чаепитие. На деревянном помосте - импровизированном столе - пиалы, чайник, в пиалах масло и сахар. Очень много сваренного в хлопковом масле теста. Все это - под черной шапкой копошащихся мух. В помещении зловоние. Я не нахожу места. Быстрее, быстрее...

- Здравствуйте!... Два месяца тому назад вы заказывали портреты... Я их привез... У вас два портрета 18 г 24, итого с вас...

Казахи - очень плохие заказчики. Будучи предупрежденными о стоимости, при получении заказа они почти всегда устраивают торг. В такие моменты приходится собирать волю в кулак и входить в роль восточного торговца. Вот и сейчас толстый отец семейства садится на кошму, поджигает ноги и заводит старую, как мир, песню:

- Э-э-э... дарагой, патшему так дорого?... Тот первый, кагда приходила, гаварила адин стоит меньше.

«Начинается!..» Все наборщики знают, что минимальная стоимость цветного фотопортрета 18 г 24 была десять рублей. Его цена - явно выдуманная.

- Хозяин, давай не будем торговаться. Портрет с времен войны стоит десять рублей. По старым деньгам - сто рублей, на новые если перевести - десять. Переводи по курсу и плати.

Я держу портреты в руках и чувствую: здесь придется поработать дополнительно.

- Давайте, давай, хозяин, плати... Ты только посмотри, какие они красивые, как блестят.

«Господи! Какую приходится молоть чушь!» Так, наверное, рекламировали свой товар моряки из команды Колумба.

Молодая казашка что-то скороговоркой объясняет старой казашке. Сын в свою очередь что-то доказывает отцу. Наконец старая казашка хитро улыбается и говорит мне слова, от которых меня опять бросает в жар:

- Ты хороший парень... моя бедный... давай, пусть будет ни тебе, ни мне...

- Люди! Не морочьте мне голову... Платите!.. Вы только посмотрите, какие они красивенькие, как блестят, - продолжаю тыкать им портреты под нос.

Неожиданно для себя я придумываю еще один способ рекламировать мою продукцию. Я кладу портреты на ладонь, как бы взвешивая, и говорю:

- Хозяин, чего тебе надо, они даже по весу подходят, а ты говоришь.

Этот «умный» довод подействовал неожиданно. Старый казах взял портреты, подержал в своей руке, затем что-то сказал молодой казашке. Ни слова не говоря, она протянула мне две замусоленные бумажки.

- Вот так бы давно... Вот это правильно, - говорю я и вычеркиваю их фамилию из списка.

Я - коммивояжер. У меня самая легкая работа на свете.

В этом поселке не проживает ни одна европейская семья. Атмосфера во всех домах одинаковая. «Быстрее! Быстрее!.. Лишь бы не пришлось остаться ночевать».

Если придется остаться ночевать, не обойтись без вина. Уснуть не смогу. Запах пота, бараньего жира, тучи мух, умопомрачительная антисанитария.

У некоторых казахов действительно нет денег. Приходится гонять их по соседям, но если семья не в авторитете, денег им не займут. Предпринимаю еще один вариант. Веду клиента в местный магазин и прошу продавца занять ему денег. Иногда занимают.

Честно говоря, из меня делец неважный. Когда я вижу бедную, по-настоящему не имеющую денег семью, я отдаю портреты бесплатно.

Таких семей великое множество. Заходишь в квартиры:

голые стены, на железной кровати рваные матрасы и фуфайки, ползают голые, грязные дети. Трудно понять, зачем в таких семьях заказывают портреты. Лично я в таких квартирах заказы не принимаю. Но заказывают! Извечное стремление человека себя увековечить, а возможно, и бестолковость, привитая убогой жизнью.

В таких семьях я отдаю хозяйке портрет или портреты и говорю:

- Ну что ж! Пусть пока будут у вас, а через два дня придет человек, тогда рассчитаетесь. Естественно, никого я сюда посылать не буду. Говорю так для того, чтобы остальным клиентам не показалось, что уже наступил коммунизм.

Мой рюкзак становится все легче и легче. Карман распух от денег. Времени нет, деньги я всовываю в карман как попало. Несмотря на то что летний день длинный, время в работе бежит неумолимо.

Наконец я заканчиваю. Остается несколько портретов, которые можно выслать наложенным платежом, и два-три портрета, которые я принципиально уничтожу. Есть и такие. Есть люди, доводившие меня своей жадностью до белого каления.

Они мельком смотрят на портрет и, толком его не разглядев, начинают приблизительно так:

- Ой, нет, нет... Такой нам не нужен... У нас нет денег... Вот если бы раньше привезли... Что вы, такие деньги!!!

Как правило, они отказываются от первоклассной работы. Порой я оставляю подобную работу на образцы.

Иногда у меня складывается впечатление, что эти люди делают заказ только для того, чтобы затем отказаться. Есть такая порода - пакостники по жизни. Они заказывают на большую сумму, у них прекрасно обставленные для наших условий квартиры и непреодолимое желание пакостить.

Конец! Поселок пройден несколько раз. Даю ребятам денег и быстрым шагом направляюсь к отдаленной ленте асфальтовой трассы.

Идти приходится долго. Во рту горечь, пообедать так и не пришлось. Знаю, что именно по такому принципу наживают язву, но гонять чай среди мух выше моих сил.

Солнце бешено несется к закату. Если до захода солнца меня не подберет машина, придется возвращаться. Здесь, в Казахстане, где полным-полно лагерей, шоферы ночью не останавливаются. Были случаи побегов заключенных и убийств водителей машин. Однажды меня угораздило попасть в такую историю. Правда, все обошлось благополучно, не считая простреленных стекол и легко раненого шофера.

Я - коммивояжер. Мой покойный дед по линии отца был царским офицером, покойный отец - преподавателем истории, а я - бродяга-коммивояжер.

Когда мне становится жить совсем неважно, я уезжаю в город Таллинн. Слушаю в храме Нигулис орган и на время забываю, как и где я живу. И еще море... Море - единственная сказка, которую я сохранил в своей душе.

Когда-то ты, Джон, задал мне вопрос: в чем я вижу смысл своей жизни, и кто мой идеал? Тогда я был молод, боялся сглазить очередную любовь, поэтому тебе не ответил. Идеалов, Джон, среди людей у меня нет, а смысл своей жизни вижу в созерцании человеческой комедии. Только так думающему человеку можно выжить в моей стране.

Когда я слушаю орган, мне становится понятным, почему создатель время от времени божьей десницей карает глупое человечество.

Ведь уже одной этой музыки достаточно, чтобы люди поняли, кто истинный хозяин Вселенной. Орган должны слушать все. Через эту музыку Всевышний уводит нас в свои владения, а затем возвращает обновленными, омытыми чистой прозрачностью космоса.

У меня, Джон, нет идеала, но у меня есть вера. Вера во Всевышнего. Не будь у меня этой веры, я бы все же нашел в себе злые силы покончить с жизнью в застенках, куда меня бросают идола. Моя миссия на земле проста - я возвращаю в дома то последнее тепло, которое все реже излучают человеческие глаза. Вот он идет, жалкий фотограф!.. Он входит в дом, выпрашивает остатки человеческой любви к ближнему, а затем навечно возвращает ее владельцам.

Я очень хочу покинуть пределы этой страны. Но я очень люблю свою Родину. Сколько у нас страдальцев, подобных мне, кто ответит?..

Ты счастлив, Джон! Ты живешь и родился в стране, где свобода подобно солнечному лучу ласкает своих граждан. В стране, где человек не боится своего собственного голоса. Где унижительные комплексы страха, раболепия, ханжеской морали не имеют места, поскольку неизвестны. Как я хочу пожить такой жизнью, которой живешь ты. Я готов жить без копейки за душой, готов питаться в благотворительных заведениях, готов спать в заброшенных домах, лишь бы иметь возможность идти по земле, не запасаясь впрок

всевозможными бумагами, заверенными печатями, подтверждающими мою принадлежность к определенному милицейскому околотку. Свою вертикальность и ясный цвет глаз я сохранил только благодаря надежде увидеть свободный мир. Я люблю землю и, прежде чем уйти к господу, хочу услышать ее запах на всех широтах. Я не считаю себя человеком, который не пополнил космос той каплей материи, необходимой для равновесия мироздания. У меня есть дочь. За подаренную мне богом жизнь я воздал тем же - жизнью. Еще я написал множество стихов. Многие из них утеряны, но в мире они не пропали. Каждый из них - это роза, подаренная миру людей. Меня гноят в тюрьмах, мучают в психиатрических больницах, а я еще живу и надеюсь.

С.- Петербургская тюрьма «Кресты». Что это такое? Что это такое из уст заключенного, а не поверхностно изучившего этот мир современного писателя?

Здесь, в тюремной библиотеке, попадают книги с описанием знаменитых «Крестов». Что интересно, при царском режиме в камерах содержали по двое заключенных. Узники имели право без ограничения получать передачи, была в тюрьме и церковь, где человек имел возможность облегчить страдания. Теперь же в каменных мешках бывших двухместных камер сидят по восемь-двенадцать человек. Дополнительные ярусы с нарами выросли как грибы. Сначала рука подневольного сварщика соорудила второй ярус, затем появился и третий. Очень часто в камеру заталкивают людей, у которых спальным местом становится цементный пол.

«Здоровье граждан - это достоинство страны».

Бывает, после девяти, десяти месяцев содержания в «Крестах» человека оправдывают, но он уже шелестящей походкой отправляется проводить свою жизнь по туберкулезным диспансерам. Хотя больных туберкулезом содержат в специально отведенных камерах, вероятность заражения туберкулезом, как и любой другой болезнью, в «Крестах» стопроцентная. Все происходит элементарно просто: когда заключенных увозят на следствие, никто не делает различия между больными и здоровыми. Люди пользуются одним ведром с питьевой водой. Одна кружка ходит по кругу... Людей в КПЗ порой держат неделями в неотапливаемых холодных помещениях.

Знаменитые «показательные «Кресты» кишат больными туберкулезом. Молодые парни, не осознавая своего истинного положения, радуются, словно дети, тому, что в убогой тюремной санчасти врач выписывает им несколько улучшенный паек. Мудрец говорил: «Все познается в сравнении». Но где брать примеры для сравнения?..

С. Петербургская тюрьма «Кресты» считается показательной. Я утверждаю, что все те ничтожные детали, позволившие сделать подобный вывод, абсолютно для такого определения несостоятельны. С. Петербургская тюрьма «Кресты» - рассадник туберкулеза, мрачный безучастный равелин, где понятия гуманности искоренены еще более тщательно, чем в отдаленных районах страны.

Самое страшное здесь то, что во многом карательные функции исполняет медицина. Возьмем, к примеру, наркологическую экспертизу: человек, у которого в деле фигурирует спиртное, рассматривается как потенциальный алкоголик. Такой человек обязан пройти наркологическую экспертизу, где он в обязательном порядке будет подвергнут принудительному лечению на весь срок заключения. Человек, фактически совершивший легкое преступление, теряет возможность выйти из спецколонии по досрочному освобождению, не говоря о тех препаратах, которыми насильно его будут травить несколько лет. Что такое сомнительные противоалкогольные препараты и каково их воздействие на функции внутренних органов, объяснять не приходится. Почки, печень, другие органы приходят в негодность.

Заключенные панически боятся наркологической судмедэкспертизы, тем не менее через нее проходит большинство. Диагноз: «Нуждается в наркологическом лечении» - это фактически двойное наказание, метод, столь излюбленный в нашей системе. Опишу, как проходит наркологическая экспертиза.

В камере, куда меня привели, находилось около двадцати заключенных. Через некоторое время нас по несколько человек стали выводить в кабинет, где находились так называемые медицинские эксперты.

Врачей было трое. Молодая девушка изучающе посмотрела на меня и спросила:

- Как давно вы пьете?..

Я прекрасно понимал, что стоит мне замешкаться с ответом, не проявить достаточной инициативы в защите, и мне влепят принудительное лечение.

- Я не пью вообще! Не понимаю, почему меня сюда привели?..

- Ну как не пьете? - она воровато, как-то заискивающе взглянула на меня и поспешно указала на какой-то лист. - А вот тут сказано, что вы обращались в 1972 году к наркологу.

Я вспомнил. Такой случай действительно был. Но тогда я вовремя уяснил, что у меня достаточно силы воли бросить пагубную привычку. Больше у нарколога я никогда не был.

- Доктор, это было давно. Лечение я не проходил, бросил сам... С тех пор - не пью.

Членораздельная, более или менее вразумительная речь ее несколько охладила. Но желание признать меня больным было столь велико, что она пошла на уловки, достойные провинциального следователя сталинской заправки.

- Ну как не пьете?.. Один, два стакана выпиваете, - и с примитивным коварством добавила: - А почему бы и нет?

- Доктор, я не пью вообще... У меня была операция поджелудочной железы!

Я едва сдерживал взрыв возмущения. Она в нетерпении егзила по стулу задницей, словно обуреваемая дыханием весны кошка.

- А на праздники... На праздники стакан шампанского... Сознаться, ведь было?!

Стоит мне сказать да, согласиться с малейшей дозой, и мой срок сразу увеличится.

- Не пью вообще... у меня хронический панкреатит, была операция... Вам что, шов показать?!

Двоих, которые вошли вместе со мной, уже из кабинета выдворили непритязательные ребята в расстегнутых рубашках, под которыми голубели тельняшки, они запутались, что-то мычали, твердили глупейший довод:

- Я для аппетита... Ну для аппетита, начальник! Когда меня привели в камеру, я узнал: кроме меня, всех признали алкоголиками.

С. Петербургская тюрьма «Кресты». Что это такое? Пожалуй, на свете не так много тюрем, где измученным заключенным, пребывающим в неведении порой девять, десять и более месяцев, на мольбу ответить, почему следствие стоит, офицеры из администрации отвечают:

- Сейчас лето, пора отпусков... Отдыхай, куда тебе спешить!

С. Петербургская тюрьма «Кресты» - это тюрьма, в которой под прикрытием того, что она якобы показательная тюрьма, доводят узников одних до туберкулеза, а других до частичного помешательства. В мире у всех явлений есть оборотная сторона. Так вот, в «Крестах» почти нет вшей, зато море туберкулезных палочек; кормят относительно очищенной пищей, зато, перестраховываясь, держат заключенных, подлежащих немедленному освобождению, по десять-двенадцать месяцев. В Санкт-Петербургской тюрьме «Кресты» есть еще одна достопримечательность, о которой я просто не могу не рассказать. Это собственное психиатрическое отделение с лаконичным названием «Четыре-ноль» (4-0).

Преклонение перед достижениями в освоении космоса неоднократно имело для меня весьма плачевные последствия. Об этом я уже писал. Здесь, в «Крестах», длинный шлейф этих последствий значительно удлинился, а заодно и пополнил мои познания в знаменитой области человеческих деяний в психиатрии. В частности, я уяснил, что такое столичная психиатрия, пусть в рамках тюрьмы, но все же столичная, со своей тщательно отработанной методикой и многогранными проявлениями «гуманизма».

В свое время, учась в университете, после полета американских космонавтов на Луну, я написал хвалебные строчки в стихах. Они для меня оказались роковыми:

... Американец - славный парень,
Как от себя из Чарли Стрит
Принес нам всем тогда подарок,
И подтвердил, что ум не спит...

Это событие меня, можно сказать, потрясло, как в свое время полет Гагарина. Но в тот далекий год меня признали диссидентом.

«Американцы сработали на рекламу... для них люди - мусор, а вот мы людьми не станем рисковать, поэтому послали луноход». Помню, в изъятой у меня тетради были такие строчки, которые прямо-таки взбесили заправил моего факультета и курса:

Американцы там гуляли,
Как у себя на Чарли Стрит,
Но вот немного мы отстали,
Неужто ум Союза спит?

Небось когда летал Гагарин
Кричали - первый человек!!!
А вот немного лишь отстали:
Кричим - поймите, риска нет.

В конце концов, чтоб подвести черту всем моим «преступным» деяниям в области поэзии, меня признали еще и психически больным. Затем - психиатрическая больница после освобождения из лагеря. И вот через годы карточка с диагнозом какой-то формы шизофрении попадает к медикам С. Петербургской тюрьмы.

Открылась дверь, и коротышка-надзиратель, или, как их называют здесь, в «Крестах», «цырик», лаконично бросил:

- Собраться на выход с вещами!

В камере оживленно обсуждают, куда это меня могут «дернуть». Однообразие делает вызов по какому-либо процессуальному вопросу событием. Высказываются предположения вплоть до абсурдных. Сосед на верхней наре запальчиво убеждает:

- Точно... Когда я сидел в сорок пятой хате, в это же время Толика на волю дернули... А че, по твоему делу ничего не доказано, следователя уже третий месяц нет, может, прокурор оправдал?!

Мне смешно. Элементарная некомпетентность в юридических вопросах. «Нет следователя, значит, прокурор оправдал. Что касается адвоката, он вообще ни при чем».

Уже вечер. Прапорщик ведет меня по узким коридорам, открывает переходные решетчатые двери.

Мы спускаемся в подвальные этажи. Унылые заключенные из хозяйственной obsługi принимают мою одежду, выдают больничный халат и нижнее белье.

Вот оно... оказывается, я на 4-0.

Сначала мне отводят маленькую камеру. Как я понял, она что-то наподобие наблюдательной палаты. В принципе здесь чисто. «Если не будут лечить теми памятливыми препаратами, жить можно».

Перед сном мне принесли баланду и кусок хлеба. Я поел, выкурил самокрутку и лег спать. Утром пришел прапорщик, мне велели приготовиться в душевую.

Я снял и положил на столик нательный крестик, разделся догола, под конвоем меня вывели мыться.

Увиденное в душевой не предвещало ничего хорошего. Возле меня мылся бородастый еврей. Я внимательно всмотрелся в его глаза, координацию движений и понял, что он под действием препаратов. Человек внутренне отсутствовал. Замедленные движения куклы, взгляд, все указывало на его состояние. Слева от меня мылся молодой парень русской национальности. Он находился в состоянии подобном первому, напоминал пресловутую курицу, оцепенелый стоял под душем.

Я обратился к нему:

- Земляк, тебя колот или таблетки дают?

Он, видимо, запуганный, прошептал:

- Не спрашивай, братишка, че хотят, то и делают... И «колеса» дают и колотят насильно. Меня уже вторую неделю держат на галаперидоле. Дважды назначали сульфазин.

Насильно! Опять это слово, сопутствующее мне, словно колокол судьбы, всю жизнь.

Я возвратился в камеру. Моего крестика, приобретенного несколько лет тому назад в церкви, на столике не оказалось.

- Дежурный, подойдите ко мне, - позвал я прапорщика. - Отдайте крестик...

Его обрюзглое небритое лицо мгновенно надело маску свирепого мопса.

- Ты что!!! Порядка не знаешь?.. Крестик не положен! Здесь тебе ничего не положено!!!

Я знал, что он не прав, попытался объяснить, но кормушка с лязгом захлопнулась.

В одиннадцать часов утра меня повели на прием к врачу. За столом сидел толстый молодой лейтенант с выхоленным лицом и выюющимися, зачесанными вверх волосами. Его невозмутимое спокойствие убедило меня, что он явный сторонник трех английских заповедей, так необходимых для продления жизни.

- Ну рассказывайте, какие слышите голоса... Откуда они исходят: из головы или со стороны?

На столе лежала пожелтевшая от времени, истрепанная медицинская карточка. Я ее сразу узнал, полгода психиатры записывали в эту карточку результаты опытов, которые производились надо мной в одной из восточных больниц страны. Скажу откровенно - в этот момент мною в самом прямом смысле овладел неподдельный ужас. То, что я уже испытал в психиатрической больнице смело можно приравнять к мучениям, испытанным людьми в концентрационных лагерях.

- Вот, к примеру, вы утверждали, что с американскими космонавтами посещали Луну.

Он пролистал несколько страниц, что-то опять вычитал и опять обратился ко мне:

- Вот, пожалуйста, суицидальная попытка. Рассказывайте, какие слышите голоса?

Я лихорадочно думал, что предпринять. Точно так же, как, по мнению психиатра, невозможно предугадать поведение пациента, точно так же невозможно случайно попавшему к психиатру здоровому человеку предугадать решение психиатра при том или ином ответе пациента.

- Доктор, я совершенно здоров! Он меня не слушал.

- Эту карточку предоставил нам ваш следователь. Она настаивает на психиатрической экспертизе.

- Доктор! Никаких голосов я не слышу... Этот диагноз...

Открылась дверь. В приемную вошел офицер со знаками отличия майора. Он сел рядом с лейтенантом и линзами затемненных очков уставился на меня.

Я продолжал утверждать, что не болен, голосов не слышу.

Майор бесцеремонно меня прервал:

- Так, где вы проходили лечение? Я назвал известный западный город на территории Украины.

- О-о-о-о-о, так вы там учились?.. Какой чудесный город!.. Какой роскошный университет! Зачем вы оттуда уехали?

Очень быстро его ностальгическое настроение, навеянное воспоминаниями, исчезло.

- Тебя там, милый мой, не вылечили! Зачем записываться, совершенно ясно, что не вылечили, - еще через минуту он понес ахинею, которая, по убеждению некоторых психиатров, способствует уточнению диагноза.

- Вот вы говорите, что психически здоровы, голосов не слышите... Может, вы и правду говорите. Сам я - бывший психиатр, правда, меня с работы сняли. По вашим глазам вижу - вы обманываете.

Да ничего тут такого нет!.. Вот я недавно был в Баку у своего друга-психиатра... Мы поговорили и поняли, что оба больные. Сначала он дал мне вторую группу инвалидности, затем я ему.

- Оригинальный каламбур, доктор.

Этих слов он не ожидал.

- Вот видите, он и юмор понимает. Но все же лечить мы вас будем... Валентина Михайловна, провести курс галаперидола.

Глава 6

В тускло освещенном подземелье камер много. Я насчитал их по обеим сторонам около тридцати. В конце коридора прапорщик остановился и открыл дверь камеры, где мне предстояло пройти «лечение».

То, что я увидел в этой камере, повергло меня в недоумение и глубокое уныние. Я не мог даже предположить, что так называемое больничное отделение, пусть даже в тюрьме, может быть столь грязным, тесным и зловонным.

Под серым потолком, излучая тусклый свет, висит лампочка слабой мощности. Кран, из которого предстоит пить воду, висит прямо на унитаза. Тот же кран играет роль умывальника. Прежде чем напиться воды или умыться, придется почти что уткнуться лицом в унитаз. Мыло лежит на бетонированном выступе, в который вмонтирован унитаз.

Камера напоминает мусорную яму. На цементе - клочки бумаги, сгустки пищи, грязные лужицы.

На двухъярусных нарах лежат три человека. Я занял верхнюю свободную нару и решил поближе узнать, что же за люди меня окружают.

На нижней наре, слева, в нижнем белье лежит обрюзгший человек.

- Давно в этой хате, земляк? - спросил я.

- Третий месяц, - ответил он шепотом, открывая один глаз.

- Какая статья?

Он назвал «бомжовскую статью».

- Ну и чем тебя лечат? Уколы делают или дают «колеса»?

- «Колеса»... По два раза в день - утром и вечером.

- А какие? - поинтересовался я.

- Не знаю, - ответил он и закрыл глаза.

В это время человек, на койке которого я сидел, закопошился, начал стаскивать одеяло. Я увидел бледное, потное лицо совсем молодого парня. Глаза у него были закрыты. Словно тяжело больной, медленно-медленно он спустил с нары ноги. Я приоткрыл и увидел, что его тело бьет озноб. Руки сведены судорогой. Заикаясь, он обратился ко мне.

- Зем-ик-ик-ляк... за-за-крути покурить... Я не могу!

Мне стало страшно. Я вспомнил... Я прекрасно понял, что с ним происходило. Это были прямые последствия применяемых препаратов: сульфазина, аминазина, галаперидола.

- Парнишка, тебя закололи? Как тебя зовут?

- Ко-о-о-о-ля, - заикаясь, выдавил он.

- И давно колот... чем?

- Теперь только а-а-миназином... раньше сульфазин и галаперидолом.

- А за что, Колек?.. Может, ты болеешь?.. Я вставил ему в зубы самокрутку.

- Не-е-е-е лечился. Чтоб не шумел.

Знакомая история. В нашем «самом гуманном» обществе недостаточно всевозможных изоляторов и карцеров. Людей физически развинчивают, заставляют страдать многие месяцы в психиатрических застенках.

Коля меня не удивил. Целых полгода я находился в подобном ему состоянии.

Принесли пищу. Теплая пища ничем не отличалась от той, которую разносят в тюремных корпусах, которую так расхваливают администрация и определенные слои заключенных.

С верхней нары спустился третий. Наголо стриженный, двухметрового роста верзила, он выглядел враждебно и мрачно. Я обратился к нему со стандартными в этих стенах вопросами.

- Давно тут, земляк? С зоны пришел или с воли? Он мрачно на меня уставился, но ответил относительно вежливо:

- Пятёрка сроку... Привезли с зоны.

- Если привезли в «Кресты», значит, раскрутка? Он утвердительно кивнул и неожиданно изрек:

- Ты, земляк, лучше со мной не разговаривай... Я людям приношу несчастье... Тебе тоже принесу...

Как говорится в этих стенах, он меня «в момент срубил с хвоста».

Трудно определить, что это было. С моей точки зрения, человека, подававшего множество людей, томящихся в психиатрической системе, это был или надлом, порожденный длительной депрессией, или попытка симуляции доведенного до отчаяния человека.

Я выбросил остатки баланды в унитаз, закурил самокрутку и поднялся на свою нару. Мне было над чем поразмыслить. Вечером этого дня или на следующий день утром меня поведут на уколы.

Я хорошо знал, что от моего теперешнего, пусть подавленного, но все же трезвого состояния не останется и следа. Уколы принесут физическую немощь. Вслед за этим придет страх, не говоря о болевых ощущениях. В этом гробу среди отщепенцев, готовых на все, физическое бессилие может иметь весьма трагические последствия. Я смотрел в серый потолок камеры и все больше ощущал, как в мою душу заползает колючий страх.

После шести часов вечера, по одному, из камер стали выводить заключенных на «лечение».

Открылась дверь. Первым повели Николая. Было тяжело смотреть, как 16-летний парень, словно паралитик, дергаясь в конвульсиях, засеменил на сеанс, завалированной под лечение пытки.

Меня повели последним. Прапорщик шел сзади. Рядом с ним, посмеиваясь, шли двое заключенных из хозяйственной obsługi.

Один из них, атлетического сложения, цедил сквозь зубы:

- Сейчас ты по-другому запоешь... Быстро все вспомнишь...

Это злорадство таких же заключенных - еще одно проявление систематического попрания человеческого достоинства, воспитанного везде и всюду. Милосердие осталось уделом тех истинно благородных людей, которых мало и которые сохранились, благодаря чуду.

Меня привели в маленькую процедурную. Пожилая медицинская сестра любопытно взглянула на меня.

- Так..., что у вас? - она провела пальцем по столбику фамилий, назвала мою и прочитала: - Аминазин и галаперидол... Сегодня пять кубиков.

На меня напал самый настоящий животный страх. Я ощутил, как на мой здоровый организм обрушивается шквал всевозможных химических соединений. Потянутся длинные, полные кошмаров месяцы. Я вновь испытываю ад среди двуногих, именуемых себя людьми.

Сестра... я не хочу!!! Зачем мне уколы, я совершенно здоров!

Она фальшиво улыбнулась и сказала:

- Милый мой, я здесь ни при чем. Да и что для тебя эти пять кубиков... А завтра скажешь врачу, он тебе отменит.

Помощник из санитаров сбросил телогрейку. Красуясь мускулатурой, он подошел ко мне, положил руку на плечо и голосом надзирателя заорал:

- Татьяна Ивановна!!! Да что вы с ним разговариваете... врач назначил, значит, будем делать!!!

Я сбросил его руку и отскочил в сторону.

- Сестра, я отказываюсь от уколов, мне необходимо дать показания.

Санитар схватил меня за шею и стал валить на кушетку.

- Отпустите, гады!!! Что ты делаешь, фашист поганый, - вырываясь, кричал я.

Пригнувшись, я схватил его за ногу и дернул на себя. Мы повалились на пол. Подбежал прапорщик и стал выкручивать мне руки.

- Отпустите, сволочи!!! Зовите ДПНСИ¹, у меня срочные показания.

- Подожди, Валера... пусть скажет... Да подожди ты, Валера, не трогай его.

Валера, так звали садиста-санитара, фанатично ее уговаривал:

- Татьяна Ивановна, врач будет недоволен! Татьяна Ивановна, укол нужно сделать!!!

Я отчаянно вырывался. Был момент, когда я мог его ударить, но это было бы моим приговором, повлекшим бы за собой многие месяцы, проведенные в этом пыточном равелине, находящемся в центре страны.

Медсестра для себя что-то решила. Она стукнула ладонью по столу и уже с металлическими нотками в голосе крикнула:

- Немедленно его отпустить! Дежурный, прекратите безобразие!

Обрызгший прапорщик отпустил мою руку. Санитар вышел из процедурной.

Тем временем сестра куда-то звонила. Трубку, видимо, не поднимали. Наконец ее лицо оживилось.

- Инна Борисовна, тут один больной от уколов отказывается. Желает давать следователю показания... Да... с сегодняшнего дня назначен галаперидол и аминазин... Говорит, здоров, хочет давать показания.

Я понимал, что в данный момент решается вопрос моего здоровья минимум на три месяца. Я молил бога.

Она положила трубку.

- Ну что ж... на сегодня вам разрешили не делать. Завтра придет врач, решит, как быть дальше.

Садист из хозобслуги смотрел на меня змеиным взглядом. Когда меня вели обратно в камеру, он приблизился и в самом прямом смысле зашипел:

- Ш-ш-ш-то... пролезло на сегодня? Завтра не выйдет... В шесть часов придет другая смена... принципиально будем делать.

Мне ужасно хотелось свернуть его бычьей шеей, но единственное, что я мог сделать в этих условиях, это сказать:

- Подожди, падло беспредельное, мы еще встретимся!!!

Позже в других камерах я узнал, что этого заключенного «шныря» все знают в 4-0 и все ненавидят.

Всю ночь я не спал. У меня не было сомнений, что врач, который появляется только в десять-одиннадцать часов утра, уколы мне не отменит. Утром благодаря «заботам» Валеры вновь пришедшая на смену сестра обязательно прикажет меня заломать и сделать укол. После первого же укола, когда мои глаза замутятся, а язык сведет судорога, объяснять уже не будет никакого смысла. Что делать?

Я знаю, есть люди, которым в самый последний, критический момент является бог, принося спасение. Себя я отношу именно к этой категории людей, отмеченных божьей милостью.

В шесть часов утра Всевышний помог мне найти выход из создавшегося положения.

Несколько ударов в железную дверь. В кормушке появляется недовольное лицо дежурного прапорщика:

- Начальник, мне срочно нужно написать заяву. Принесите бумагу и ручку.

Он смотрит на меня и цедит:

- Что там еще такое..., а?

- Начальник, я буду писать заявление в спецчасть... Там все укажу.

В его заиндевелых мозгах, видимо, вспыхивают картины, одна краше другой. Он представляет, как я рассказываю о вскрытых сейфах, зверских убийствах, спрятанных миллионах. Через пять минут он передает мне два листа бумаги и шариковую ручку. Я пишу:

*Начальнику ИЗ
от подследственного ...*

Заявление...

Прошу немедленно меня вызвать для дачи показаний о вновь открывшихся фактах по моему делу. Ранее симулировал психически больного, за что прошу у администрации прощения.

Примитивно, но это единственное спасение. Сейчас о моем заявлении в первую очередь узнает медицинский персонал, затем из спецчасти придет оперативный работник. «Звездочки на дороге не валяются».

На укол в восемь часов утра меня не повели. К девяти часам открылась дверь, и прапорщик повел меня на свидание с оперативным работником.

В кабинете за столом сидел молодой рыжий детина и пальцами-сосисками приводил в порядок стопку листов. Когда прапорщик удалился, он пригласил меня сесть, слегка наклонился в мою сторону и заговорщическим голосом спросил:

- Что вы нам хотите сообщить? Я вас слушаю, - и с серьезной миной на лице добавил: - Не бойтесь, об этом никто не узнает.

- Гражданин лейтенант, почему меня здесь держат?.. Я желаю давать показания, не хочу затягивать следствие. Мне назначают уколы. Чтобы отсюда выбраться, я начинаю на себя клеветать. Если вы меня отсюда не вытащите, напишу прокурору по надзору. Думаю, администрация понимает, если каждый начнет затягивать следствие, что может получиться.

Я умышленно акцентировал именно на обстоятельстве затягивания следствия. Жаловаться на эскулапов в принципе было подобно детскому лепету на лужайке. Судьба одинокого беззащитного человека абсолютно безразлична бюрократам в нашей стране. Даже адвокат в процессе следствия нам не положен, так как недоверие, озлобленность, зависть привели к тому, что сотрудники юридического аппарата не имеют доверия друг к другу. С моей точки зрения, это и есть врата, откуда начинается бесправие.

По мере уяснения моих пламенных речей о необходимости давать показания и не затягивать следствие лейтенант терял ко мне интерес. С прямоотой, присущей такому физическому здоровому человеку, он огорченно вздохнул и сказал:

- А я думал, вы о новом преступлении мне расскажете. Ладно, переведу вас на корпус. Если что, обращайтесь, - он назвал свою фамилию и распорядился дежурному вести меня в камеру. Я ликова! Оказывается, даже здесь, в тюрьме, не ведая будущего, можно

испытать ликование. Но на этом мое столкновение с криминальной психиатрией не закончилось. Впереди меня ожидал месяц судебно-психиатрической экспертизы на улице Каляева города С. Петербурга.

Глава 7

Я - коммивояжер. Блуждая по дорогам страны, наслаждаясь минимальной свободой, я убедился, что все дороги неприкаянного, ищущего, свободолюбивого сердца ведут не в великий Рим, а в бездну тюрем. Я дал себе клятву: если выйду на свободу, никогда не стану обольщаться прелестями той мнимой свободы, которая порой казалась мне раем. Что такое ад, я познал, а вот рай... Ад был реальным. У меня остались от него на теле рубцы. Они зримые и плотные на ощупь. Они, словно звезды на черной скатерти, разбросаны на моей спине, груди, руках. Это шрамы, полученные в Карагандинской тюрьме и казахстанских лагерях. Одни из них ножевые, а другие - следы от язв, съедавших тело, возникших в неотапливаемых камерах лагерных изоляторов. Что касается рая... Был ли он вообще? Мне не был нужен «рай» Гаргантюа. Мой рай всегда ассоциировался со свободой. Свободой творчества, вероисповедания, свободой бродяги в том числе, и, наконец, великой свободой, подаренной богом, свободой мироощущения.

Мое детство проходило на западной окраине страны. Я часто брал бинокль, влезал на дерево и рассматривал людей по ту сторону государственной границы. За полоской ничейной земли простиралась Румыния. Цейсовский бинокль позволял разглядеть дома, людей, животных. Уже тогда я знал, что богатые благородными приключениями земли находятся там, в глубинах этой страны, за ее пределами и дальше. Мне ужасно хотелось туда, но я был мал, была граница с колючей проволокой, и еще было столько всего, о чем я и не подозревал.

Да, время в тюрьме идет медленно. Опять я закрываю глаза, и опять из огненно-рыжих разводов, всплесков памяти, встает очередная когда-то пройденная дорога. словно нотные знаки у больного музыканта, в моем мозгу ранеными птицами трепещут обрывки рифм, позабытые стихотворения. Губы шепчут, шепчут. Сами по себе рождаются новые стихи:

КОММИВОЯЖЕР

Коммивояжер усталой походкой бредет по этажам,
Там жарят лук, там пахнет водкой, и шум и гам.
Через плечо у коммивояжера висит фотоаппарат
«Фотограф, что ли?.. Вот умора». И частый мат.
Да, я - бродячий фотограф... проще коммивояжер
Если б в геологии - был бы топограф. Но я не вор!
Можете сфотографировать ребенка... вот образцы
Ах, вы желаете котенка? Н-н-да, молодцы.
Можете расплатиться сразу, а можете потом,
Хотите его рядом с вазой? Одну? В альбом?..
И чтоб стоял на задних лапках и вдаль смотрел?
Но это не шапочка, а шапка, под грузом сел?
Бабушку?.. Можно... ведите, пусть на кровать...
Зачем этот бантик... не чудите.... дайте сказать.
И опять гудящие ноги, идет коммивояжер
Обивает чужие пороги. Но он не вор!

О господи! Оказывается, для музы тюрьмы не исключение. И как они с Фемидой уживаются. Одна капризная, а другая... Нет, Фемиду лучше не трогать. Встать бы и записать строчки нового стиха. А может, лучше запомнить и записать завтра? Ведь и так в камере на меня смотрят подозрительно. Вот до чего довели бюрократы. Человек с ручкой воспринимается как потенциальный враг.

Иногда меня спрашивают, о чем я пишу и почему так много. Приходится лгать, ссылаясь на всевозможные жалобы, ходатайства, заявления. Говорить о своих литературных увлечениях не следует. Рядом не политические ссыльные, а уголовники из рабочих, крестьян и мещан. И те, и другие не терпят малейшего взлета человеческой мысли. Вначале будет неискреннее восхищение, а потом ядовитая ирония и откровенная вражда. Понимание можно встретить в редчайшем случае и только при случайном стечении людей доброй воли.

Глава 8

По национальности я - украинец. Очень часто меня спрашивают, что заставило меня покинуть цветущую землю и отправиться блуждать по огромной стране. Если приходится отвечать, даю совершенно исчерпывающий ответ. Мои земляки, которых я встречаю в различных регионах страны, этот вопрос возводят в разряд труднообъяснимых философских вопросов. На этот вопрос я всегда отвечаю лаконично: Украина разорена! От хорошей жизни не стали бы ее сыны отправляться на поиски лучшей доли. Времена надежд, времена Запорожской сечи канули в вечность.

В то время, когда я покидал Украину, она захлебывалась в мутных реках самогона. Безысходность и несправедливость достигли таких размеров, что многие свободолюбивые люди, чтоб не сойти с ума от бесцельного прозябания, сломя голову неслись неведомо куда. Но по настоящему можно было спастись только покинув пределы этой страны. Такой возможности не было.

Помню, когда я учился в школе, из Америки приезжали погостить на Родину люди, которые покинули страну задолго до моего времени. Глядя на них, я никак не мог уловить взаимосвязь между нашей пропагандой, гласящей, что люди там обречены на погибель, и внешним обликом этих людей. Помню, в школу в сопровождении местных людей пришли двое. Пожилые мужчина и женщина. Они выглядели так, словно прибыли с другой планеты. Седая женщина была одета в серебристое мантио, отделанное чудесными натуральными мехами. На ее пальцах сверкали перстни. Мужчина, ее муж, также поражал. Величавый, спортивной выправки, он обладал походкой лорда. Элегантное светлое пальто, широкополая шляпа, добротные кожаные ботинки. Они ходили по территории школьной усадьбы, смотрели на ветхое одноэтажное здание и из их глаз бежали слезы. Рядом шли их братья, сестры, наши колхозники. Проводя сравнение, невозможно было удержаться от улыбки. Кургузые фигуры женщин в потертых плюшевых пальтишках. Мужчины в не менее потертых «москвичках» с облезлыми шалевыми воротниками. И те, и другие в кирзовых сапогах.

Почему американцы украинского происхождения так выглядели? Что это было? Крестьяне, ставшие миллионерами?.. Я спросил, мне ответили. Женщина там, в Америке, всего-навсего домашняя хозяйка. Муж - фермер, владелец небольшого земельного участка. Все это не укладывалось в моей голове.

Глава 9

Я - коммивояжер. Зимой работа в бескрайних казахстанских степях небезопасна и для многих моих коллег имела трагический исход. Страшные морозы, мгновенно разыгрывающиеся бураны не щадят одинокого путника.

Александр Латуковский, сборщик заказов, замерз в одном из совхозов Гурьевской области. На этот раз бескорыстная вера в людей Сашу подвела. Окоченелый, он ходил от дома к дому, стучал в окна, но добропорядочные крестьяне, которым Саша долгие годы приносил радость, подписали ему смертный приговор. Его так и нашли под дверью на корточках, с зажатой папкой под мышкой, в которой находились образцы. Мертвого и бесконечно терпимого.

Второго моего знакомого, наборщика Сашу Попова, по кличке Святой, в сорокаградусный мороз избил пьяные казахи, а затем бросили умирать. Весной 1982 года, когда растаял лед на реке Ишим, всплыл труп неизвестного мужчины. Это закончил жизненный путь Толик Дрововоз, разъездной фотограф, сборщик заказов, бродяга-еврей.

Из лиц ушедших чаще всего ко мне приходит лицо Саши Святого. Этот наборщик обладал воистину редким даром в кратчайшие сроки выполнять огромный объем работы. Его умение входить в контакт с населением не имело границ. Однажды в Москве между наборщиками произошел спор, сумеет ли Саша здесь, в центре Москвы, найти желающих заказать фотопортреты. Он согласился и, чтобы оправдать репутацию уникального коммивояжера, пошел работать без образцов. Каким же было наше удивление, когда спустя полчаса он вынес из подъезда девятиэтажного дома восемь оригиналов.

Саша не обладал физической красотой. Сломанный в драке нос, шрамы на лице, по всем меркам такие дефекты должны были отталкивать от него клиентов. Но все это отступало, когда Саша начинал говорить. Улыбка и добрые глаза притягивали к себе, словно магнит. После нескольких фраз, сказанных Святым, люди открывали семейные альбомы, и он получал заказы.

Глава 10

Когда город погружается в дремоту, предшествующую сну, в тюрьме наступает вторая жизнь. В камерах заключенные разбиваются на группы, начинаются игры в карты, нарды, шахматы. Иногда через следователей в камеру попадает чай. Жалкие подачи делаются следователями в корыстных целях. Любыми путями заставить говорить. Так поощряют цирковых животных: удачно исполненный трюк - кусочек сахара или мяса.

Если в камере есть чай, в камере праздник. Кружка ходит по кругу. Чифирь возбуждает нервную систему подобно алкоголю или наркотику.

Я не люблю играть в карты. Бег моих мыслей всегда движется в ином направлении. Заставляет брать в руки ручку и писать. Я часами лежу на спине и пишу.

Утаить то, что я пишу стихи, все же не удастся. Меня просят прочитать написанное, Как правило, свои стихи я не читаю.

Слышал я, что ты, голубоглазая,

Перестала плакать и рыдать.

Слышал я, что ты, голубоглазая,

С фраерами начала гулять...

Самые «веселые» камеры в «Крестах» - это так называемые дорожные. Несмотря на изоляцию, через тюрьму незримой нитью проходят дороги, по которым идет масса всевозможной информации.

До психиатрического отделения «четыре-ноль» я сидел в «дорожной хате». Напротив нашего корпуса на расстоянии 30-40 метров находился корпус, в котором содержали женщин. Щели в жалюзи позволяют наблюдать окна женских камер. И не только наблюдать.

С наступлением ночи в дорожных камерах лихорадочно готовятся к «работе». Из тайников извлекаются «стрелы» и духовые ружья.

«Стрелы» и трубы изготавливаются из газет, наконечники - из хлеба. В хвост «стрелы» вставляется хлебный шарик, к которому прикрепляется нейлоновая нить. Для получения нитей распускаются нейлоновые носки. Выстрел - и стрела в грациозном полете несется к намеченному окну. Еще мгновение - нить в женской камере. К нейлоновой нитке подвязывается тонкая бечевка. По длине она дважды покрывает расстояние между камерами... После перетягивания капроновая нить отвязывается, получается кольцевая дорога из одной бечевки. На бечевке пришиты узкие мешочки - «бундуки», в которых будет приходиться почта, таблетки, сигареты.

Это занятие нельзя назвать безопасным. За нами следят как со стороны тюремного коридора, так и с тюремного двора. На дворе то и дело раздается лязг металла. Это надзиратели бросают на нити дорог железные «кошки». Иногда в камеру врываются надзиратели и, несмотря на глухую ночь, перерывают все вверх дном. Дороги часто рвут стрелы, ружья отнимают и уничтожают, но к следующей ночи все готово опять. Несмотря на жестокость, подлость, пошлость, которыми пропитаны стены и воздух тюрьмы, наши сердца рвутся к представительницам прекрасного пола, правда, представительницы эти выглядят при случайных встречах довольно вульгарно. Жутко размалеванные, иногда при татуировках и в полуспущенных драных чулках, но наши сердца все же жаждут любви.

Иногда среди женщин мелькают довольно интересные экземпляры, попадающие в эти стены или по недоразумению, или в силу жесточайших стечений обстоятельств. Эти несчастные в основном находятся в тюремной больнице, так как не выдерживают, вскрывают вены, пытаются отравиться таблетками.

И вот долгожданный ответ получен. Представительницы слабого пола - воровки, наркоманки, а зачастую убийцы - написали нам нежное письмо. Всей камерой взволнованно мы читаем: «Дорогие мальчики, в нашей камере двенадцать девочек. Марина у нас самая молодая, ей 19 лет. Она сидит за растрату. Далее идет перечисление имен, возрастов и кто за что сидит. Мы понимаем, кроме желания переписываться, все в этом письме - ложь. Из их слов почти все сидят за растрату, все не старше тридцати лет и все не замужем. Ничего удивительного. О каком замужестве может идти речь, если тюрьма поглотила всех нас на длительное для человеческой жизни время. Даже в редчайших случаях отмены приговора или оправдательного исхода следствия мы здесь пробудем 6-7-8 и больше месяцев.

Тюремные «кельи» знаменитых «Крестов» расстаются с людьми нехотя, с извечным скрипом и медлительностью колеса правосудия.

Из полученного списка я выбираю Елену, 27 лет. По ее словам, она работала в гостинице «Европейская» официанткой. Одна из посетительниц ее оскорбила, и Елена ударила ее ножом. Лаконичный текст ее писем убеждает, что она пишет правду. Ударить клиента ножом. Не правда ли, такое возможно только у нас?

Мы переписываемся уже неделю. Адаптацию в тюремном климате я прохожу плохо. Время от времени ужасно болит голова. Лечение одно - таблетка анальгина.

Моя знакомая Леночка не лишена своеобразного юмора. После моего упоминания о головной боли она пишет: «Будь мы на воле, я бы тебя вылечила. У тебя потому болит голова, «что осталась без работы вторая голова». Возможно, она права.

В камере есть двое из касты «прокаженных». Они спят в углу возле параша. Одному двадцать два года, а второму - тридцать. В момент, когда я пишу эти строки, одного из них под нарой пользуется заключенный по кличке Геббельс. Слышится возня и рассудительные комментарии, как держать ноги и совмещать движения.

В такие минуты мне хочется металлической миской расколоть обоим головы. Я верую в бога, а бог сотворил мужчину и женщину не для того, чтобы подобное творилось в этом мире. Даже пожирающие друг друга твари не доходят до степени падения, на которую способен человек.

Еще через неделю Лену увозят на суд. Женщины пишут, что она получила пять лет. Ее переводят в камеру для осужденных. Следы теряются.

Чтобы хоть чем-то питать душу, я завожу переписку с другой женщиной. К тому времени мы меняем камеру «застрела». Причиной послужило перехваченное письмо. Из него мы узнаем, что наши женщины ведут двойную игру. Неверных нужно наказывать, и мы налаживаем дорогу в другую камеру.

На этот раз я затеваю переписку с особой по имени Ольга. В целях маленькой конспирации я называюсь Игорем. Ольга, Игорь - прямо как со страниц истории. Той нашей истории, которой можно верить.

Ее письма остроумны, грамотны и пронизаны огнем истосковавшейся по мужской ласке темпераментной женщины. За ночь мы прогоняем дорогу два, три раза. Каждое письмо - теплый, нежный прилив.

Тоненькие рулончики бумаги перевязаны серебряными ниточками. Каждый рулончик надушен сухими духами. Я вдыхаю аромат, и мне до боли хочется на свободу. Кто она - эта женщина? Если пишет правду - ленинградка, работала на валютной стойке в гостинице. Появились связи, деньги, возможность хорошо пожить.

Как ее арестовали, она не пишет. В мужском корпусе в «Крестах» сидит ее подельник, директор гостиницы. Он и она молчат. Показания дает бухгалтер, которая тоже арестована.

Ольга сообщает мне свой Санкт-Петербургский адрес. Мы договариваемся встретиться, когда придет свобода.

Милая Ольга с Канонерки, где ты сейчас?

Через несколько дней меня увозят на улицу Каляева, туда, где находятся мрачные корпуса Санкт-Петербургской судебно-медицинской экспертизы.

Обычно после назначения любой судебно-медицинской экспертизы заключенный ожидает ее три-четыре месяца. Но мой следователь, человек редкого упорства, устроил все в течение трех недель.

Меня везут на судебно-медицинскую психиатрическую экспертизу. Со мной в милицейском «автозаке» еще один человек - двадцатипятилетний грузин. У него лицо дистрофика, но по повадкам и манере разговаривать узнаю в нем опытного рецидивиста. В предварительной камере перед посадкой в машину он разговаривал с другими заключенным. Во всем чувствовалась волчья хватка.

На экспертизу он возлагает большую надежду. Этот заключенный, без сомнения, здоров, что касается других заключенных, действительно больных шизофренией, обследование сводится к формальности. Постараюсь подробно описать, как происходит судебно-медицинская психиатрическая экспертиза в городе Санкт-Петербурге.

В наручниках нас привели на пятый этаж старинного кирпичного здания, где размещается судебно-психиатрическая экспертиза.

На нижних этажах и в других корпусах размещаются отделения.

Там отбывают наказание те редкие люди, которых все же признали больными. Фактически это люди, которых даже неопытным взглядом человека, не сведущего в медицине, можно признать больными. Из окна своей камеры я видел прогулочные дворики, где они гуляли. Это паралитики, ярко выраженные дистрофики, люди, страдающие всевозможными врожденными физическими отклонениями.

Когда нас переделали, мой компаньон, грузин, резко изменился. От бойкой речи и энергичных движений не осталось и следа. Он по-гусиному вытянул шею, выставил огромный крючковатый нос и, держа руки по швам, неожиданно мелкими шажками засеменил по длинному коридору. Пожилая медицинская сестра быстро пошла вслед за ним.

- Эй, ты, как тебя звать, ты куда?..

Грузин, делая вид, что не слышит, семенил дальше.

- Ты что, оглох?.. А ну стой!!!

Она схватила его за рукав.

- Как тебя звать?

- Гога, - сказал он тоненьким голоском и сделал плаксивое лицо.

Тон сказанного, его походка были настолько смешны, что я, отвернувшись, рассмеялся.

- Гоша, сядь здесь и никуда не ходи.

Она усадила его на стул под стенкой и принялась ножницами остригать ему ногти. В то же время милиционеры сковывали «браслетами» партию заключенных, уже прошедших экспертизу.

Им предстояло возвратиться обратно в «Кресты».

Вдали от стола медицинской сестры и кабинетов врачей по обеим сторонам размещались обитые железом двери камер. Через 5-10 минут нас с Гошей поместили в камеру № 6.

В камере стояли две железные кровати. В общем, ничего не свидетельствовало о том, что судмедэксперт находится в городе С. Петербурге. Загаженные мухами стены, окно с ржавыми решетками, паутина и пыль.

Так как тумбочки в камере не было, мы сложили прямо на пол несколько имеющихся у нас сигарет и легли в постель. Через минуту открылась кормушка, нас позвала санитарка.

- Ребята, вот вам по пять сигарет на брата, дневная норма. Будете в камере мыть полы, получите еще по одной дополнительно.

Это неожиданное проявление гуманности, по-видимому, должно было списывать произвол администрации, который здесь царил.

В окошко несколько раз заглянули, а затем, видимо, интерес к новеньким пропал. Мы с Гошей разговорились.

- А у тебя нормально получается, - сказал я и, вспомнив его физиономию в момент приема, опять рассмеялся.

- Э-э-э-э-э, земляк, не гавари... У меня третий судимость, с «химией» сбежал... Авария сделал... Если признают больной, хоть чуть-чуть получу статья смягчающий. Если нет, семь лет придется тянуть. Тебе что, у тебя статья легкий... на твоём месте я бы вообще дуру не гнал... Они запросто могут запороть уколами.

Я внимательно его слушал. Откуда ему было знать, что симулировать я и не собираюсь. Наоборот, я панически боялся, как бы меня не признали больным. Грузин также не мог знать, что меня почти семь месяцев, словно подопытного кролика, насильно пичкали всевозможными препаратами, которые только имеются в арсенале психиатров. Только чудом я избежал метода лечения, который сводится к введению организма в состояние комы. По мнению психиатров, в момент, когда отключается мозг, из памяти как бы высвобождается ненужная «больная» информация. В тот не такой уж далекий год я наблюдал за несчастными, и видел, как порой после шокового состояния из их мозга уходила та последняя информация, которая делает людей людьми.

- У нас с тобой, Гоша, разные интересы, кроме одного - выйти на свободу. А в плане лечения в психбольницах пусть меня бог милует. Я через всю эту музыку уже прошел.

Он с интересом уставился на меня. В этот момент дверь открылась и появился краснорожий верзила в белом халате. Он назвал мою фамилию.

- Собирайся к врачу... Пижаму можно не надевать, иди в белье.

Я все же надел дырявую пижаму, и мы пошли по длинному коридору в сторону врачебных кабинетов.

Санитар привел меня в кабинет и вышел. В просторной комнате за полированным столом сидит пожилая женщина в белом халате. Неприятным скрипящим голосом она скомандовала:

- Сядь на стул!

Фамильярное обращение, это «сядь» не обещали ничего хорошего. Она оторвалась от бумаг и взглянула на меня. На желтом дряблом лице холодно мерцали немигающие змеиные глаза. Я понял, что человек с такими глазами не может чувствовать чужую боль. Мало того, он злораден и жесток.

- Еще один симулянт!!! Ну говори, - она сразу же перешла на крик, - что натворил?! Чем болеешь - говори!!!

Я был в самом прямом смысле потрясен. Все ее существо дышало злобой. Казалось, сейчас из этих старческих уст брызнет мне в лицо желчь или яд.

Мои измочаленные нервы все же выдержали.

- Я совершенно здоров и ничем не болею... Не знаю, зачем меня сюда привезли.

Она продолжала кричать:

- Сюда здоровые не попадают!!! Говори, чем болеешь?! Если не скажешь, мы тебя заколем можетиллом, галаперидолом!!!

Я все еще не мог опомниться, не верил своим ушам. Только что она обвиняла меня в том, что я - симулянт. Теперь она кричит, что здоровые сюда не попадают. Вот они - пещерные методы, которыми пользуются С. Петербургские судмедэксперты для установления диагноза. Примитивщина, грубость, полное проти-воречие между существующими в мире законами гуманности и действительностью. Вот о таких психиатрах писал Ярослав Гашек в своей книге «Похождения бравого солдата Швейка».

Наконец ее выкрики мне надоели. В свою очередь я рявкнул:

- А чего вы на меня кричите?!

Это старое изъеденное желчью существо, оказывается, еще и дрожало за свою жизнь. Отпрянув от меня, она нажала на кнопку звонка. В комнату вбежали прапорщик и санитар:

- Почему вы ушли?! Я же говорила вам, из кабинета не выходить?!

Санитар разводил толстыми руками и вращал в недоумении заплывшими глазками.

- Звиняюсь, запоматывал... Я за дверями стоял!

Я смотрел на этого идиота, пришедшего со страниц чеховских рассказов в конец двадцатого века, и ясно вспоминал, что приказа санитару не выходить из кабинета она не отдавала. В этих стенах явно процветало самоуправство и оголтелое человеконенавистничество.

Меня увели в палату. Какие она сделала для себя выводы о состоянии моего здоровья, я не знал. Да и кто в силах разгадать замыслы самодура, облеченного властью?

Через некоторое время к врачу повели Гошу. По его описанию, ему попался другой врач. Методы диагностирования в С. Петербургской судмедэкспертизе у всех врачей одинаковые. У всех, по-видимому, был один учитель, который в свою очередь учился у учеников Сталина. Гоша поведал:

- На мне кричали, обещали заколоть какими-то мажептилом и галаперидолом... Я такой дурак еще не видел... Еще немного - дал бы ей по башка.

- Вот тогда бы больным наверняка признали и поместили в бессрочку, - сказал я. - Ты знаешь, что такое бессрочка?

Гоша внимательно на меня посмотрел и сплюнул прямо на пол. Я понял: что такое бессрочка, он знал.

В тот же день, к вечеру, меня перевели в одноместную камеру № 4. Это обстоятельство повергло меня в немалое уныние. Еду приносили в синтетических мисках, питье - в эмалированных кружках. Поскольку в свободной жизни я немного гурман, попадая в условия неволи, к пище отношусь однозначно: есть, чтобы не умереть. Хвалить тюремную пищу - в моем понимании - это проявление убожества. В тюрьме есть множество людей, которые о качестве пищи судят по ее количеству:

- О-о-о-о-о, чем не жизнь! Кормят хорошо.

Или:

- Вот бы попасть в больничку... там жри, сколько хочешь, компот дают!

Ну что на это можно сказать, кроме одного: «несчастный народ, убогие нравы».

Эмалированная миска доверху наполнена картофельным месивом вперемешку с нитями консервированной тушенки. Тушенка - обман зрения, не более. На первое - щи из капусты. Много жидкости, много капусты. И еще компот из сухофруктов. Медсестра в недоумении:

- Плохо кушаешь... почему? Сюда ваш брат мечтает попасть, а ты что-то...

Компот выпит. Ставлю кружку во что-то наподобие ниши в монашеской келье и закурываю. «Третий день в одиночестве. Что ждет меня дальше?»

Газеты и книги в камеру не дают. Лежу на койке и смотрю на безучастную электрическую лампочку, источающую могильное освещение. Этот свет - назойливый и вечный. Набрасываю на глаза полотенце, пытаюсь уснуть.

Раздается щелчок, потом скрип. Камера открывается, входят двое санитаров и прапорщик.

- А ну-ка, давай сюда полотенце. Не хватало нам еще за тебя отвечать.

Вот оно что... Бояться, что я покончу с собой. Но ведь я не вставал, не готовил петлю, обычное приспособление человека, которому мешает уснуть электрический свет. «Господи, до чего перестраховщики и дуболомы!»

Они уходят. Я снимаю с тела рубашку, складываю и опять покрываю глаза. Дверь опять открывается, входят те же.

- Ну, парень, мы так не договаривались... Пойдешь с нами. Они хватают меня под руки.

- Да вы что, окабанели?! - кричу я и пытаюсь освободить руки. - Чего пристали?!

- Пой-де-шь!.. - заламывают руки и тащат из камеры. - Мы же тебе добра желаем.

Ага... меня спасают от самого себя. Мне нужно им руки целовать, а я вырываюсь. Ладно, посмотрим, чего они хотят... лишь бы не одели самозажимающиеся наручники. А впрочем, час от часу легче. Если всунут аминазин или сульфазин, станет, пожалуй, хуже, чем в наручниках.

Оказывается, мой врач сегодня дежурит. Она мертвыми глазами смотрит на меня и удивительно спокойным голосом говорит:

- Ну вот... Надо было сразу сказать, что болеете, а теперь с вами возись... Сделайте ему два кубика тезерцина.

От такого оголтелого безобразия я прямо-таки сатанею. Я хорошо знаю тезерцин. Этот препарат спустя 15-20 минут после введения делает из человека кучу мусора. Да и за что, почему?..

- Доктор, я не собираюсь с собой кончать, прекратите издеваться. Вы что, не человек?.. Не понимаете - когда хочется спать, но мешает свет, покрывают глаза...

На мои слова она не реагирует. Уходя в свой кабинет, бросает санитарам:

- Вы меня поняли?.. Четыре кубика!.. Два сегодня и два завтра!

Спротивляться бесполезно. Могут сделать укол и в придачу одеть наручники. Это от великой любви к ближнему. У нас любят страдальцев и любят, принося страдания, чувствовать себя страдальцами.

Знакомое ощущение... Тело словно налилось свинцом. Физическая сила отсутствует. Заторможенный мозг наполовину отказывается исполнять свои функции.

Ступить два шага до унитаза или умывальника - проблема. Как только тело принимает вертикальное положение, в глазах темнеет...

Голова кружится, силы покидают.

После двух кубиков такого состояния хватит на два дня, а на голове уже несколько ссадин. Завтра еще два кубика.

Но это еще не ад. Ад начинается там, этажом ниже, где на бессрочном влечат в муках жизнь люди, обреченные вечность выполнять роль подопытных кроликов. Собственно говоря, ад начинается в стенах каждой психиатрической больницы, поскольку методы лечения везде одинаковы, а человек везде бесправен.

Шестой или восьмой день моего пребывания в стенах Санкт-Петербургской судебно-медицинской экспертизы. Сил еще нет, но за мной пришли: необходимо идти в другой корпус на так называемую среди заключенных «шапочку». Я предупреждаю, что в любой момент могу свалиться, и прапорщик делает мне услугу - не надевает наручники. Он хорошо знает действие тезерцина, видел, что четверо суток я почти с койки не поднимался. Тем не менее решился на этот поступок после долгих колебаний и уговоров со стороны.

«Шапочка», или детектор лжи, - одна из нелепых процедур и приспособлений, взятых на вооружение авантюристами, называющими себя судебно-медицинскими экспертами.

«Кролика» укладывают на кушетку. К голове и телу присоединяются датчики, якобы устанавливающие работу головного мозга. В процедурной тушат свет, и толстая медсестра уходит в соседнее помещение дожигать свои бутерброды и поглощать чай. Затем она приходит, включает свет и, дыша луковой гнилью, сообщает прапорщикам, что величайшее умозаключение машины сделано. «Можете забирать».

Помимо «шапочки», «кроликов» еще водят на беседу к психологу. У психолога с «кроликами» затевается детская игра, раскладываются карточки с рисунками по принадлежности и видам. Этот метод в состоянии определить явных дебилов, не более...

После игры в рисунки меня опять ведут на беседу к «лечащему» врачу. После долгих колебаний и сопоставлений, я прихожу к выводу, что в подобном положении моим спасением от принудительного лечения может стать только попытка симуляции. Врач спокойным голосом предлагает мне сесть и спрашивает:

- Как себя чувствуете?

- Доктор, заберите его от меня... Он меня хочет убить!!! Она заметно оживляется.

- Кто хочет убить? Говорите... Вы что, голоса слышите?..

- Да, да... голоса... Ко мне подходит дед с длинной белой бородой и тащит меня на железную дорогу.

За моей спиной послышался ехидный голос.

- Ха-ха... галлюцинационный синдром симулирует... Н-н-да, под галлюцинационным синдромом можно миллионы делать.

Я оглядываюсь. За таким же полированным столом сидит сухопарая седая женщина и ехидно смотрит на меня сквозь стекла очков.

Мой «лечащий» врач ей ядовито поддакивает.

- Он туда и метит... Ты что думала, он мало денег сделал?.. Вот, - она перелистывает мое дело, - ездил с любовницей в Таллинн..., жили в гостинице.

Ну я и попал! Мало того, что они злые, завистливые, желчные старухи, так они еще являются судебно-медицинскими экспертами. Сколько же здоровых людей эти люди обрекли на муки и сколько больных послали кончать свою жизнь в лагерные карцеры на утеху и пытки истинным уголовникам?!

У меня кажется получилось. Оказывается, нормального поведения для определения того, что человек здоров, в этих стенах недостаточно. Чтобы избежать пыток, необходимо себя оклеветать. Преподнести достаточно «улик», чтобы экспертиза могла смело поставить диагноз: «Попытка симуляции».

После второй беседы меня переводят в трехместную камеру. Здесь вместо кроватей двухъярусные койки. Система не изменяет себе, даже под знаком Красного Креста. В камере пока пусто. Я занимаю нижнюю нару.

Вскоре ко мне подседают второго.

Затравленное толстое существо с синяками под глазами. Оказывается, этот тип не кто иной, как сын известного санкт-петербургского профессора. Самодур папа упрятал через знакомого следователя порочное чадо в «Кресты». Естественно, не обладающий достаточной силой духа Ленья, подвергся со стороны заключенных издевательствам. Спасая от побоев, его перевели до истечения первичной двухмесячной санкции в судебно-медицинскую экспертизу. Обо всем поведал мне сам Ленья, и это было именно так. Пришедший из отпуска заведующий экспертизы прямо на обходе начал Леню упрекать в неприятностях, причиненных папочке, а затем вызвал на аудиенцию. Профессорского сына признали нормальным и, к его великому горю, готовят на выписку в «Кресты». До окончания первичной санкции остается три дня. Для Лени эти три дня будут тремя днями, проведенными в аду, поскольку за свинские повадки эски его не пощадят. Ленья и меня порядком раздражает, но я понимаю: во всем виноват все тот же папаша, так воспитавший сына и вдруг почувствовавший к нему ненависть плюс запоздалую потребность перевоспитать.

У разносившего баланду санитара Ленья выпрашивает куски хлеба и, повернувшись ко мне спиной, постоянно жует. Делать самокрутки Леню научить невозможно. Самокрутка разваливается, и драгоценный табак оказывается на полу. Трижды я делаю ему замечания окурки не выбрасывать в унитаз, и трижды окурки оказываются в унитазе. К вечеру нам подседают третьего. В плотно скроенном, покрытом татуировками парне угадывается рецидивист. Рысьи глаза лихорадочно ищут чем поживиться, кого унижить. Мы обмениваемся фразами, он узнает, что в этой системе я не новичок, и успокаивается. Из-под одеяла пока зывается Ленья. Наметанным глазом Тулянкин, такова фамилия прибывшего, определяет кто перед ним.

Он садится возле Лени, обнимает его за плечи и говорит:

- Где я тебя, земляк, мог видеть?.. Ты на «четверке» не сидел?

Ленья сжимается в комок и, запинаясь, отвечает:

- Н-н-н-не... Я тут недавно... Скоро будет два месяца.

- А по какой статье?

Леня называет статью и часть.

- Да ты че, земляк!.. С твоим сроком можно на параше просидеть. Годишник получишь.

Он расспрашивает у Лени подробности: что украл, где, при каких обстоятельствах. Леня успокаивается, ошибочно считая, что его принимают за своего.

Уголовник долго не заставляет себя ждать.

- Тебя завтра в «Кресты» выдернут. Зашли мне свой пуссер...

Мине, если здесь не тормознут, скоро на зону, обменяю на чай...

Леня прячет глаза, встает и топчется на месте. Наконец он решается. Видимо, где-то кто-то учил, как нужно себя вести в подобной ситуации, но из уст Лени эти слова воспринимаются как лепет.

- Он мне самому нужен... Мне за него на воле двести рублей давали... ищи бабки, тогда и поговорим.

Сказанное резко меняет обстановку.

Тулянкин хватает Леню большим и указательным пальцами за нос, а кулаком правой руки бьет по голове.

- Ты овца поганая... Я за двести рублей тебя на х...й одену. Скидай, змей, пуссер, а то задолблю.

Тулянкин холоден и жесток. Взвесив силы, он прекрасно понимает, что выиграет. Я же за Леню вступаться не стану, по крайней мере до тех пор, пока насилие не достигнет запретных размеров. Леня снимает рубаху, отдает Тулянкину. Рецидивист прячет добычу в мешок и, мне подмигивая, начинает «политику праника».

- Ты на меня, братишка, не обижайся. Может, на одну зону пойдем, - говорит, забывая, что у Лени пустячная статья. - Я за тебя заступаться буду, вместе жить будем, - опять мне подмигивает.

Из своего мешка Тулянкин вынимает серую майку.

- Леха, давай, постирай, братишка... Рука что-то болит, менты выкрутили.

Последовательность, с которой опытные рецидивисты подчиняют себе слабых духом, меня всегда поражала. В неволе хомо сапиенс мгновенно теряет человеческий облик и превращается в обычного серого волка.

Вечером Тулянкин обыграл Леню в карты на интерес. Опыта у него было хоть отбавляй. Свою «карьеру» уголовного он начал с 14-летнего возраста. В замашках этого уже 30-летнего мужчины было много от малолетки. В данный момент его интерес сводился к принуждению Лени на акт мужеложства.

Зная и понимая, что вытаскивать в подобной ситуации проигравшегося - дело рискованное, я все же решил помешать рецидивисту до конца сломить это покалеченное родителями существо:

- Туля, завязывай беспредел!.. Мы находимся не в малолет- ке!.. Я за тебя срок мотать не собираюсь!..

Он попытался было «наехать» на меня, но я вскочил с нары и вплотную сошелся с ним лоб ко лбу. Он стал переводить все на шутку, и нужно сказать, что это у него получалось отлично.

- Вот тебе, Леньчик, ручка, - он протянул Лене шариковую ручку. - Засунь в «очко»¹, и мы в расчете.

Я хотел было, как говорится, впрячься, на блатном жаргоне, помешать, но Леня быстро схватил ручку и полез на унитаз. Через секунду он воткнул ее в задницу, повернулся к нам и спросил:

- Так? Теперь мы в расчете?.. Мы с Тулянкиным рассмеялись.

- Да, в расчете, - сказал Тулянкин. - Гордись, Леньчик, теперь ты искусственный педераст.

На следующий день профессорского сына увезли в «Крес-ты».

Еще через два дня в тюрьму увезли и Тулянкина.

В день отъезда он опять вскрыл вену, но врач даже к нему не пришел. Санитар, смеясь, перевязал ему руку, и конвой его увел.

Затем через мою камеру прошли убийца пятидесяти лет и девятнадцатилетний парень из Северодвинска.

После вызова к «лечащим врачам» все они возвращались возбужденными и рассказывали одно и то же: крики, угрозы заколоть можептилом и галаперидолом, откровенные издевательства.

Убийца, Толик, в прошлом боксер, явно страдал шизофренией. Но его, как и остальных, признали нормальным и увезли в тюрьму.

В соседней камере сидели мелолетки. Я с ними через решетку часто разговаривал. Обоим было по четырнадцать лет. Они целыми днями пели песни и, как правило, вечером просили у меня хлеба.

После ухода врачей медсестры раздают лекарства. Противоречия, сквозящие во всем, проявляются и здесь. Людей, которых считают нормальными, пичкают в таблетках галаперидолом, аминазином, тезерцином. Каждый из нас получал эти таблетки как по назначению врача, так и по первой просьбе у медсестер.

Необходимо отметить, что очень часто диагнозы Санкт-Петербургской судебно-медицинской экспертизы отменяются Москвой. Две школы враждуют между собой. Что касается моей точки зрения, Петербургская судмедэкспертиза - это типичное сталинское наследие, сохранившееся и поныне.

Но вот последняя, решающая медицинская комиссия. Меня проводят в кабинет. Во главе стола восседает тучный психиатр, профессор, вокруг еще несколько экспертов.

У профессора лицо порочного человека. Он раздражен, на меня смотрит брезгливо.

- Чем болеете? - спрашивает он меня.

- Ничем я не болею.

- А чем болели раньше?..

- Слышал голоса.

Мне невообразимо тошно. Хочется послать всех подальше, встать и уйти.

- Я здоров, оставьте меня в покое!

Профессор говорит, вперив в меня человеконенавистнический взгляд:

- Мы вас прекрасно понимаем, Вы говорите, что здоровы, а сами надеетесь на то, что мы вас посчитаем больным... Вы здоровы... так и напишем! И еще напишем, что вы - симулянт!

Я вспоминаю, в каком состоянии после экспертизы приходят ребята. Всех доводили до белого каления. Но мне не более, чем противно.

- Я могу уйти?

- Да, идите...

Прихожу в камеру, падаю на нуру.

- Ну как? - спрашивает меня сокамерник. - Признали?

- Ага, признали, - говорю я, - ... симулянтом.

Теперь на суде будет фигурировать определение - симулянт.

Нужно сказать спасибо следователю.

Прощай, судмедэкспертиза. Меня увозят опять в «Кресты».

Интересно, что я буду делать, когда выйду на свободу? Опять бродить по захолустьям в поисках хлеба насущного? Приносить в дома радость, чтоб когда-нибудь очередной следователь «умно изрек»: у вас располагающее лицо... Но вы преступник.

Господи! Даже лица необходимо выбирать, чтобы быть в безопасности в этой стране!

Интересно, какой тип людей больше всего устраивает правителей и их цепных псов? Думаю, тот же, который устраивал работоторговцев и господ крепостников: развитые мышцы, полусогнутая спина, заискивающая улыбка и взгляд.

Нет, теперь, если выйду на свободу, все мои силы будут направлены на то, чтобы остаток жизни прожить в обществе, где существует возможность воплотить в жизнь мечту. Возможно, мне и повезет, если до этого меня не убьют в застенках голодом, холодом или теми же медицинскими препаратами.

Я исколесил всю страну вдоль и поперек и везде видел одно:

серость и убогость с одной стороны и напыщенное самодовольство тех, кто обладает мало-мальской властью. Я - коммивояжер, человек, которого можно приравнять к канатоходцу.

Удивительно, но после месяца судебно-медицинской психиатрической экспертизы меня возвращают в ту же камеру, откуда увезли.

Я имею в виду камеру в тюрьме.

Состав почти не изменился. Все те же ребята, тот же шестидесятилетний Воробьев, который уже третий месяц ждет экспертизы у окулиста.

Среди нас есть туберкулезник. Ему дают несколько улучшенную пищу, но делается это нерегулярно. Часто забывают принести или манную кашу, или белый хлеб. Словно затравленный зверь, Виктор, так зовут этого заключенного, бросается на железную дверь и кричит:

- Вы че, суки! Командир, скажи, пусть кашу принесут!!!

Трижды в день нервное напряжение при выдаче пищи списывает все лечение, но до этого никому нет дела. Главное - галочка для отчета.

У Виктора открытая форма туберкулеза. Об этом свидетельствует принимаемый препарат РЭФ, не говоря уже о том, что у него имеются соответствующие медицинские документы. Виктора не изолируют. Он не настаивает, этого вполне достаточно.

Визит медработника чем-то напоминает игру в кубик Рубика... кто быстрее...

Неожиданно открывается кормушка. Это нанесла визит медсестра. Сломая голову к кормушке бросаются пять-шесть человек.

- Что болит?

- Доктор, я записывался у дежурного... У меня больные почки.

- Врача сейчас нет. Будет во второй половине следующего месяца.

- А мне к венерологу...

- Дерматолога тоже нет.

Она тычет каждому по несколько таблеток и сердито говорит:

- Ну кто там еще?.. Больше к вам не приду, голову только морочите.

Двое, перебивая друг друга, жалуются на зубную и желудочную боль. Одному из них она дает упаковку анальгина и, не выслушав остальных, захлопывает кормушку.

У меня ужасное самочувствие, болит голова, рвота с желчью. Вот уже пятый день не могу попасть к врачу. Ребята видят, что мне действительно плохо. В дверь бьют ногами, колотят мисками.

Я в тюремной больнице. Первыми словами, которыми меня встретили в больничной камере, были:

- Считай, земляк, тебе очень повезло. Сюда попасть практически невозможно.

Попасть в соматическое отделение «Крестов» - задача почти нереальная.

В камере двенадцать человек. Грязное, как везде и всюду в «Крестах», помещение, оснащенное умывальником с холодной водой и писсуаром. Но что больше всего меня поражает, так это то обстоятельство, что в камере, где лежат больные, страдающие желудком, почками, другими внутренними заболеваниями, нет унитаза. По-большому выводят только два раза в сутки, утром и вечером. Как больной ни страдает, как ни просит сводить его по-тяжелому, днем его охрана не поведет. Подобное варварство по отношению к больным граничит с кощунством. Именно с кощунством, поскольку больному, страдающему желудком, в первую очередь необходим унитаз.

После обеда меня пригласили к врачу. Молодой, хорошо упитанный бонвиван больше всего интересовался за что я сижу. Что он так долго записывал в медицинскую карточку, я понять не мог, но все медицинские процедуры свелись к взятию на анализ крови и мочи.

Через пять дней он вызвал меня вторично, и здесь я совершил ошибку, которая оказалась для меня в этих стенах роковой. Я рассказал ему, что находился в психиатрическом отделении 4-0. К вечеру того же дня из тюремной больницы меня выписали и перевели опять в общую камеру. Патологическая боязнь «как бы чего не вышло» и на этот раз взяла верх.

«Кресты» медленно выпускают жертву.

На следствие меня возили в один из многочисленных городишек Ленинградской области. Каждая поездка занимала приблизительно неделю.

Адвоката по-прежнему не было. Меня успокаивали, что адвокат посетит меня на закрытии следствия.

Методы работы следственных органов в этом известном районном городе в принципе мало чем отличались от методов работы ну, скажем, в Тургайской области Казахстана.

Узкие коридоры, ха-ха-ха!
Идут убийцы и воры, ха-ха-ха!
И среди них затесался глупый поэт.
Как он здесь оказался? - Судьбы привет.
- Хотел денег заработать? - следователь кричит.
- Хотел всю икорку слопать?.. - Закон не спит!
- По городам катался?.. У-у-у паразит!
- С любовницей развлекался! На чей лимит?
- У нас страна не такая, один раз в год...
- Посылка из Нью-Йорка и теплоход...
- На нетрудовые доходы явно живет!
- Шампанским явно без права полощет рот!
- А мы вот тут прозябаем... в зиндан его!
- Да что мы тут разбираем?.. Было б кого!
- Какого еще адвоката?.. Ты кто такой?
- Письмишко хочешь к брату?.. Письма долой!
- А впрочем, давай «накалякай»... может, и дойдет.
- Эй, хватит вам с этой дракой... обед идет.

В этом КПЗ в годы немецкой оккупации находилась то ли полиция, то ли гестапо. Времена меняются, но режимы уничтожают людей одними и теми же методами. Правда, сейчас перестройка, заключенных в камеры с допросов не приносят, а приводят, что касается холода, антисанитарных условий, все осталось, как прежде. Туберкулезники, гриппозные, желудочники, больные, страдающие кожными заболеваниями - все валяются на общих нарах, все пьют общей кружкой из общего ведра. В век кибернетики, электроники, освоения космоса уничтожение себе подобных остается излюбленным занятием человека.

Сегодня я закрыл дело. На закрытие следствие пригласила адвоката. Вначале наша беседа с адвокатом носила крайне неприятный характер.

- Ну вот видишь, дорогой, сколько веревочке ни виться, конец будет... Придется отвечать. Зачем совершил?!

Я опешил. Адвокат, которого я ждал как бога, продолжает линию дознавателей и «мудрецов» из судебно-медицинской экспертизы. Мои нервы не выдерживают. Я вскакиваю со стула:

- В чем дело?! Вы адвокат или прокурор?! Кого вы мне привели? - обращаюсь к следователю.

Следователь не обращает на мои слова никакого внимания, но покидает кабинет. Адвокат провожает ее взглядом и, когда она выходит, говорит со мной совершенно другим тоном. Я понимаю, что в момент моего прихода разыгрывается обыкновенная сценка из жизни советских бюрократов. Вечная перестраховка, боязнь, как бы чего не вышло, привели к тому, что даже адвокаты, прежде чем защищать, обязаны вот в таких сценках доказывать нетерпимость к подследственному.

- Ну что ж... будем вас защищать. У меня такие дела уже были... Да. А у вас деньги есть? - задает мне чисто деловой вопрос. - Как вы со мной собираетесь рассчитываться?

Я передаю адрес, по которому ему должны переслать деньги. По его тону и смыслу задаваемых вопросов я понимаю, что степень тяжести моего преступления невелика. Что касается наказания, оно за аналогичный поступок в стране, где презумпция невиновности применяется, было бы отменено.

Обсуждение дела занимает не более получаса. Адвокат обещает встретиться со мной еще до суда. Меня уводят в КПЗ.

В КПЗ грязно и холодно. В камере полно больных.

На этап в «Кресты» я не успел. Целая неделя в кишашей бациллами клоаке. И это в сердце страны. До Санкт-Петербурга на электричке сорок минут.

Глухая ночь. Мы лежим на длинном дощатом настиле и задыхаемся от испарений, исходящих из железного бака, наполненного мочей, нас шестнадцать человек. Чтобы забыться, я закрываю глаза.

Опять меня доставили сюда,
Где будут рвать меня на части,
Где отберут мои года
Служаки хитрой власти.

Над КПЗ склонилась ночь.
Мы спим на голых досках,
А мне вот стало вновь невмочь
От тяжкого вопроса.

Придет свобода или нет.
О, господи! Всевышний,
Ты сотворил и тьму, и свет.
Неужто вновь я - лишний?

Но бог молчит, лишь разговор
С соседних камер слышен.
Кричит там что-то шлюхе вор,
И дождь стучит по крыше.

Когда я открываю глаза, Муза растворяется в ядовитой камерной гнили. Гниль незамедлительно захлестывает глотку, сжимает виски.
Чтоб от нее избавиться, одно спасение - уйти к Морфею или вновь вернуть музу. Выбираю второе.

Под напряжением тело гудит,
Сердце стучит ошалело.
Камера спит, я не сплю.
Какое всем до меня дело!

Рядом насильник 19 лет.
Справа лежит убийца.
А вон и громила ждет рассвет -
Поймали на озере Рица.

А я фотограф, забытый тобой
Писатель, поэт, бродяга.
В дороге и в стужу, и в дождь, и в зной.
Сегодня попал в передрагу.

Проснулся насильник - безмозглый щенок.
Цигарку скрутил и бродит.
Ему девятнадцать, и это не рок
Им пенис пока верховодит.

Громила в наколках крепко уснул.
Любитель страшных историй.
Во сне он видит разбойный загул,
А может быть, вольное море.

Чуть дальше - алкаш, он подавлен, разбит,
Украл непонятное что-то.
На «химии» был, а свобода в кредит
Смешна, словно срочное фото.

Убийца проснулся, вот это судьба.
Второго уже убивает.
К несчастью родила сынишку жена,
А может быть, к счастью, кто знает?

Ужасные судьбы, великий раздор,
Меж счастьем, судьбой и Фемидой,
Ушел в потолок лихорадочный взор.
Засела в груди обида.

Но горше всего, что уходит любовь.
Разлука любовь уничтожит.
В висках, словно маятник, мечется кровь
И грусть по тебе все гложет.

Беру фотографию - снова ты
Любимая, милая Анна.
О, сердце мое, о родные черты.
О, жизнь, ты проходишь так странно.

ЭПИЛОГ

Привет Джон! Эту повесть, посвященную тебе, я дописываю на Черной речке в гостинице «Выборгская». Сегодня в шесть часов вечера меня выпустили из С. Петербургского ИЗ 45/1, именуемого в народе «Кресты». Я получил 2 года 6 месяцев СНХ, что переводится как стройки народного хозяйства. Я буду жить в общежитии, дважды в день отмечаться, ночевать в специальной комендатуре. «Химия», Джон, это относительная свобода. В народе ее называют свободой в кредит, поскольку за малейший проступок условно осужденный подлежит немедленной отправке в колонию.

Сегодня в шесть часов вечера я испытал величайшее чувство вновь обретенной свободы. После года заключения дверь распахнулась, и я оказался вне тюремных стен.

На дворе штормовой ветер и снег. В плаще, без головного убора чужой походкой я направляюсь к зданию Финляндского вокзала. Я не чувствую ничего, кроме разрывающего грудь ликования.

Мне здорово повезло. Судья, который вел мой процесс, оказался человеком новой формации. Таких людей в моей стране единицы.

Фактически эта молодая женщина меня спасла.

За эти семь месяцев я многое понял. Не стану перечислять все заповеди, которые я вывел для себя, сидя в тюрьме. Назову только одну: «Никогда, никогда, никогда, человек в этой стране не обретет истинную свободу!»

Конец.